

Николай Сибиряков

Сергей Петрович Лисицын – Русский Робинзон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несчастный Робинзон Крузо после кораблекрушения у берегов Америки, близ устья реки Ориноко, был выброшен на необитаемый остров, который назвал островом Отчаяния. Двадцать восемь лет он обживал свой крохотный остров, приспособляясь к природе и во всём уповая на Бога...

Почти два века спустя военный корабль, шедший в Охотском море, бросил якорь в версте от скалистого берега. Сергей Петрович Лисицын, нарушитель дисциплины и бунтовщик, был снят с корабля и высажен на необитаемый берег. Тринадцать лет провел он на далеком Востоке, обустривая и защищая свой остров Приют...

Если мы зададимся вопросом, насколько реальны эти события, должны будем согласиться, что в художественных произведениях правда жизни и вымысел всегда тесно переплетены. Однако эта новая, во многом вымышленная реальность настолько ярка, подробности столь достоверны, психология героев так понятна читателю, что робинзонада, ставшая популярной с давнего семнадцатого столетия, продолжает волновать молодые сердца.

Хотя от событий и героев книги Николая Сибирякова нас отделяют полтора века, можно с достаточной точностью определить во времени и пространстве, поискать прототипы и аналогии.

Сергей Петрович Лисицын — если таковой существовал — начинал как небезызвестный граф Федор Толстой по прозвищу Американец — игрок, дуэлянт, скандалист, человек образованный, но совершенно безнравственный. Как-то рассказывал он, что был высажен с военного корабля чуть ли не на необитаемый остров. Конечно, граф был большой выдумщик, любил изрядно приврать. Иван Федорович Крузенштерн, а именно на находившемся под его командованием

шлюпе «Надежда» путешествовал Федор Толстой, в своих записках упоминает, что граф и ещё несколько человек покинули своих соплавателей в Петропавловске, откуда отправились в Петербург сухим путем. Злоключения Робинзона Крузо графу не угрожали, но, согласитесь, наш Дальний Восток и Сибирь — не берег Южной Америки в десяти градусах от экватора...

Ещё одна историческая привязка. Именно в 1845 году в Охотском море находился военный транспорт «Иртыш» под командованием капитана 1 ранга И.В. Вонлярлярского, завершавший переход с Балтики на Дальний Восток. А вот встретиться с командиром «Иртыша» после своих странствий главный герой книги, увы, не смог бы. После непродолжительного пребывания в должности командира Охотского флотского экипажа и капитана над Охотским портом Вонлярлярский вернулся в Европейскую Россию, был произведен в контр-адмиралы, командовал Астраханским портом и скончался в 1853 году, то есть тогда, когда Лисицын и его спутники ещё находились в приамурской тайге.

Долго вглядываюсь в географическую карту. Побережье Охотского моря. Где мог быть высажен Лисицын? Нет, не у Сахалина. Да и от Охотска подальше. Охотск — важнейшая военно-морская база русских на Тихоокеанском побережье. Скорее всего, у Шантарских островов. Здесь и береговая черта соответствует описанию, и путь к Амуру — на юг, через горы и реки до многоводной Алмазной. Так, какая же река названа в книге Алмазной? Вероятно, Урми или Кур. Для нас важно, что бассейн этих рек изобилует озерами и островками. Там могут быть и Архипелажное озеро, и Глубокое, там высится и наш Приют. Есть водный путь к Амуру. Вверх по Амуру можно добраться до Нерчинска — это давно обжитые, хорошо укрепленные русскими места, туда стремятся наши герои.

Поднимется Лисицын с сотоварищи и по Бурее, преодолеет четыреста верст (соответствует расстоянию по карте) по тайге, возвратясь на Приют, будет сплавляться по Амгуни, пока не достигнет устья Амура, а там (запасись только терпением) и дом родной не за горами — за волнами морскими.

Вот он каков — наш необитаемый остров. Огромная территория, благодатный, но суровый край — Даурия. Необитаемый? Скорее безлюдный. Потерпевшие крушение переселенцы, беглые каторжники, заблудившаяся в тайге партия казаков — это всё товарищи русского робинзона.

Долго» время бассейну Амура в России не уделяли должного внимания. Русские землепроходцы семнадцатого века точных карт не составляли. Их донесения зачастую не доходили до Москвы. Поэтому сведения о первых плаваниях русских по Амуру, о выходах из амурского устья казались в веке восемнадцатом и начавшемся девятнадцатом не слишком достоверными.

В 1846 году, то есть в интересующее нас время, к устью Амура был послан бриг Российско-Американской компании «Константин» под командованием поручика корпуса флотских штурманов Гаврилова. Он обследовал часть западного побережья Сахалина и наметил проходящий вдоль него глубоководный фарватер, со шлюпок осуществил промеры в лимане и устье Амура, но определенных выводов о доступности Амура со стороны моря не сделал.

Правитель Российско-Американской компании контр-адмирал Врангель донес министру иностранных дел Нессельроде, что вход в Амур со стороны моря доступен лишь для мелкосидящих судов. Тот, в свою очередь, доложил Николаю I о недостаточных для мореплавания глубинах Амурского лимана. На этом докладе император наложил резолюцию: «Весьма сожалею. Вопрос об Амуре, как о реке бесполезной, оставить».

Однако два года спустя из Кронштадта в Петропавловск вышел военный транспорт «Байкал» под командованием капитан-лейтенанта Геннадия Ивановича Невельского. Увлечись изучением Дальнего Востока, Невельской добился назначения на «Байкал», чтобы проверить, неужели Амур — одна из величайших рек мира — в нижнем своем течении может быть несудоходным?

Официально исследование берегов Приморья в его задачу не входило. Невельской решил ускорить переход и за счет сэкономленного времени обследовать устье Амура. «Байкал» действительно совершил рекордный переход, затратив на него на месяц-полтора

меньше, чем обычно. Сдав грузы в Петропавловске, Невельской направился не в Охотск, как ему предписывалось, а к Сахалину, где приступил к описи побережья и промерам.

Пусть читатель представит, в каких условиях производились работы — ветры, туманы, сильные течения, неизвестные мели, предельно ограниченное время. Геннадий Иванович прекрасно понимал всю тяжесть ответственности. Даже при благополучном исходе дела ему грозили неприятные объяснения с начальством о причинах нарушения инструкций, а в случае чрезвычайного происшествия на корабле — исключение из службы, разжалование в матросы или даже каторга. Невельской поставил на карту всё. Перед началом работ он собрал всю команду и откровенно рассказал о всех сложностях ситуации, но и о том, какое значение для России будут их труды иметь.

В результате точных промеров было установлено, что устье Амура судоходно. Кроме того, выяснилось, что по берегам нет китайских укреплений, в чем почему-то было уверено российское Министерство иностранных дел. Попадались лишь редкие гиляцкие стойбища.

С донесением о своих открытиях Невельской в начале 1850 года прибыл из Охотска в Петербург. Особый комитет, собранный Николаем I для решения амурского вопроса, после бурных прений высказался за продолжение исследований. И теперь уже приходилось торопиться.

В Охотском море стали появляться суда западных держав. Они вели китобойный промысел, осматривали побережье. В 1848 году из Охотского моря с огромной добычей вернулся американский китобой «Ройс». На следующий год в Охотское и Берингово моря вышли более ста пятидесяти американских и английских промысловых судов. Можно было ожидать, что в скором времени в этом районе западные промышленники организуют свои базы, после чего утверждение России в Приморье станет проблематичным.

Обеспокоен этой ситуацией и Николай Сибиряков. Герои его книги, увидев дым за поворотом реки, поначалу решают: это английский

пароход. Вдумаемся. Английский пароход на Амуре! Вот с чем реально могла столкнуться Россия в середине девятнадцатого века.

Невельской, произведенный в капитаны 1 ранга, отправился из Петербурга в свою вторую экспедицию. В заливе Счастья он основал зимовье, названное Петровским, но скоро понял, что этот район не удобен для зимовки судов, и на шлюпке с шестью матросами вошел в Амур. В ста верстах от устья, у мыса Куегда, 1 августа 1850 года был основан Николаевск-на-Амуре.

Местным жителям было объявлено, что Приморский край вплоть до границы с Кореей принадлежит России. Протеста это не вызвало. Гиляки были даже рады, ибо Невельской особое внимание уделял установлению дружеских отношений с коренным населением. Присоединение огромной территории прошло без малейшего насилия.

Оставив на Николаевском посту шесть матросов, Невельской вернулся в Петербург с отчетом и сумел убедить Николая I в необходимости действовать решительно. Император наложил на доклад капитана резолюцию: «Где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не может». Капитан Невельской был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени и вновь отправлен в Приамурский край. Дав указание укрепить Николаевский пост, Геннадий Иванович приступил к дальнейшему изучению края, посылая по разным направлениям небольшие партии казаков и матросов во главе с офицерами. Однако в скором времени пришла очередная инструкция из Петербурга: южнее Амура исследования не вести. И в который уже раз Геннадий Иванович пошел наперекор воле начальства. Летом 1852 года были исследованы река Амгунь, озеро Кизи, залив Де-Кастри, подготовлено несколько складов для экспедиций будущего года, который принес выдающиеся открытия.

Двигаясь в лодке от залива Де-Кастри на юг, посланный Невельским лейтенант Бошняк первым из европейцев открыл обширную и хорошо укрытую бухту. Её величественный вид настолько порастил молодого офицера, что он скомандовал матросам: «Шапки долой!» Бухта была названа первооткрывателем Императорской гаванью (сейчас Советская гавань). В ней в полной безопасности мог базироваться

флот любой численности, имея при этом по Амуру связь с внутренними районами страны.

В Петербурге наконец оценили значение великой реки — перебрасывать по ней из Забайкалья войска и грузы на побережье океана было не в пример удобнее, чем по старому сухопутному пути на Охотск.

Проводя свои исследования в Приамурском крае, капитан Невельской не предполагал, что они так быстро принесут положительный результат. Началась Крымская война. Летом 1854 года в виду Петропавловска появилась соединенная англо-французская эскадра. Трем фрегатам, корвету, бригу и пароходу союзников с 218 орудиями русские могли противопоставить лишь фрегат «Аврору», вооруженный транспорт «Двину» и силы небольшого местного гарнизона.

Тем не менее две попытки союзников под прикрытием корабельной артиллерии высадить десант были отбиты. Потеряв более четырехсот человек убитыми и ранеными, неприятель удалился. Но было ясно: он попытается взять реванш. Серьезно усилить оборону Петропавловска не представлялось возможным, поэтому весной 1855 года гарнизон и местные жители были эвакуированы. Через три недели после ухода русских в Авачинскую бухту вошли английские и французские корабли, но нашли лишь разрушенные строения на берегу. И ни души...

Неприятель бросился в погоню. Охотское море было закрыто льдом. Куда могли деться русские? Зайдя в Татарский пролив с юга, союзники обнаружили исчезнувшие русские корабли в заливе Де-Кастри в ожидании, когда Амурский лиман освободится ото льда. Считая Татарский пролив заливом, союзники решили, что русские в ловушке. Следовало дожидаться подкреплений и одним ударом искупить прошлогодний позор.

Союзная эскадра была уже на подходе к Татарскому проливу, когда Амурский лиман очистился ото льда — путь в устье был свободен. Воспользовавшись туманом, русские корабли покинули Де-Кастри. Союзники в предвкушении победы подошли к месту прежней стоянки русского отряда. Как? Где? Куда могли исчезнуть эти проклятые

русские?! Единственный выход из Татарского «залива» тщательно охранялся...

Вернемся к нашему русскому робинзону, к его дневниковым записям, представленным читателю Николаем Сибиряковым. Недолго Сергей Петрович Лисицын пробыл настоящим робинзоном. Да, следуя традициям жанра популярнейшего в девятнадцатом веке произведения Даниэля Дефо, автор заставил своего героя и жилище построить, и пропитание добывать простейшими народными способами, и горшки обжигать...

Но природа края сурова. Недостает человеческих сил противостоять ей. Нужно человеку помочь. Крушение купеческого судна — прямая отсылка к первой робинзонаде. А вот и наш Пятница — мастеровой Василий, морем отправившийся с переселенцами из Петербурга, чтобы устроить в неведомом краю земледельческий хутор. Сам-то он стремится в Амурский привольный край, где течет «река-море, по правую сторону сидят китайцы, по левую сторону лежат земли необитаемые, не видавшие сохи от сотворения мира, земля — благодать, чернозем непочатый, леса корабельные, трава на лугах в полроста человека, реки и озера полны всякой рыбы, а пушистым зверям счету нет, только бить их некому».

Как мы можем судить, только в сороковых годах девятнадцатого века началось заселение и экономическое освоение русского Приамурья. А чуть позже, после открытия Невельского, уже широко проводилась правительственная политика, направленная на обустройство и укрепление приграничных областей.

Летом 1854 года из Сретенска к устью Амура отправилась флотилия во главе с пароходом «Аргунь», построенным на Шилкинском заводе. На судах находилось около девяносто офицеров, солдат, казаков, мастеровых. В районе Мариинского поста была основана первая казачья станица. В 1855 году караван речных судов доставил в низовья Амура два батальона пехоты, сотню Забайкальского казачьего войска и крестьян-переселенцев. Для формирования казачьих войск на Амуре намечалось отправить туда из Забайкалья около трех тысяч человек обоего пола. Это позволяло сформировать казачий полк из шести сотен.

Для обсуждения проекта освоения Приамурья в Петербурге было создано Особое совещание под председательством великого князя Константина Николаевича, генерал-адмирала Российского флота, главного начальника флота и Морского ведомства. Значение освоения Приамурья было ему хорошо понятно. Совещание рекомендовало переселить на Амур до пятнадцати тысяч человек.

Таким вот переселенцем и радетелем об интересах России, только не по распоряжению правительства, а по стечению обстоятельств и велению души, становится Сергей Петрович Лисицын. Он уже не светский повеса, жестокий и аморальный. Год робинзонства, суровые испытания, существование на грани жизни и смерти укрепили его душу, изгнали из нее скверну, пробудили искреннюю веру в Господа нашего Иисуса Христа. Теперь он многое знает, многое умеет. Одним словом, добрый барин и отец-командир. С нашей точки зрения, наивно и слишком просто. Но если отринуть скепсис человека двадцать первого века...

Лисицын ведет караван на юг, к Амуру, согласившись с доводами Василия. Двигаясь по незнакомой местности, наши герои оказываются то у края отвесной пропасти, то в непроходимой чаще, слышат за близким поворотом реки рев водопада... Будем помнить, что всё это, порой и в более драматичной обстановке, испытали реальные герои — первопроходцы, покорители бескрайних просторов Сибири и Дальнего Востока. Яростный рев поднявшегося из берлоги медведя, страшный рев урагана, свист пущенной из засады пули или стрелы, лютая стужа и голод, голод, который в отличие от милосердного мороза убивал не за считанные часы, а по капле выжимал из людей жизнь неделями и месяцами.

Преодолели. Выжили. Обосновались. Обустроились. Пашут землю. Возводят укрепления. Построили храм. Подняли русский флаг! Отражают набеги неприятеля.

Кто же неприятель? Китайцы, сидящие за великой рекой Амуром. Русские с ними ещё не договорились. Даурия — ничейная земля. Вот и нападают, пробуют завладеть. Бродят по лесам китайские разведчики. А то и многочисленные военные отряды осаждают русскую крепость. Может показаться натяжкой, что горстка

защитников Приюта успешно противостоит значительной военной силе. Но вспомним, Николаевский пост защищали всего шесть матросов, оставленных Невельским.

Конечно, Сибиряков во всю расхваливает доблесть русских, безусловный талант Лисицына как военачальника, смекалку и знание военного дела казаков. А как иначе? Он есть российский патриот. Патриотизмом пронизано всё повествование. Однако автор отдает должное и военной хитрости китайцев, их настойчивости в достижении цели.

Описываемые Николаем Сибиряковым батальные сцены вряд ли могли иметь место. Дело не в неумелости и трусости китайцев и не в воинской доблести и сноровке русских. Китайцы левобережье Амура практически не осваивали, поэтому они легко пошли на соглашение с Россией, уступив ей права на эти огромные и богатейшие территории.

Первый договор с Китаем, получивший название Нерчинского, Россия подписала в 1689 году. На сто семьдесят лет, а именно до середины девятнадцатого столетия, он определил взаимоотношения двух стран. Русские ушли с Амура, а Китай отказался от притязаний на побережье Охотского моря. Что касается линии границы, то она точно установлена не была. Это в последующем, когда соотношение сил в регионе изменилось, дало русской дипломатии хорошие козыри возобновить переговоры с китайской стороной — русские не претендовали на китайскую территорию, а лишь вели речь о территориях, международно-правовой статус которых не был точно определен.

Для окончательного утверждения русских в Приамурье Петербург начал переговоры. Однако возникли препятствия со стороны Китая. Китайская сторона не отказывалась от переговоров, но и не назначала своих представителей для их ведения. Только в 1857 году китайское правительство наконец выразило согласие вступить в переговоры о размежевании границы.

Состоялось подписание Айгунского договора, который закрепил за Россией левый берег Амура. Право плавания по Амуру признавалось исключительно за российскими и китайскими судами. Именно об этом

договоре упоминает в своей книге Николай Сибиряков. Айгунский договор был крупным успехом дипломатии России, достигнутым к тому же без ущемления китайской стороны.

Итак, перед нами действительно редкая книга. Робинзонада — лишь небольшая часть её, а весь рассказ об удивительном, суровом и изобильном крае — русском Приамурье, его первопроходцах и устроителях, людях, сильных духом и верой православной, патриотах великой России, защитниках её интересов на дальних рубежах.

Об авторе книги, Николае Сибирякове, практически ничего не известно. Правда, можно предположить, что автор «Русского робинзона» имел отношение к семье золотопромышленников Сибиряковых, известных своей успешной предпринимательской деятельностью и щедрым меценатством. Один из Сибиряковых, Александр Михайлович, в семидесятые годы девятнадцатого века большие средства вкладывал в исследование Сибири, в организацию научных экспедиций. Экспедиция Норденшельда была снаряжена в основном на его средства. Благородный норвежец назвал его именем один из островов. У Александра Михайловича с Николаем одна фамилия, общий интерес к исследованию необжитых земель...

Книга Николая Сибирякова выдержала несколько изданий в свое время. Значит, была популярна во второй половине девятнадцатого века. Хотелось бы надеяться, что она будет востребована и в веке двадцать первом.

*Александр Комаров,
старший научный сотрудник научно-исследовательской
исторической группы ВМФ*

ЧАСТЬ I

В конце апреля 184... года в Охотском море гордо рассекал волны русский военный корабль. Всё на нем было тихо, спокойно, и служебные обязанности исполнялись с удивительной точностью, доказывавшей строгость командира и любовь его к военной дисциплине.

Была ночь. Корабль плыл в виду утесистых берегов Азиатского материка на всех парусах, дружно надуваемых попутным ветром, как вдруг последовал сигнал убрать паруса и бросить якорь в расстоянии версты от берега. Спустили на воду гичку с двумя матросами. Два дюжих моряка вывели из трюма молодого человека с завязанными глазами, посадили его в гичку и поплыли в глубоком молчании к берегу.

Молодой человек был высокого роста, строен и имел гордую осанку; руки его были связаны. Он не сказал ни одного слова сопровождавшим его людям во всё время пути до мыса, к которому причалила гичка. Матросы высадили его на берег, ввели на утес, поросший густым лесом, посадили под деревом, развязали руки и возвратились в гичку, на которой отплыли к кораблю.

Всё было сделано с такой таинственностью, так поспешно, что молодой человек, сорвав повязку с глаз, увидел перед собой только темные силуэты вековых сосен и фосфорический блеск морских волн, с ревом разбивавшихся о подножие утеса, на котором он находился. До его слуха долетал вой голодных волков, печальные крики филина, свист ветра в лесной чаще и нескончаемый говор волн. Всё было покрыто таинственным мраком ночи, изредка озаряемым луною, выплывавшей из-за туч.

Вскоре ветер начал усиливаться, густые облака заволокли небо и мелкий дождь обильно полил землю; иногда яркая молния, сопровождаемая оглушительным раскатом грома, прорезала непроницаемый мрак, но молодой человек, охваченный ужасом, казалось, ничего не видел и не слышал.

Восход солнца, озарившего небо и землю своими ослепительными лучами, пробудил молодого человека. Он с ужасом увидел себя окруженным лесом, чаща которого была мрачна, а опутанные ползучими растениями деревья были такой величины, которой он не мог и представить. У ног его кипело море, взволнованное ветром. Тщетно быстрый взгляд его старался отыскать в водном пространстве силуэт знакомого корабля: море было так же пустынно, как и утес, на который его высадили.

Изгнанник понял, что во всей этой пустыне, обширной до безграничности, он находится один, без средств к существованию, даже без возможности защищаться в случае нападения хищного зверя. Он понял, что осужден на медленную смерть. Отчаяние проникло в его слабую душу, и он начал проклинать день рождения своего, жестоких людей, осудивших его на эту ссылку, и даже дерзнул возроптать на Создателя нашего.

Пока несчастный предается гневу и отчаянию, я познакомлю вас с ним. Это был Сергей Петрович Лисицын, молодой человек 24 лет, красивой наружности, с темными вьющимися волосами и большими голубыми глазами, озаренными особенной привлекательностью. Правда, опытный наблюдатель заметил бы в его физиономии признаки гордости, самонадеянности и властолюбия, но эти оттенки сглаживались печатью ума на высоком его лбу.

Лисицын был сыном храброго офицера, убитого под Силистрией. Он остался двенадцатилетним сиротою на руках доброй тетки, которая чрезвычайно любила его и баловала, как могла. Это привело к тому, что Сергей сделался своенравным и капризным мальчиком, которого никто терпеть не мог ни в гимназии, ни в университете. Правда, товарищи уважали его за необыкновенные способности к наукам, за физическую силу и ловкость, а более всего за дерзкое обращение с начальством, сопровождавшееся наказаниями, которые он выдерживал со спартанским стоицизмом.

Окончив блистательно экзамен, он получил звание кандидата математических наук и с триумфом явился к тетушке-баловнице в её село Сосновку в Курской губернии. Старушка была очарована его светским лоском, блистательной игрой на скрипке, ловкостью в танцах, искусством рисовать масляными красками и его острым умом. Если бы знала она, как испорчено сердце её племянника безверием и множеством пороков, то её обожание превратилось бы в ужас.

Старушка была не чужда общих предрассудков дворянства того времени и настояла, чтобы Лисицын начал свое служебное поприще на Марсовом поле. Двадцати двух лет он был записан юнкером в гусарский полк, где через шесть месяцев получил офицерский чин.

Дуэль с полковым адъютантом заставила его вскоре выйти в отставку. В статской службе он имел ещё менее успеха из-за своего запальчивого характера. Неспособный к полезному труду, не терпящий подчиненности, он безрассудно проматывал деньги, присылаемые щедрой теткой, в кругу столичной молодежи и вероятно погиб бы в вихре разгульной жизни, если б дальний его родственник, главноуправляющий Северо-Американской компанией, не вызвал его к себе в Новоархангельск. Это был единственный человек, которого повеса любил и уважал душевно.

Пресытись наслаждениями в обеих столицах, Лисицын охотно принял приглашение, ожидая найти новые ощущения в длинном морском пути и в суровой, совершенно не известной ему стране. Запасшись всем необходимым для собственного комфорта ной пустыне, как он называл наш северный американский край, он сел на военный корабль, ежегодно отправляющийся в кругосветное плавание.

Командир корабля был человек суровый, строго поддерживавший дисциплину, но музыкальные и рисовальные таланты Сергея Петровича дали ему свободный доступ в капитанскую каюту. Это несколько разнообразило скуку долгого морского пути.

Дурной характер Лисицына должен был вскоре выказаться: оскорбленный начальническим обращением с ним командира корабля, молодой шалун не упускал случая в кругу юных мичманов и гардемарин клеймить его сарказмами и передразнивать его странные манеры и смешные выходки, что не могло остаться тайной для капитана. Возникло неудовольствие, худо скрываемое с обеих сторон. К концу вояжа вражда достигла высшего накала, так что однажды, под влиянием излишне выпитого вина, Лисицын наговорил дерзостей суровому командиру, а когда за это был посажен под арест, до того забылся, что уговаривал матросов восстать против тиранства их строгого начальника. Последствием этой запальчивости был двухнедельный арест и высадка бунтовщика на необитаемый берег.

Возвратимся к нашему герою. Проклиная свою горькую долю, он отправился к краю утеса с твердым желанием броситься в море.

Однако, пройдя несколько шагов, он увидел свои вещи, сложенные в кучу, а поверх большой мешок, наполненный сухарями. Увидев пищу, Лисицын мгновенно изменил свое намерение топиться; любовь к жизни взяла верх, и бедняк с жадностью принялся утолять голод, потому что после приговора военного суда он не ел целые сутки. Подкрепив свои силы походной солдатской пищей, Лисицын снова предался глубоким размышлениям. Две недели находясь под арестом, он не знал, где в последнее время плыл корабль, и не мог определить, на остров или на материк он высажен. Если это остров, то, по его соображению, он должен принадлежать гряде Курильских или Алеутских островов; в этом случае есть надежда на скорое освобождение из заточения. Если же это материк, то он находится теперь или на западном берегу Америки, или на восточном берегу Камчатки, или на севере необитаемого Приамурского края. В первом случае, идя на юг, он скоро сможет достигнуть человеческих жилищ; во втором, идя на север, может повстречать звероловов или, пробравшись до кочевья чукчей, возвратиться оттуда в населенные места Сибири. В последнем же случае он тщетно будет блуждать в обширной необитаемой пустыне.

Идти куда-нибудь наудачу или оставаться на утесе в ожидании корабля, который может приметить его сигналы, — вот задача, над которой ломал голову неопытный путешественник. При этом он невольно сознавал свои бесчисленные пороки, доведшие его до настоящего бедственного положения. Только наступившая ночь вывела Лисицына из задумчивости, напомнив ему об опасности сделаться добычей хищных зверей.

Страх принудил его взобраться на высокую сосну, где, усевшись, как только можно было покойнее, он начал было засыпать, но отдаленный вой волков привел его в ужас. Ему всякую минуту казалось, что грозный вой приближается, и испуганный взгляд его в непроницаемом мраке старался определить число кровожадных врагов.

Сколько раз случалось Лисицыну во время охоты засыпать на земле под вой волков с совершенным спокойствием. Отчего же теперь так ужасало его соседство этих животных? Оттого, молодые

читатели, что под гнетом несчастья пробудилась его совесть, а тогда она спала сном невозмутимым. Лисицын, одолеваемый усталостью, заснул лишь с наступлением зари.

На карманных часах Сергея Петровича стрелка показывала давно десять, когда он проснулся. Солнце сильно пригревало землю, птички весело пели в чаще, всё дышало спокойствием.

Спустившись с дерева, Лисицын решил поискать воду. После долгой ходьбы саженьях в двухстах от морского берега он нашел ключ превосходной студеной воды, вытекавший из-под корня старой ели. Изгнанник с жадностью припал к источнику и с наслаждением глотал живительную влагу.

К этому источнику примыкала обширная поляна, одной стороной обращенная к морю. Ель, из-под которой вытекал ключ, имела в окружности три обхвата и в высоту была не менее двадцати саженьей. Лисицын решил остаться здесь в ожидании спасительного корабля. С трудом он перенес сюда вещи, причем очень обрадовался, найдя между чемоданами двуствольное охотничье ружье и патронташ с зарядами. К ружью было привязано письмо:

Любезный Сергей Петрович!

По Морскому уставу вас следовало осудить на смерть, но ради вашей молодости, ради ваших замечательных талантов, а главное — вследствие подмеченной мною доброты вашего сердца, испорченного воспитанием и дурным обществом, я дарю вам жизнь, ограничиваясь высадкой на необитаемый берег. Душевно желаю, чтоб уединение и нужда исправили ваш несчастный характер. Я даже уверен, что у вас достанет ума, чтоб сознаться в недостатках своих, и твердой воли, чтоб исправиться. Да поможет в этом вам Бог, которого вы теперь не признаете, но которого узнать научит вас пустыня. Чтоб вы могли защищать свою жизнь в случае опасности и имели возможность разводить огонь, дарю вам мое любимое охотничье ружье с патронташем, наполненным зарядами, и ягдташем, а также большое зажигательное стекло. Наконец, не имея права удерживать на корабле ваши вещи, хотя теперь совершенно для вас ненужные, я приказал сложить их на берегу поблизости от вас. Время и размышление научат вас оценить мою

снисходительность и, если судьба когда-нибудь сведет нас снова, чего я душевно желаю, мы не встретимся врагами. А. М.

Лисицын прочел это письмо несколько раз. Какие чувства наполняли в это время его душу, из дневника не видно, однако он старательно спрятал письмо старика капитана.

Герой наш выложил из чемоданов свое имущество, чтобы определить, какие вещи могут быть ему полезны в настоящее время. В двух больших чемоданах оказалось несколько дюжин голландского белья — носильного, постельного и столового; теплое и летнее одеяла; три пары платья и столько же пар сапог; романовская дубленка, черкесская шапка; пара дуэльных пистолетов, полная коробка пистонов, большой булатный кинжал; письменный прибор со стальными перьями и карандашами, чертежный инструмент, палочка туши, ящик с сухими красками; большой ящик с масляными красками в хрустальных флаконах, с палитрой и кистями, стопа почтовой бумаги, флакон с чернилами, бритвенный ящик, столовый и чайный серебряные приборы, записная книжка и до двухсот гаванских сигар. В чайном погребце, сверх столовых тарелок и стаканов и пары складных шандалов, чайница и сахарница были полны чаем и сахаром, а две большие фляги — водкой. В патронташе находилось двадцать четыре заряда с пулями, в портфеле лежало 2800 рублей кредитными билетами. В карманах Лисицына находились золотые брегетовские часы и большой складной нож с пилкой. Сухарей оказалось не менее пуда.

Герой наш был ветрен и непредусмотрителен, но настоящее трудное положение заставило его серьезно поразмыслить, как лучше распорядиться своими вещами. Ничего, кроме оружия, зажигательного стекла, записной книжки и сухарей, ему оказалось не нужно, он уложил свое добро опять в чемоданы.

Осмотр имущества, укладка его и зарядание ружья заняли много времени. Было пять часов пополудни, когда изгнанник окончил свои хлопоты. Для сбережения припасов он решил не тратить в день более четверти фунта сухарей, но не прошло и нескольких часов, как Лисицын почувствовал, что между намерением и исполнением

огромная разница, словом, его желудок начал требовать пищи. Тогда он отправился на поиски хотя бы чего-нибудь для утоления голода.

К несчастью, отлично зная механику, архитектуру и математику, Лисицын плохо учился ботанике, а потому не решился попробовать попадавшиеся ему коренья. Наконец, возвращаясь к своему кочевью, утомленный ходьбой и голодом, он набрел на семейство маслянников, которыми наполнил свой ягдташ. Изжарить грибы было не в чем и не на чем: ни масла, ни сметаны, ни сковороды у Лисицына не было. Это привело его в уныние.

Вдруг пришла ему мысль попытаться испечь грибы в горячей золе. Он набрал кучу сухих ветвей и листьев и поджег её с помощью зажигательного стекла; когда же образовалось достаточно золы, он пригреб её к горящим угольям и в ней испек ароматные маслянники, оказавшиеся вкусными, несмотря на то что они не были приправлены солью. Утолив голод грибами, наш невольный пустынный опять расположился ночевать на дереве.

Так без всякой перемены прошло несколько дней, впрочем не без пользы для нравственного состояния Лисицына. Из его дневника видно, что он отдавал уже справедливость суровому командиру корабля, снабдившему его полезными вещами — зажигательным стеклом и ружьем.

Лисицын пришел к убеждению, что высадили его на самый бесплодный берег Азиатского материка, потому что, кроме грибов, он не находил никакой пищи. Он часто встречал дичь, подпускаящую его на довольно близкое расстояние, но не решался тратить дорогой заряд на небольшую птицу. Наконец его посетила счастливая мысль смастерить лук и стрелы: он вырезал дубовую ветвь для лука, а для стрел расколол на тонкие брусочки сосновый сухой сук. Когда же дело подошло к концу, стала очевидной бесполезность его труда — не было материала для тетивы и крепкого острия для стрел.

Тогда Лисицыну пришла в голову другая мысль: устроить пращу, заменив ремни жгутом из полотенца. Разрезать полотенце по длине, свить из длинных полотнищ веревку и устроить петлю было для него делом нетрудным, но метать этим снарядом камни пришлось долго учиться. Ему стоило больших усилий преодолеть свое

отвращение к труду, и только одна крайняя нужда была причиной, что упражнения в метании камней пращею были постоянны и энергичны. За две недели Лисицын всё же выучился попадать камнями в цель на достаточном расстоянии. С помощью пращи он иногда убивал птиц, а потом жарил их над угольями, употребляя вместо вертела железный прут от чемодана.

Лисицын сознался в своих записках, что мясо дичи показалось ему очень вкусным после долгого питания печеными грибами и что ел он его с нечеловеческой жадностью.

Однажды, вооруженный ружьем, пистолетами и кинжалом, он решился на прогулку по морскому берегу. И хотя Сергей Петрович был совершенно уверен, что местность эта необитаема, он принял меры предосторожности для сохранения своих вещей, прикрыв их толстым слоем хвоста. Пустынная жизнь начала исправлять характер Сергея Петровича: прежде он ничем не дорожил, ни о чем не думал, теперь же сделался осторожным и предусмотрительным.

Путь его шел по возвышенному берегу, живописно окаймленному дремучим лесом. Местность изредка пересекалась зеленой лужайкой, маленькой бухточкой, холмами и оврагами. Пробродив целый день и не встретив ни одного живого существа, Лисицын, совершенно уставший, добрал до речки, с шумом падавшей в море по каменистым уступам. Пройдя более версты по левому её берегу, он не нашел брода для перехода на другую сторону и чем дальше углублялся в материк, тем берега реки делались отложе, а течение медленнее; прибрежная долина только изредка была отмечена группами высоких хвойных деревьев.

С закатом солнца громкое завывание волков нарушило священную тишину вековой чащи. Лисицын не решился идти дальше и, поужинав размоченными в воде сухарями, поместился для ночлега на высоком дереве, ближайшем к реке.

В половине ночи он был разбужен сильным треском в лесу. Окинув испуганным взглядом окрестность, хорошо освещенную луной, он с ужасом увидел огромного медведя, шедшего прямо к дереву, на котором разместился наш пустынный. Лисицын, никогда не видавший медведя на свободе, почувствовал чрезвычайный ужас при

взгляде на столь опасного соседа, которому ничего не стоило взобраться на дерево. Медведь улегся прямо под деревом. Сергей Петрович не смел пошевелинуться, старался даже сдерживать дыхание, чтобы лютый враг не учуял его присутствия. От сильного испуга Лисицын едва не уронил ружье.

Прошло около часа, показавшегося бедному сидельцу целой вечностью, прежде чем медведь встал и начал обнюхивать воздух. Лисицын понял, что наступает его конец — руки не могли совладать с ружьем. Однако на этот раз именно страх послужил ему спасением: медведь его не приметил. Через несколько минут зверь забеспокоился, потом осторожно пополз по траве к краю поляны, как бы подстерегая добычу.

Лишь только он оказался на поляне, на него напала стая волков. Сильный медведь сперва храбро отбрасывал врагов, сопровождая удары грозным ворчанием, потом, убедившись в своей несостоятельности, отступил и с быстротой, удивительной для его тяжелого тела, влез на дерево, занимаемое Лисицыным, где поместился аршина на четыре ниже. Между тем волки с яростью атаковали дерево: некоторые бросились подкапывать корни, другие, посмелее, пробовали взобраться на ствол с помощью острых когтей, но дорого заплатили за свою дерзость, будучи задушены в могучих лапах расвишавшего медведя. В остальных неприятелей медведь кидал обломки сучьев с удивительной силой и ловкостью.

Война эта продолжалась довольно долго; она казалась бесконечной в особенности для молодого человека, ежеминутно ожидавшего, что медведь, расправившись с волками, обнаружит его как более лакомую добычу. От страха он так ослабел, что при сильном сотрясении дерева, когда медведь отламывал сук, не удержал своего ружья — оно упало прямо на спину зверя. Лисицын зажмурился в ожидании своей последней минуты.

Прошло довольно времени, прежде чем герой наш решился осмотреться, удивленный наступившей тишиной. Медведя нигде не было. Вокруг дерева лежали пять мертвых волков. Другой, будучи на месте Лисицына, поспешил бы в жаркой молитве возблагодарить

Бога за чудесное спасение, но неверующий молодой человек приписал всё игре случая.

Как только взошло солнце, Сергей Петрович слез с дерева, под которым нашел свое ружье в совершенной целости. Зная из рассказов охотников, что медведи чрезвычайно боятся внезапностей, до того, что даже часто умирают от испуга, Лисицын догадался, что его ночной сосед после падения на него ружья испугался и убежал в лес. Он поспешил по следам зверя и не далее двух верст от места сражения нашел медведя, уже издохшего. Раздосадованный невозможностью полакомиться окороком мишки, он снял с него пушистую шкуру. По возвращении к месту ночлега снял шкуры и с волков. Шкуры промыл в реке, развесил на деревьях для просушки. Дерево, свидетель ночного ужаса, оказалось прекрасным кедром, на котором Лисицын обнаружил множество прошлогодних шишек с вкусными орехами. Конечно, пустынный наш поспешил ими полакомиться. Невдалеке Лисицын нашел небольшую возвышенную поляну на берегу реки, окаймленную со всех сторон плодоносными кедрами. За рекой расстилалась просторная луговина, доходившая до самого моря. Вправо от живописной долины возвышались горы, поросшие хвойным лесом. В реке играло на солнце множество рыбы. Восхитительное местоположение этой поляны, вид на море, от которого зависело его спасение, обилие рыбы в реке и богатый сбор кедровых орехов убедили Лисицына основать здесь свою стоянку в ожидании прихода корабля, который избавит его от заточения в этой пустыне.

С большим трудом молодой человек перенес сюда свои вещи, истратив на это несколько дней. В первую же ночь после переселения он промок до костей под проливным дождем и едва успел спасти от воды свои пожитки, накрыв их шкурами зверей. Это заставило его серьезно подумать об убежище, в котором можно было бы укрыться от дождя и холода.

Лисицын долго обдумывал, как приняться за дело, не имея ни топора, ни пилы, ни долота. Наконец, начертив на возвышенном месте четырехугольник, имеющий по шести аршин в каждой стороне, он по этим линиям с помощью большой морской раковины,

заменившей заступ, выкопал узкий ровик глубиной до трех четвертей аршина; в этот ровик поставил нетолстые колья на небольшом расстоянии один от другого. Засыпал колья плотно землей, пространство между ними заплел гибкими ивовыми прутьями.

Окончив этот внутренний плетень, он выкопал другой ровик в аршинном расстоянии от первого, и устроил второй плетень, но только по мере его возвышения заполнял промежутки между плетнями глиной, сильно уколачивая её колом. Лисицын вспомнил, как в деревне тетки мужики заплетали изгороди и устраивали плетневые сараи. Для большей прочности он связал прутьями верхние концы обоих плетней. Теперь стены нужно было накрыть потолком и над ним устроить крышу от дождя. Для этого Лисицын набрал в лесу сухого валежника, из которого приготовил длинные слёги, он плотно забрал ими потолок строения, оставив над стенами со всех сторон аршинные выступы; потом пазы между слёгами промазал глиной и навалил на потолок целую гору сырого мха, образовав из него скаты на все четыре стороны. Плотницкого инструмента у Лисицына не было, и потому дверей и окон в хижине он сделать не смог. Наш архитектор при устройстве плетней оставил три отверстия: небольшое для света, другое для входа в хижину — оба под самым потолком, а третье возле пола для сообщения основного жилища с предполагаемой пристройкой. Эти отверстия он затыкал четырехугольными плетушками, наполненными землей, и сверх того наволоками, набитыми сухим мхом. В одном углу хижины было сплетено место для постели на три четверти аршина вышиной от пола, оно было застелено сухим мхом; подушками служили наволоки, также набитые мхом.

Над возведением своей хижины Лисицын трудился больше двух месяцев. Читая этот правдивый рассказ вполне поймет его блаженство, когда после многих ночей, проведенных на дереве в беспокойстве и тревоге, он наконец заснул на мягкой постели в совершенной безопасности от зверей и осадков.

Провидение благоприятствовало нашему герою: всё время, пока он трудился над своей постройкой, стояла прекрасная погода; после же

перехода его в хижину пронеслась страшная гроза с проливным дождем, продолжавшимся почти двое суток, но хижина осталась невредима — в нее не попало ни одной капли воды. Лисицын аккуратно вел время. Наступил август. Не видя в здешнем климате большой разницы с климатом средней полосы России, он благоразумно предположил, что должно ожидать скорого наступления зимы. Это заставило его призадуматься об устройстве печи, без которой он рисковал замерзнуть в своей хижине. Прежде всего необходимо было заняться деланием кирпича.

После долгих размышлений Лисицын отправился на поиски и отыскал поблизости от хижины в обрывистом берегу реки превосходную глину. Накопал её большую кучу, сложил на ровном месте, замочил в несколько приемов, прикрыл сверху мхом, чтобы дать глине время превратиться в однородную массу.

Через несколько дней Сергей Петрович сильно перемял глину ногами, доведя до такой степени густоты, чтоб можно было валять её в комки. Когда эти комки, просушенные в тени, сделались твердыми, он осторожно обрезал их ножом, придавая им форму кирпича, и досушил на воздухе.

Наделав таким способом до двух тысяч сырца, Лисицын приступил к обжигу. Для этого он сложил сырцовый кирпич в остроконечную кучу, образовав внутри её свод для топки с маленькими промежутками между каждым кирпичом, и сначала исподволь прокурил сухим хворостом до тех пор, пока кирпич перестал издавать из себя пар, потом обложил всю кучу снаружи хворостом, набил свод толстым валежником и более суток таким образом поддерживал огонь. Когда увидел, что весь кирпич раскалился докрасна, огонь постепенно начал убавлять и наконец совершенно прекратил обжигание. Трое суток кирпич остывал. Получилось его более тысячи штук удовлетворительно выжженного. В этом деле Лисицыну очень помогло теоретическое знание всех способов выделки кирпича. Хотя приготовленный им кирпич не имел совершенно правильной формы и оказался неодинакового размера, но для кладки печи был пригоден.

Лисицыну как любителю архитектуры были известны в теории все роды голландских и пневматических печей, но о простых крестьянских он понятия не имел. Притом самого процесса кладки печей ему никогда не случалось видеть. Он хотел устроить русскую печь без трубы, чтобы хижина была теплее и во избежание выброса из трубы горящей сажи, так часто приводящего к пожару.

Долго он соображал да примерялся, но печь сложил: выкопал яму в аршин глубиной и наполнил её мелким камнем, каждый слой которого сильно утрамбовывал большим камнем и заливал жидкой глиной. На этом бугре была основана из кирпича площадь печи, на четверть выше земляного пола, потом проложены два ряда кирпича на ребро с промежутками, чтобы тепло из-под печи не уходило в землю, по этим рядам настлан сплошной под печи в четыре ряда кирпича и над ним сложен прочный свод. Тяга огня была устроена сзади печи. Дым выходил в хижину и из нее улетал через окно. Во время топки дым стоял в хижине до половины её высоты, так что, сидя на кровати, Лисицын не чувствовал его едкого запаха. Для закрытия устья печи служила хорошо обожженная глиняная заслонка.

Сведущий мастер сложил бы эту печь в два, много в три дня; наш же непривычный работник употребил на её сооружение ровно две недели. Вы, молодые читатели, вряд ли поймете тот восторг, с каким Лисицын первый раз топил свою печь, не замечая синего дыма, густым слоем стоявшего над его головою. В этой печи он видел спасение от зимней стужи, возможность готовить горячую пищу, если только найдется средство добывать рыбу и соорудить кухонную посуду.

Хотя в реке водилось много рыбы, для ловли её нужен был невод или другой какой снаряд, а для приготовления горячей пищи требовались горшки и плошки. Но как сделать эти вещи? Человек и поопытнее нашего героя призадумался бы, не имея нужных материалов и знаний.

Выделка глиняной посуды представлялась менее затруднительной, поэтому Лисицын и начал с нее. Вымесив глину как можно тщательнее и гуще, он на ровном месте из обломков

кирпича устроил с помощью глины болваны для горшков и плошек. Этим болванам палкой и ножом он придавал правильную форму и гладкую поверхность, затирая трещины по мере высыхания песком с глиной. Когда болваны хорошенько высохли, он покрывал их равномерным слоем мха и осторожно обкладывал глиной, толщиной в два пальца; как только глина немного просыхала, он опять с помощью ножа и палки ровнял стенки сосуда, а чтоб они не трескались от солнца и ветра, обсыпал песком и листьями.

Посуда в несколько дней просыхала так, что он без труда мог снять её с болванов, причем от неосторожности обходилось не без убыли. Первые его изделия имели очень толстые стенки, но впоследствии он выучился делать их тоньше и правильнее. Правда, Лисицын никак не мог сработать настоящие кухонные горшки, его изделия походили на горшки цветочные, но он считал их пригодными для варки пищи, если б только удалось их хорошенько обжечь.

Изготовив несколько горшков и плошек, он приступил к их обжиганию. Для этого сложил на ровном месте из бледного кирпича свод с продушинами для выхода пламени, а края его обвел стенкой из поставленного на ребро кирпича, чтобы посуда не могла свалиться со свода. Для первого опыта Сергей Петрович выбрал три горшка и две плошки. С раннего утра до вечера он поддерживал сильный огонь, пока посуда не прокалилась докрасна. Вероятно, от излишнего жара один горшок и одна плошка лопнули, но два горшка и одна плошка выдержали операцию.

Лисицын весело потушил огонь и, оставив посуду остывать, отправился в хижину, где всю ночь промечтал о том, как завтра сварит грибную похлебку.

Лишь только рассвело, наш гончар побежал любоваться своими горшками. Каковы же были его удивление, досада и потом ужас, когда он нашел их разбитыми в мелкие куски. Сначала он не мог понять, как они скатились на землю, и досадовал на себя, зачем мало позаботился об их устойчивости. А рассмотрев, что черепки разбросаны во все стороны, пришел к убеждению, что есть у него сосед, и, разумеется, злой, если решился истребить полезный труд. Целый день просидел Лисицын в хижине с заряженным ружьем,

посматривая в оба отверстия, чтобы не пропустить приближающегося врага. Кругом всё было тихо и спокойно; ни одно живое существо не показывалось на опушке леса, окружавшего хижину. Прошло ещё два тягостных дня, в течение которых страх молодого человека рассеялся; он решил опять приступить к работе. Он подверг обжиганию два горшка и две плошки и на этот раз действовал осмотрительнее: сперва поддерживал малый огонь, потом усилил его и получил хорошо выжженную посуду.

...А на другой день он опять нашел горшки и плошки разбитыми. Теперь Лисицыну было ясно, что враг его скрывается поблизости и выжидает случая напасть на него. Он вторично хотел было спрятаться в хижине, но, рассудив благоразумно, что негодяй ночью легко может сжечь его хижину, решил бежать из этой опасной местности. Однако ему жаль было покинуть удобную зимовку и бросить свое имущество. И тогда в нашем герое пробудилось мужество: он решил отыскать своего врага, действуя по обстоятельствам. В самом деле, чего ему бояться с его замечательной силой, ловкостью и превосходным вооружением? Лисицын тщательно осмотрел местность и нигде не нашел людского следа. Он здраво рассудил, что разрушающий его труды сам от него прячется, а стало быть слабее. Тогда Сергей Петрович решил поймать негодяя на месте преступления.

На другой день он снова обжег два горшка и две плошки, только на ночь не ушел в хижину, а спрятался поблизости в кустах, росших на берегу реки, имея наготове ружье, заряженное пулями. Ночь была на исходе; никто не подходил к гончарной печи, и герой наш, одолеваемый сном, начал очень вежливо отвечать поклоны окружающим предметам, как вдруг треск разбитого горшка заставил его широко раскрыть глаза и приготовить ружье. Увидел он большого медведя. Косолапый осторожно стащил с печи плошку и, ударив её о землю, глубокомысленно смотрел на летевшие во все стороны черепки. Когда косматый шалун протянул лапу за следующим горшком, Лисицын выстрелил, да так метко, что попал в самое сердце. Медведь, не успев исполнить свое намерение, тяжело

рухнул на землю и не шевелился. Лисицын, опасаясь хитрости зверя, выстрелил ему в голову, но бедный мишка оставался неподвижен.

Победитель поспешил снять с убитого врага пушистую шкуру, обобрал много сала, годного для освещения хижины. Окрока отсек для пищи, остальное же мясо бросил в реку. Окончив эту работу, Лисицын отлично позавтракал жареной медвежатиной. Сало, промытое в воде, он сложил в горшки и закопал глубоко в землю, чтобы не испортилось от тепла и воздуха. Мясо окороков изрезал на тонкие пластинки, хорошо провялил на солнце и ветре, а часть высушил в печи на плосках.

После этого происшествия ничто не мешало обжигу горшков, и Лисицын наделал их много, разных размеров. Через два или три дня после победы над медведем, проходя берегом реки, он заметил на брошенном в воду мясе множество крупных раков. Эти краснокожие лакомки на несколько дней стали для нашего пустынного вкусной пищей.

Решив сделать запас продовольствия на зиму, Лисицын устроил для него помещение, пристроив к своей хижине погреб. Погреб он вырыл в земле, а над ним устроил стропила в два ската; по стропилам проложил плетень, а сверху застлал его слоем мха и осоки. Хижина с погребом сообщалась через отверстие в стене, устроенное у самого пола. В погреб Сергей Петрович поместил в глиняных плосках провяленную и сушеную медвежатину, в кладовую — сушеные грибы, лесные орехи и кедровые шишки.

В этих трудах застал Лисицына сентябрь. Два холодных утреника напомнили о скором приближении зимы, а значит, нужно было ускорить заготовление съестных припасов. Вся его надежда была на рыбную ловлю.

Лисицын приступил было к плетению сака из тонкого лыка, но как-то вечером, занимаясь этим трудным для него делом, вспомнил вдруг о применяемом на его родине способе ловить рыбу вершами — полукруглыми плетенками из тонких ивовых прутьев. Такие плетенки ставились по течению по несколько в один ряд и прикреплялись к кольям, вбитым в дно. Остальное пространство речного течения загораживалось плетешком, чтобы рыба плыла

через верши. Рыба имеет привычку плыть против течения, через воронку свободно проходит в плетенку, а назад возвратиться не может.

Река имела много удобных мест для установки верш. Плетение сака тотчас было брошено, Лисицын приступил к устройству плетушек. Получив уже навык к плетению, наш пустынный довольно скоро изготовил дюжину вершей и установил их в реке на удобном месте. По прошествии суток он наловил столько рыбы, что, высыпав её на траву, почти онемел от изумления, увидав перед собой не один десяток окуней, ершей и других, не известных ему рыб. Скоро его запас сушеной и копченой рыбы был довольно значителен.

25 сентября, день своего ангела, наш герой решил посвятить совершенному отдыху. Хорошо вооружившись, с корзинкой в руках, он отправился в лес, стараясь не удаляться от реки, чтобы не заплутаться. Он часто поднимал с лежки зайцев и спугивал целые стада рябчиков. И пока он предавался досаде, что не может добыть для своего стола дичи, столь изобильной в этой местности, в голове его блеснула мысль устроить тетиву для лука из узких ремней медвежьей шкуры, свитых в бечевку. Будучи нетерпелив, он сейчас же вернулся, чтобы сделать лук и стрелы.

Не доходя с версту до хижины, он увидел под кустом молодого ежа. Лисицыну давно хотелось приручить какое-нибудь животное, и он с радостью положил ежа в корзинку. Принеся в хижину иглистого пленника, Лисицын озадачился, каким образом сделать дикое животное ручным. Применяясь к теории воспитания собак, он решился, скрепя сердце, поморить ежа несколько времени голодом.

Прикрыв корзину, чтобы еж из нее не убежал, Лисицын приступил к изготовлению тетивы, лука и стрел. Лук он согнул из молоденького дубочка, а стрелы сделал из кленового дерева в аршин длиною; для придания им надлежащей тяжести и правильного полета он облепил головки стрел куском мягкой древесной смолы. Физической силы для натягивания лука оказалось у Лисицына достаточно: на расстоянии тридцати шагов он убивал небольшую птицу.

Верши и стрелы совершенно обеспечили Сергея Петровича в жизненных запасах. Он спокойно стал ждать зимы, которая не

замедлила с приходом. После пятидневного снега ударил мороз и держался всю зиму от 10 до 20 градусов. Хижина совершенно удовлетворяла своему назначению — в ней было тепло и сухо, воздух ежедневно освежался при выпуске дыма. Было не тесно и не просторно: всё необходимое для жилья находилось у него под рукою. Было, правда, одно важное неудобство — недостаток света, которое, впрочем, несколько устранялось глиняным ночником с медвежьим жиром. Фитилем служила корпия, надерганная из лоскута ветхого белья.

В ясные дни Лисицын выходил из хижины для добывания дров, ловли рыбы и добывания дичи. Во время метелей и в длинные вечера он занимался воспитанием ежа, сделавшегося почти ручным, и изготовлением мебели.

Прежде всего он решил устроить табурет. Без топора, пилы и прочих инструментов Лисицын мог рассчитывать только на свой изобретательный ум. Вырезав четыре ореховые палки длиной около четырнадцати вершков, он прорезал их посередине, каждые две крестом и в точках соединения крепко оплел лыком, чтобы они не расходились; каждый из этих крестов он распер сверху ореховыми палочками, насадив их на верхние концы крестов и потом соединил их продольными брусочками; образовавшуюся таким образом рамку он заплел камышом. Для стола он изготовил две прочные рамки, которые связал тем же способом; вместо доски поместил в верхней раме пустой чемодан дном кверху. Чтобы дать ясное представление о внутренности хижины, я расскажу о всём её убранстве. В одном углу помещалась печь, против её устья находились плетеные полки для посуды; под окном стоял стол, рядом — чемодан с бельем и вещами; в углу помещалась вешалка с платьем; в последнем углу была устроена кровать. Обед Лисицына был довольно разнообразен: уха или грибная каша; вареная, копченая и сушеная рыба; копченая, сушеная и жареная дичь, вместо десерта Сергей Петрович ел простые и кедровые орехи.

Он вставал в восемь утра и тотчас затоплял печь. Во время топки завтракал и готовил обед, причем еж получал обильную подачку. Потом он шел на работу или на охоту, если позволяла погода. Обедал

в два часа вместе с ежом, для которого изготовил особый низенький табурет. После обеда писал дневник, занимался какой-нибудь нужной работой и в десять часов ложился спать.

Казалось бы, человек должен был возблагодарить Бога за те удобства и средства к жизни, какими он пользовался, и, проникнутый светом Божественного учения, с терпением ожидал бы конца плена, поддерживаясь надеждой, что если Господь не оставил его теперь, то не оставит и впредь. Но Лисицын, не признававший верховного существа, часто проклинал свою участь и сгорал желанием возвратиться на родину, пусть бы пришлось для этого терпеть все возможные лишения и даже потерять жизнь.

Так проходили в унылом однообразии дни. Однажды ночью разбудил Лисицына страшный вой. Отомкнув отверстие, он увидел перед хижинкой стаю волков, которые, усевшись полукругом, выводили дикую серенаду. Увидев человека, алчные звери завывали сильнее и заклацали зубами, от чего у Лисицына волосы встали дыбом, он до того растерялся, что несколько минут не мог замкнуть отверстие, когда же он это исполнил, волки пришли в ярость, и было слышно, как некоторые стараются вскарабкаться к отверстию.

Оправившись от испуга, Лисицын решил прогнать неприятеля выстрелами. Он снова отомкнул отверстие и прямо перед собой увидал волка с устремленными на него светящимися, как раскаленный уголь, глазами. Выстрел поверг дерзкого на землю, но волки опять с бешенством бросились на хижину; одни стали грызть плетень, другие полезли на стену, несколько взобрались на крышу. Желая спасти хижину от разорения, осажденный был вынужден отстреливаться. На рассвете враги удалились. Сергей Петрович осмотрел хижину. Волки нанесли жилищу мало вреда — постоянные морозы превратили стены в камень. Восемь пушистых шкур стали трофеями Лисицына.

Чрезвычайно затрудняло нашего робинзона отсутствие теплой обуви. Он обертывал ноги волчьими шкурами, но от сырости они делались чрезвычайно мягкими, а высохнув, превращались в лубок и скоро приходили в негодность. Он пробовал растянуть шкуры на полу между жердочками мехом вниз и пропитывать мездру сперва

мокрой золой, а потом, счистя золу деревянным ножом, обкладывал мелкой ивовой корой, разваренной в горшке до густоты кашицы. Этим способом он выдубил медвежьи и волчьи шкуры, которые сделались мягкими и не ломкими. Из медвежьей шкуры Лисицын нарезал полосы шириной в пол-аршина и ими, прямо на чулок, обертывал ноги мехом наружу, обвязывал от ступней до колен лыковой веревочкой, подобно тому как наши крестьяне обертывают ноги онучами. Из волчьих шкур он сшил тоненькими ремешками два одеяла, причем вместо шила употреблял рыбью кость.

Наступил новый год. Ничто не разнообразило уединенной жизни пустытника, и им овладела тоска. Тревожные сны представляли ему то родные поля с золотистой рожью, то барские хоромы тетки-баловницы, то великолепный Московский кремль с вызолоченными главами соборов, то широкую Неву с гранитной набережной... Наяву его преследовала мысль — идти берегом моря. Так он предполагал добраться до обжитых мест, если только он не выброшен на остров. Хижина ему опротивела; его настоящая жизнь стала казаться хуже каторги, никакие занятия его не развлекали, труд сделался тягостным, пища казалась отвратительной, даже привязанность бедного ежа приводила его в негодование. Внутренний голос твердил ему: иди! иди! иди!

Лисицын долго боролся с обуревавшими его мыслями, но болезнь (так я назову душевное его состояние) одержала победу над рассудком, и он решил оставить свое мирное жилище. Сделал нечто вроде салазок и нагрузил их меховыми одеялами, поместил мешок со съестными припасами. Двадцать шестого января он отправился в путь, на запад, держась берега моря, которое постоянно было с правой руки. Выпустив ежа на волю, он бодро зашагал по твердому снежному насту, хорошо вооруженный и, по его мнению, тепло одетый — в дубленке и папахе.

Лисицын потому предпочел путешествовать зимой, что ручьи и реки, скованные морозом, не могли остановить его в пути. Через несколько часов ходьбы он успокоился — будто гора свалилась с плеч. Надежда увидеть родину воодушевляла нашего странника.

К ночи он добрался до глубокого и широкого оврага, дно которого было занесено снегом. Его взяло раздумье, где ночевать: на снегу ли, прислонясь спиной к обрыву оврага, или на дереве. Страх заставил избрать дерево. Около полуночи его разбудил порывистый ветер с моря, потому Сергею Петровичу пришлось крепко держаться за сосну, чтобы не упасть. При этом ветер нашел много слабых мест в европейской одежде странника и оледенил его до того, что он был принужден спрыгнуть на землю и согревать себя сильными движениями. Была даже минута, когда ему захотелось вернуться в теплую хижину, где его ожидали мягкая постель и горячая пища. Но мысль о родине победила искушение. Внутренний голос направлял его: иди! иди! иди!

Углубясь в лес, чтобы обойти овраг, Лисицын прошел около двух верст, нашел удобный переход через овраг и снова приблизился к морю. В этот день он устал больше. Пища была мерзлая. На третью ночь он решил ночевать в кустарнике, подостлав одно меховое одеяло, а другим тщательно прикрывшись. На этот раз сон его был крепкий и он не озяб.

Подвигаясь по предначертанному пути, Лисицын часто встречал быстрые реки, которые, низвергаясь водопадами в море, не замерзали, а также большие и малые бухты и заливы. Их приходилось обходить со значительной потерей времени. Но окрыленный надеждой, странник наш не обращал на это внимания и бодро шел вперед.

Прошли две недели. Лисицын привык есть мерзлую пищу и спать на земле под меховым одеялом. В его сигарочнице было несколько зажигательных спичек, с помощью которых он мог бы развести огонь, но он берег их как драгоценность на случай крайней нужды.

В начале третьей недели странствования Лисицын углубился далеко в лес, обходя речку, быстро катившую свои волны между огромными камнями, и достиг подошвы скалистой возвышенности, в которой нашел грот. Стены и свод его состояли из огромных известковых плит, на самом верху находилась трещина, свободно пропускающая ток воздуха. Сергей Петрович благоразумно решил

воспользоваться этим убежищем для трехдневного отдыха, необходимого для восстановления сил.

Первой его заботой было натаскать сухого валежника и развести огонь, дым не беспокоил Лисицына, потому что свободно уходил через трещину. Вход в пещеру для безопасности он заткнул охапками хвороста, привалив несколько камней. После долгого и трудного странствования он наконец имел возможность снять обувь и отогреться у огня. Молодой путник сварил горячую похлебку из сушеной рыбы. Кто не испытал голода, холода, проникающего до костей, и крайней усталости, не поймет того наслаждения, которое испытал Лисицын.

Счастливым настоящим, усталый до изнеможения, он подбросил в пылающий костер хворосту, улегся рядом на мягких одеялах и крепко заснул.

Было восемь часов утра, когда он открыл глаза. Костер потух, но под пеплом сохранилось много раскаленных углей, так что можно было легко развести огонь для приготовления завтрака. Представьте его удивление, когда, раскрыв мешок с припасами, он заметил значительную в них убыль. Кто же мог совершить это воровство? Он обратился ко входу в пещеру — всё так, как было с вечера. Обойдя все закоулки грота, не нашел другого выхода или расселины. Осталось только допустить, что запасы неблагоразумно истреблены им самим и что пора подумать об экономии.

Набрав ещё валежнику и старательно поддерживая огонь в течение всего дня, Лисицын отлеживался на своем ложе. Собираясь спать, он положил мешок с рыбой на видном месте, недалеко от костра, и посыпал вокруг него пол пещеры золой, чтобы в случае пропажи рыбы узнать вора по следам на золе. Утром, разведя большое пламя, он осмотрел мешок и уверился, что похищено ещё около десятка окуней, на золе же не было заметно никаких следов. Лисицын задумался: неужели кто спускается сверху за его припасами?

Он вышел из грота и, несколько часов бродя по скалам, добрался до самой расселины в своде, но нигде не нашел следов живого существа. Возвратясь в пещеру, Лисицын увидел, что запас его ещё

уменьшился. Это привело его в ужас. Он тотчас же убежал бы из пещеры с малым остатком пищи, если б наступившая ночь не принудила его остаться.

На этот раз мешок с рыбой он положил под голову. Ночью Лисицын был разбужен шорохом близ своей головы. Костер горел ярко. Он встал на ноги и увидел лисицу, прыгнувшую от его изголовья с рыбой в зубах. Схватив ружье, он бросился за рыжей вдогонку. Хитрый зверь не давал своему преследователю возможности прицелиться, прыгая и обмахиваясь пушистым хвостом, но вот лиса бросилась стрелою в угол грота, часть её туловища уже наполовину скрылась, когда роковая пуля остановила беглянку. Вытащив из трещины тело лисицы, обворованный ею бедняк теперь только заметил нору похитительницы его съестных припасов. Молодой путешественник, осмотрев мешок с провизией, с отчаянием увидел, что осталось не больше десятка рыбок и два куска сушеного зайца. Он даже подумал было, не воротиться ли в хижину, ведь с таким ничтожным запасом далеко не уйти; его с большой экономией едва могло хватить на обратный путь. Раздумья недолго тревожили Лисицына, страстное желание скорей увидеть родину победило все доводы разума, надежда нашептала ему, что на случай крайней нужды у него ещё четырнадцать зарядов, с помощью которых он может убивать крупных животных и питаться их мясом долгое время. Итак, он снова пустился в свой неизвестный путь. К вечеру обошел скалистые высоты и приблизился к реке, на которой не смог отыскать брода.

Между тем ветер с моря начал крепчать, поднимая снежную пыль, а когда совсем стемнело, превратился в сильный снежный ураган. Лисицын тщетно искал, где бы удобнее приютиться на ночлег, снег лепил ему глаза и до того опудрил его одежду, что он стал походить на снежную глыбу, медленно двигавшуюся между редкими в этом месте деревьями. В пяти шагах ничего невозможно было разглядеть. Блуждая, странник потерял свой главный ориентир — море. Ему показалось, что он перешел реку, и он решил держаться более правой стороны. Холод сильно донимал его, ноги, утопая в сугробах, отказывались служить.

Но Провидению неугодно было лишить Лисицына жизни, оно привело его к толстому дубу, имевшему обширное дупло. Усталый, измученный, полузамерзший путешественник с большим трудом влез в это убежище и едва отогрелся под меховыми одеялами.

К утру метель несколько стихла. Лисицын увидел вокруг высокие снежные холмы. С большим трудом он выбрался на прогалину, по которой можно было идти. Он шел до самой ночи, но не увидел моря и с отчаянием должен был признать, что заплутался. Теперь только он понял безрассудность своего предприятия, проклиная день своего рождения. Правда, было от чего сходить с ума: пищи оставалось не более как на четыре дня, и ни одно животное не встретилось на пути его. Верная смерть ожидала дерзкого путешественника.

С этого дня начались бедствия Лисицына. Ему оставалось одно утешение — он мог ещё записывать дни и числа. Шел как автомат, без цели, держась одного направления. К несчастью, дни стояли пасмурные, так что определить страны света по солнцу было невозможно. В этом горестном путешествии ему часто случалось целый день оставаться без пищи. Он уже не жалел пули на зайца и спички для огня, только бы продлить свое жалкое существование.

Двадцать седьмого февраля едва живой он добрал до замерзшего болота, окруженного гигантскими елями. Его мучил нестерпимый голод — уже двое суток он не находил пищи. Ни салазок, ни одеял с ним не было. Вещи эти тяготили его, и он их бросил. Ружье он нес с трудом на ослабевших плечах и не расставался с ним и с пистолетами только потому, что в них заключалась надежда на существование. Жгучая боль в пустом желудке заставила Сергея Петровича вспомнить о пище. Он разгреб снег, попробовал пожевать клочок мха, но после двух глотков этой нечеловеческой пищи почувствовал в желудке сильнейшую резь. Несчастный заплакал и вспомнил о Создателе.

В первый раз его ожесточенное сердце смягчилось, и он произнес: «Творец мира, если Ты существуешь, приди ко мне на помощь!» Собрав последние силы, он прошел около версты и упал в изнеможении под развесистым деревом в ожидании смерти.

...И вот предстал его воображению небольшой родительский дом, его маленькая детская с некрашеной кроваткой в углу. Он лежит в ней под ватным одеялом, а добрая няня рассказывает страшные сказки. Как в тумане, увидел он погребальную процессию: люди идут в черных мантиях с зажженными факелами, протяжно поют певчие и музыка играет печальный марш. В гробу, обитом малиновым бархатом, офицеры несут его отца... А вот большой барский дом его тетки; лихая тройка стоит у крыльца; добрая старушка, вся в слезах, благословляет его в путь дрожащей рукою.

Бедняк не чувствовал, как по лицу его текли обильные слезы. Сильные судороги заставили его очнуться; он тяжело застонал и снова обратился к Богу: «Господи, если Ты существуешь, не допусти меня умереть, не познав Тебя. Грехам моим нет числа, но, говорят, милосердие Твое безмерно; помилуй меня или положи конец моим страданиям». С этими словами он возвел глаза к небу, как бы ожидая оттуда помощи, и помощь ему была явлена: над своей головой Лисицын увидел низко висящие кедровые шишки с орехами. Ружейным прикладом он сбил несколько шишек и утолил голод. Под этим деревом Лисицын пробыл два дня; он настолько восстановил силы, что снова смог отправиться в путь, набив карманы орехами.

К ночи того же дня он достиг моря, но теперь оно было с левой его стороны. Убедясь на горьком опыте в тщетности своего предприятия и опасаясь новых бедствий, Лисицын решился идти по этому обратному направлению, которое должно было привести его к хижине. Эта мысль даже обрадовала его, но оставался страх, что он, быть может, оставил позади свое зимовье.

Пройдя не более десяти верст в целые сутки, Лисицын достиг огромной сосны, рядом с которой возвышалась куча хворосту. Он хотел было отогреться здесь у огня, но вой волков, показавшийся ему близким, заставил его расположиться на дереве. Он старался не спать, чтобы не упасть с дерева; однако с рассветом вздремнул и выронил ружье. Хворост под деревом зашевелился и из-под него показался огромный медведь. Зверь сперва лениво встряхнулся, потом обнюхал воздух и с ворчаньем устремил свирепые свои глаза на полуживого человека. Страх придал Лисицыну бодрости, и он стал

поспешно карабкаться выше. Медведь не торопился. Он спокойно дал своей жертве подняться на средину высоты ствола и с грозным ворчаньем полез на дерево. Лисицын понял, что жить ему осталось несколько минут, потому что чем выше он уходил от своего врага, тем меньше оставалось у него возможности к спасению. Теперь только он увидел свою ошибку: ему бы следовало спуститься на землю по одной из толстых ветвей, наклонившихся почти до самой кучи хвороста, когда медведь полезет на дерево, а если бы зверь начал с него спускаться, ему легко было бы подняться по той же ветке, и так до благоприятного случая.

Лисицын обдумывал свою ошибку, стоя на одном из уступов ствола и не сводя глаз со свирепого преследователя, вдруг ему пришла счастливая мысль: пустить в дело пистолеты. Дождавшись, когда голова зверя приблизилась к нему на нужное расстояние, он выстрелил, но рука, вероятно, сильно дрожала, пуля в голову не попала, а раздробила только нижнюю часть скулы. Медведь издал такой яростный рев, что у бедняка не хватило мужества выстрелить из другого пистолета; вместо этого он с поспешностью полез выше, взывая о помощи к Богу.

Вдруг он обо что-то сильно уколол лицо. Оказалось, это была длинная ветка стоящей вблизи старой сосны. Не рассуждая, сможет ли эта ветка выдержать тяжесть его тела, он уцепился за нее, как утопающий хватается за обломок доски, посланный Провидением. Без сомнения, одно только отчаяние придало Лисицыну смелость и ловкость исполнить этот опасный маневр. В один миг он очутился на толстом конце ветки у ствола соседнего дерева, откуда стал следить за поведением своего лютого врага. Медведь начал поспешно спускаться. Наш герой убедился, что смысленый зверь намерен сделать приступ на его новое убежище.

Наступил солнечный день. Лисицын осмотрел занятую им позицию; страх постепенно рассеялся, к нему возвратилось хладнокровие. В случае нужды была возможность на значительной высоте перебраться на толстый сук соседнего дерева. Лисицын стал дожидаться своего врага. Медведь медленно приближался к нему, вероятно, в полной уверенности захватить добычу. Не допустив до

себя зверя на сажень, Лисицын пополз по толстой ветке на соседнее дерево. Как он рассчитывал, так и случилось: расвирепевший медведь последовал за ним, но, добравшись до середины ветки, не смог двигаться дальше — ветка начала склоняться под тяжестью его огромного тела.

Враги были так близко, что чувствовали дыхание друг друга. Медведь страшно ревел, видя, что добыча от него ускользнула. Лисицын, убедившись в невыгодном положении противника, выстрелил почти в упор — медведь рухнул на землю и остался недвижим.

Прошло около часа, прежде чем Лисицын решился спуститься с дерева. Он побрел вдоль морского берега, оставив нетронутой свою добычу, не имея сил справиться с такой огромной тушей. К тому же его буквально подгоняло желание поскорее добраться до своего скромного жилища, которое теперь казалось ему чуть не земным раем.

В этот день он съел последнюю горсть орехов; ноги едва служили ему, голова была тяжелой, как свинец. Пройдя небольшое расстояние, он должен был останавливаться для отдыха. К полудню у него до того отяжелела голова и ослабли ноги, что он без чувств упал на снег. Сколько часов пробыл Лисицын в беспамятстве — кто знает? Наконец, опираясь на ружье, он побрел дальше, томимый сильной жаждой.

Пройдя с трудом около двух верст, услышал шум водопада и скоро был у реки, с ревом по камням низвергавшейся в море. Ни на что не обращая внимания, страдалец наш припал к воде. Утолив жажду, он осмотрелся и от радости заплакал. Это была та самая река, на берегу которой стояла его хижина. Он хотел скорее бежать к дому, но ноги отказывались повиноваться, его бросило в жар. Тогда Лисицын пополз, беспрестанно отдыхая. К счастью, день был теплый, иначе он бы замерз.

Вот показалась на холме его хижина. С радостными слезами Лисицын простирал к ней руки: «Боже, дай мне сил добраться!» Бог услышал его молитвы: ещё до заката солнца он оказался дома, и у него ещё достало сил затопить печь, раздеться и улечься на постель,

тепло укрывшись. Лисицын, как видно из его дневника, возвратился в хижину второго апреля, следовательно, прошел почти год пребывания его в необитаемой земле.

Лисицын чувствовал совершенное изнеможение во всём теле. Голова его сжималась как в тисках, он весь горел и каждую минуту ожидал смерти. Ему вспоминались прежние дни, проведенные в буйстве и разврате. Перед ним представляли бледные лица несчастливцев, проигравших ему свое состояние, которое он тотчас же растрачивал в безумных оргиях. Он увидел молодого человека, лежащего на траве в крови, которому его пуля раздробила левую руку, и соперник сделался неспособен для службы, а причина ссоры была так ничтожна! Что, если действительно есть возмездие в загробном мире? — спрашивал себя Лисицын, и страх смерти охватил его зачерствелую душу. Он всеми силами старался прогнать от себя эту тяжелую думу, но она терзала мозг, и он как безумный заметался на своей постели. Истощенный припадком отчаяния, он впал в забытие. Однако тепло и мягкая постель имели на больного благотворное влияние; он настолько собрался с силами, что ночью смог вторично истопить печь, вскипятить воду и напиться чаю, сохраняемого в погребеце для необыкновенных случаев. При этом он с благодарностью вспомнил о командире корабля, приславшем с прочими вещами и этот погребец.

После чая больного бросило в жар, а через несколько часов начало сильно знобить. Было очевидно, что бедняка мучает сильная простуда. На другой день ему сделалось гораздо лучше, и он поспешил привести в порядок свое хозяйство, пришедшее в расстройство от долговременного его отсутствия.

Между тем в воздухе запахло весной и снег заметно таял. Но Лисицын не чувствовал радости. На следующий день его опять была лихорадка: озноб, жар, нестерпимая головная боль... Больной накопал корней шиповника и, сделав из них крепкий отвар, выпил в течение дня три стакана. Лихорадка прекратилась, а спокойствие и хорошая пища восстановили силы.

С девятого по двенадцатое апреля продолжалась страшная буря с пронзительным ледяным ветром. Эти трое суток Лисицын не

выходил из хижины. Двенадцатого числа солнце взошло в полном блеске и так сильно прогрело землю, что снег таял, как воск на огне, вода сбегала с возвышенностей широкими потоками. Лед на реке затрещал; притоком воды его изломало на небольшие куски, которые с шумом то сбегались в сплошную массу, то разбегались, чтобы снова столкнуться в водовороте. Лисицын решил посмотреть, как льдины будут выскакивать в море, и пошел на берег, с удовольствием вдыхая живительный воздух весны.

...Не доходя с полверсты до моря, он увидел человека, лежащего на земле без движения. На нем был простой тулуп, возле лежала шапка из серого барашка, на руках были надеты шерстяные рукавицы в больших кожаных голицах, на ногах — длинные сапоги с заправленными в них плисовыми шароварами. За кушаком у незнакомца был заткнут большой плотницкий топор, а чуть в стороне лежал мешок с провизией. Лицо человека несколько грубоватое, загорелое, обросшее черной бородой, не потеряло печати доброты и смысленности.

Лисицын сознается в своем дневнике, что первой его мыслью было обобщить мертвеца — в особенности соблазнял его топор, — но человеколюбие взяло верх. Сергей Петрович бросился возвращать незнакомца к жизни. Он раздел его и начал растирать тело снегом, предварительно влив в рот несколько капель водки из бутылки, найденной в мешке неизвестного странника.

Послышался слабый вздох, и вскоре незнакомец открыл глаза.

— Слава тебе, Господи! — прошептал он внятно и снова впал в беспамятство. Лисицын удвоил старания: обтер тело незнакомца досуха бельем его, надел на него свою рубашку, одел его в теплую одежду и тихо понес к хижине, взвалив на свою могучую спину. Перед хижинкой он выбрал место, освещенное солнцем, разостлал медвежью шкуру и поместил на нее больного, начавшего приходить в чувство. Несколько глотков водки, влитой в рот, заставили его снова открыть глаза.

— Где я? — спросил он слабым голосом.

— У земляка, — поспешил ответить Лисицын, — но, пожалуйста, не говорите, это вам вредно.

— Холодно, — простонал незнакомец.

Лисицын попросил его встать и влезть в отверстие хижины, уложил в постель, напоил горячим чаем и посоветовал заснуть.

Когда в пятом часу вечера незнакомец проснулся, то почувствовал себя бодрым и здоровым. Он рассказал, что зовут его Василием, по ремеслу он кузнец, тележник и плотник. Плыл на купеческом корабле из Петербурга вместе с другими рабочими, со скотом, хозяйственными орудиями и машинами для устройства земледельческого хутора, где именно — не знает, их застигла буря, корабль бросило на мель; пассажиры, за исключением его и мальчика Петра, отправились на боте искать спасения. Он потому остался на корабле, что занят был спешной работой в трюме, а мальчик лежал без памяти в лихорадке. На другой день бури корабль сняло с мели и вчера к ночи прибило к здешнему берегу; он вплавь достиг земли, но под ледяным дождем выбился из сил и замертво упал на снег.

— Если бы не милость ваша, — заключил Василий, — лежать бы мне не вставаяючи.

— Полно об этом, — прервал его Лисицын, — на моем месте ты сделал бы то же самое. Чем терять время в разговорах, поспешим лучше на берег, посмотрим, где корабль, может, удастся Петрушу спасти...

— Да благословит вас Бог, барин, за вашу доброту! Мне же, окаянному, в голову не пришло человека спасать, всё только о своем грешном теле пекся...

Они побежали на берег и с радостью увидели корабль, глубоко врезавшийся носом в песчаный мыс. Вход на него был удобен. Преодолев полосу прибоя по пояс в воде, оба путника очутились на палубе. Лисицына оглушило мычание коров, блеяние овец и крик домашней птицы. Скот, вероятно, просил пищи. Две большие овчарки встретили пришедших свирепым лаем, но, узнав Василия, замолкли. Петрушу нашли едва живым. Это был стройный красивый мальчик лет шестнадцати, с кроткими серыми глазами, очень похудевший от болезни. Ему немедленно оказали помощь.

Потом Лисицын осмотрел имущество корабля и нашел всё необходимое для фермерского хозяйства. У молодого человека разбежались глаза при виде множества красивых и полезных вещей. Он радовался, как ребенок, однако по строгом размышлении понял, что обременять себя вещами бесполезными неблагоприятно, а потому надобно сделать выбор, что взять, а что оставить.

— Послушай, — сказал он Василию, — случай свел нас жить вместе; будем же, как братья, делить всё пополам, и горе, и радость, и нужду, и довольство. Давай обдумаем хорошенько, что для нас полезнее будет взять из этих вещей.

— Ваша правда, — отвечал Василий, — Бог судил нам жить вместе, но вам — как барину, мне — как слуге, которому вы жизнь спасли; выбирайте, что вам по нраву, а я начну выгружать.

— Нет, Василий, я так не согласен. Будем жить один для другого и без общего совета ничего не делать, а Петруша будет нам младшим братом.

— Что вы удумали? — весело вскричал Василий. — Чтобы крестьянин был барину братом? Располагайте мной как верным слугой и работником, а из Петруши я сделаю себе помощника, и будем жить как Бог велел. Когда ж спросите моего совета — отвечу всегда по совести.

— Так посоветуй же, с чего начать разгрузку корабля? — спросил Лисицын, убедившись, что Василий ещё не в состоянии понять его мысли о братстве и равенстве.

— Вестимо с чего, надо спасти живую тварь. За ночь корабль может сняться с мели, так что же животине пропадать. Снег, почитай, стоял, местами трава прошибла, стало быть, стадо само пропитается и нам не сделает помехи.

— А не лучше ли нам самим остаться на корабле, пока его снесет ветром с мели, и отплыть к обитаемым местам; нас трое, авось как-нибудь справимся с парусами. — Что вы, барин! В трюме такая течь, просто беда.

— Тогда начнем выгружать, — вздохнул Лисицын.

Оба товарища перенесли на берег Петрушу, потом овчарок, кур и овец; с большим трудом согнали с палубы корабля в воду коров и

рабочих волов. Едва солнце закатилось, вся скотина была собрана на возвышенной полянке, совершенно освободившейся от снега, где жадно ела затхлое корабельное сено.

Петруша ночевал в хижине, а Лисицын с Василием и овчарками остались стеречь стадо. Одну собаку звали Барбосом, другую — Серкой. По правде сказать, было что стеречь: восемь холмогорских дойных коров поражали знатока своей красотой и молочностью, бык той же породы был образцом силы, шестнадцать украинских волов, редкие по величине, толстоте шеи и ширине груди, обнаруживали необыкновенную силу, двадцать шесть овец оказались чистой романовской породы. Лисицын с детства любил хороший рогатый скот, и потому восторг его был полным.

Всю ночь они провели с Василием. Это был малый сорока лет, простой, добрый, веселый, трудолюбивый и набожный. Василий и Сергей Петрович стали совершенно друзьями.

На другой день Лисицын, поджарив в плошке столовую ложку соли, захваченной с корабля, распустил её в стакане кипящей воды и, остудив, дал выпить Петруше натошак. От этого лекарства лихорадка больше не возвращалась. Об этом простом средстве Лисицын слышал от тетки.

С раннего утра товарищи опять отправились на корабль. В этот раз они спустили за борт восемь арб и нагрузили их двумя бочками солонины, несколькими окороками ветчины, шестью кулями ржаной муки, шестью мешками ржи, четырьмя мешками ячменя, пятью кулями овса и пятью кулями соли; кроме того, забрали множество сит и решет, двадцать веретев и всю медную луженую молочную посуду. В каждую арбу запрягли по паре волов, которые легко вывезли тяжесть на берег и доставили её к хижине.

Между тем снег повсеместно стоял и начала пробиваться зеленая трава. Скот уже не ел затхлого сена, волам и коровам стали давать понемногу овса.

Утром следующего дня Лисицын и Василий опять отправились очищать корабль. Теперь они нагрузили арбы семенами и земледельческими орудиями, взяли мешок озимой ржи, мешок яровой китайской ржи, мешок гималайского ячменя, мешок крупного

камчатского овса и мешок гречи, а также несколько небольших мешков с просом, горохом, льном, коноплей и разными травяными, огородными и садовыми семенами. Из сельских орудий они обнаружили два плуга, две сохи, два почвоуглубителя, скоропашку, две железные бороны, пропашник, ручную веялку, двенадцать топоров, столько же кос и серпов, множество пил, заступов, железных лопат и вил, походную кузницу с полным кузнечным прибором, полный столярный и токарный инструмент с токарным станком хорошей работы.

В следующую езду забрали с корабля всё носильное платье и белье, небольшой перегонный медный куб с трубой и кранами, три бочонка с порохом, бочонок с дробью, два пуда свинца, бочонок с водкой, четыре охотничьих ружья, медный трехфунтовый единорог с шестью гранатами (единственная, казалось бы, бесполезная вещь, взятая по страсти Лисицына к артиллерии), чайный погребец с полным прибором, телескоп, две подзорные трубы, два компаса, два самовара, большой запас кухонной, столовой и чайной посуды, ящик с чаем, ящик с удочками различной величины, множество веревок, парусов, железа и чугуна, а также шестерни, колеса, подшипники, выломанные из машин, точило и два жернова от ручной мельницы.

Ночью пошел проливной дождь, подул сильный южный ветер, едва не сорвавший брезент с палатки, устроенной над вещами, взятыми с корабля. Потребовались усилия всех троих обитателей хижины, чтобы сохранить всё в целости.

Утром Лисицын с Василием опять отправились на корабль, вооруженные топорами, с намерением забрать гвозди, доски и тес, оставшуюся муку и рожь, но корабль унесло бурей в море.

— Жаль, — сказал Лисицын, — что мы не перетащили на берег все вещи, теперь пропадут.

— Полноте жалеть, Бог и так был очень к нам милостив. Сколько полезных вещей он даровал нам по своей благости!

— Неужели ты думаешь, что Бог специально послал имущество этого корабля таким ничтожным людям, как мы?

— Всем хороши вы, Сергей Петрович, и душа у вас добрая, и сердце жалостливое, и умом одарены с преизбытком, да Божественной веры

в себе не имеете. Если Господь промышляет о всякой твари, то тем паче о человеке. У нас и волос не упадет с головы без Его святой воли. Поверьте мне, хоть я и простой человек, но во всём вижу промысел Божий! Неужели вы думаете, что Господь творит что-либо без благой цели? Он послал вас ко мне, чтоб спасти мою жизнь, меня послал к вам на помощь, а обоим нам дал средство воспользоваться чужим добром, чтоб мы не знали ни в чем нужды.

— Ну, уж в этом ты не убедишь меня. Нас свел случай.

— Не сердитесь на меня за правду, Сергей Петрович, больно мне слышать от вас такие речи. Не далее, как вчера, вы рассказали мне свою жизнь. Сами же сознались, что вели бесполезную, распутную жизнь; любили одного себя, а всех остальных людей считали дрянью. Господь, зная ваше доброе сердце, не прогневался на вас до конца, но смирил вашу гордыню, водворив в этой пустыне. Потом, припомните, вы умирали от голода и пусть без веры, но призвали Господа. Он тотчас же спас вас от неминуемой смерти. А когда вас медведь преследовал на дереве, ради одного возгласа вашего «Господи, помилуй!» сейчас же милосердый Отец наш послал вам спасение. Молитва спасла вас, а не случай! Нет, Сергей Петрович, это Богу было угодно, чтобы вы оставались здесь для получения даров Его. Уверуйте в Бога, молитесь ему от всего сердца и благодарите за благодеяния, от него получаемые, и жизнь никогда не будет вам в тягость, а смерть сделается не страшна.

Эта простая, но с жаром сказанная речь сильно тронула сердце Лисицына; он не нашел ничего сказать в опровержение; совесть говорила ему, что слова Василия дышат истиной.

— Благодарю тебя, Василий, я хорошенько всё обдумаю.

— Дай-то Господи, чтобы слова мои упали на добрую почву, — сказал Василий, набожно перекрестившись.

Последовавшие за тем трое суток Лисицын всё больше молчал, подолгу задумывался. Василий остерегался тревожить его расспросами и в тишине молился Богу, чтобы просветил разум и душу его спасителя. Утром четвертого дня он нечаянно увидел Лисицына, стоящего на коленях и молящегося со слезами. Василий

отошел, бросился на колени и возблагодарил Бога, совершившего чудо обращения.

Однажды, подоив коров, товарищи уселись на холме, наблюдая за стадом.

— Сергей Петрович, — начал Василий, — может вы выслушаете меня, глупого...

— Я всегда с удовольствием слушаю тебя, Василий, и речи твои нахожу полезными и умными.

— Хочу рассказать вам о себе. Чаю, речь моя послужит обоим нам на пользу.

— Сделай милость. Нужно и мне знать тебя покороче.

— Когда мне было двенадцать лет, остался я круглым сиротой в селении в ста верстах от Нерчинска на руках у искусного кузнеца и тележника. У него с малолетства учился я ремеслу, которое очень полюбил, и вряд ли в Сибири сыщется кузнец или тележник искуснее меня. Умер мой хозяин. Не имея достатка снять за себя заведение его, я поступил в артель к плотнику и научился всей строительной хитрости, работая на казенном заводе в Кяхте. С измальства будучи смышлен, я топором-то тяпал, а тем временем учился калякать с китайцами. За два года работ на Кяхте я таки порядком наломал свой язык, а после мне это очень пригодилось...

Тогда пронеслась молва, что есть страна великая, по которой течет река-море, имя ей Амур. Что по одну её сторону, по правую, сидят китайцы в своих городах и поселках, а по другую, стало быть по левую, сторону лежат пустынные необитаемые земли, не выдавшие сохи от создания мира. Там растут леса дремучие, непроходимые; течет много рек многоводных, в которых рыба кишмя кишит. Что по тем местам ершатся горы высокие, а в них текут жилы серебра и золота. Ещё старики рассказывали, что земля та в давние годы была завоевана казаками русскому царю; они и острог там поставили, да как-то оплошали: китайцы их оттуда выгнали и острог разорили, а с той поры, незнаемо почему, землей этой не владели ни русские, ни китайцы.

Об Амуре же рассказывали, что река эта — всем рекам мать, что по ней, почитай, на тысячу верст кораблям плавать привольно. Бывало,

слушаешь — сердце кипит, дух захватывает — так хотелось бы посмотреть эту страну, поплавать по той по великой реке.

Раз работаю в Нерчинске топором и слышу, солдат рассказывает, что приехал какой-то офицер, ищет молодцов-охотников, чтобы с ними по царскому указу разведать реку Амур и прибрежные земли. У меня сердце чуть не выпрыгнуло. Тешу топором балку, а сам всё думаю, как бы отыскать этого офицера. Ну-с, на другой день я был принят к офицеру на царскую службу, и вскоре в числе двадцати удальцов отправились мы на розыски. Нашли Амур-реку великую и осмотрели весь прибрежный край, аж до самого Японского моря. Земля и вправду оказалась благодать: чернозем непчатый, леса корабельные, трава на лугах в полроста человека, а реки и озера полны всякой рыбы. Пушистым зверям счету нет, только бить их некому.

Таким манером пространствовал я четыре года да с тем офицером в Питер махнул. Там нелегкая толкнула меня жениться. Признаться, очень сердце пригнобило. В Питере я прожил семь лет; ремесло мое давало мне хороший заработок, а как я кабаков и трактиров не терплю, то жена моя жила припеваючи, а я, глядя на нее, радовался. Вдруг она, голубушка, заболела горячкой да и отдала Богу душу. Я с горя чуть не рехнулся, оставшись один как перст. Тут захотелось мне вернуться на родную сторону, а пуще всего поглядеть бы опять на Амурский привольный край. Идти сухим путем было далеко; вот я и ухватился за случай: граф Ш... вздумал устраивать ферму не то на Камчатке, не то на островах, Бог его ведает, и созывал туда за хорошую плату работников и мастеров. Я нанялся кузнецом, с тем чтобы через два года меня бесприменно доставили в Охотск. На этом пути и случилась со мной беда. Остальное вам известно.

— Спасибо, Василий, за рассказ; он очень заинтересовал меня.

— А ведь я не спроста рассказал свою историю.

— Так объяснись, пожалуйста, не понимаю...

— Дело вот в чем: мы теперь находимся в обширном Приамурском крае; я это достоверно знаю. Стоит только перевалить через горы — мы очутимся в привольной стороне, изобилующей всем, чего только человек пожелать может. Здесь же какая жизнь — Сибирь!

— Как?! — вскричал Лисицын. — Удалиться от моря, потерять надежду когда-нибудь возвратиться на родину?

— А на что вам это море? Разве у этих берегов кто плавает? Вот, в целый-то год видали вы здесь хоть лодочку? Чтоб попасть нам на родину, нужно не море, а Амур; по нему мы скоро доплывем до наших поселений.

— До Амура страшная даль; нужно перейти горы, дремучие леса, болота и реки... — Что ж за диво — горы перейти. С нашими теперешними средствами мы по одной из больших рек, стекающих из гор, доплывем до Амура. Проще и легче пути не найдешь.

— Но кто же будет нашим проводником в этой стороне?

— Во-первых, Бог, потом компас и, наконец, я. Пространствовав с офицером в этом крае четыре года, я смекнул кое-что. Подумайте, Сергей Петрович; право, речь моя того стоит.

Лисицын всю ночь думал о предложении Василия и пришел к заключению, что лучше последовать его совету, чем оставаться здесь в ожидании случайного корабля. Следуя к Амуру и потом по этой реке, они всё-таки с каждым днем будут приближаться к родине, как бы ни был труден и продолжителен путь. Наконец, и сам рассказ Василия о чудесном крае пленил его молодое воображение.

— Что ж, Сергей Петрович, как вы рассудили? — спросил утром Василий.

— Я соглашаюсь на твое предложение, любезный друг!

— Слава Богу! — вскричал обрадованный Василий, снял шапку и перекрестился. — Поверьте, Сергей Петрович, худа нам не будет. Видно, так угодно Богу: мне без вас на свете не жить, а вам без меня долго не увидеть родины.

— Я думаю, ты прав...

— Спасибо вам, что послушались, а то бы у меня совести не хватило оставить вас, и изныл бы я с тоски.

Решившись на поход, все дружно принялись укладывать вещи на арбы. Укрыв возы веретями и, увязав веревками, приготовили всё к продолжительному переезду. Первого мая, помолясь усердно Богу, чтобы благословил и сохранил их в пути, путешественники заложили в каждую арбу по паре волов; коров привязали сзади к

арбам, а овец поручили гнать Петруше вслед за караваном под охранением овчарок.

Перед отправлением в неведомый путь Лисицын подвесил под потолком своей хижины мешок с рожью, собрал у печки всю глиняную посуду и ещё оставил топор, большой нож, пилу, лук со стрелами, огниво с кремнем и жестяной ящик с трутом и серными спичками. Это он сделал на случай, если б забрел сюда подобный ему несчастливец. Потом заткнул отверстия хижины и дал сигнал трогаться в путь. Веселый скрип колес, мычание коров, блеяние овец и радостный лай собак огласили окрестность, сливаясь с громкой песней Василия.

Лисицын не без чувства сожаления оставлял места, дорогие ему по воспоминаниям его несчастий, трудов и некоторого довольства после испытанных им тяжких лишений. Настоящее как ни было худо, но верно, а будущее... Кто знает, что оно сулит ему в неизвестной стране? Вот хижина начала скрываться из глаз и наконец на повороте совершенно исчезла. Лисицын вздохнул и перекрестился, поручив себя милосердию Божию.

Теперь я могу рассказать моим молодым читателям, что слова Василия, исполненные сердечной теплоты и живой веры, имели благотворное влияние на

Лисицына. Он уверовал в промысел Божий и всем сердцем предался Творцу. Он теперь не встречал утра, не ложился в постель и не приступал ни к какому делу без искренней молитвы. Все его душевные силы были направлены к тому, чтобы исправить свои пороки, смягчить недостатки характера и делать добро во славу Божию, а не для удовлетворения своего тщеславия. Весело и легко стало у него на душе; с терпением он умел теперь переносить неудачи, с удовольствием предавался труду, с благодарностью Творцу встречал всякую радость, с бесстрашием шел навстречу опасностям, ободряемый твердой верой, что у него есть крепкий защитник — Господь.

...Караван двигался по компасу прямо на юг. Следуя по этому направлению, путешественники должны были выйти к Амуру, текущему с запада на восток. До захода солнца Лисицын

благополучно прибыл к горным отрогам. Путь по долине совершили без затруднений, но теперь предстояло бороться с препятствиями. Расположившись у подошвы горы, путешественники разложили костры, чтобы отогнать зверей, и уселись на траве ужинать, рассуждая, как продолжать им начатый путь.

— Будьте благонадежны, — говорил Василий, — здешние горы не такие, чтобы невозможно было через них переехать; где будет трудно, маленечко в сторону возьмем и опять наладимся по компасу на надлежащий трахт.

— Ну а если встретятся непреодолимые преграды, что мы будем делать?

— Эво что сказали! Да этого стать не может, а если б и взаправду случилось, так что ж из того? Вы ведь не на ветер обучались разным заморским хитростям, а я смело скажу, что знаю свое ремесло. Ваша голова, сударь, и мои руки везде проложат нам дорогу.

Лисицын порадовался уверенности своего товарища, но эта радость была нарушена испугом стада; собаки залились страшным лаем и бросились в кусты, где притаился голодный волк, подкрадывавшийся к овцам. Барбос и Серка разом вцепились в оторопевшего зверя, и Василий скоро завладел его шкурой.

Рано утром с компасом и топором в руках кузнец отправился в горы отыскивать удобный въезд, пообещав давать о себе знать товарищам выстрелами; а Лисицын, оставшийся с Петрушей при обозе, обещался поддерживать большой дым, по которому Василий мог бы отыскать местопребывание каравана. Через несколько часов Василий явился, весело объявив, что нашел удобный путь.

— Как ты не заплутался? — с участием спросил Лисицын.

— А топор-то на что? Кабы вы ножичком делали метки на деревьях, так легко отыскали бы обратный путь во время вашего несчастного странствования по лесам.

— Как это просто и как умно, — покачал головой Лисицын. Караван двинулся в прежнем порядке и начал подниматься в горы. Местность с каждым шагом делалась живописнее: там кипел горный поток, каскадом низвергавшийся в бездну; тут виднелась обставленная горами долина, застланная ярким ковром живых

цветов; здесь встречалась живописная группа вековых сосен или ярко-зеленых пихт; вдруг открывалось величественное озеро, в которое небо смотрелось как в зеркало, а ели купались своими мрачными вершинами. Вся эта дикая, девственная природа была оживлена стаями птиц, порхавших по всем направлениям, и изредка мычанием волов, дружно влекших свои тяжелые арбы по твердой песчаной почве.

На крутых спусках путешественники тормозили колеса, а на значительных подъемах, где волам было не под силу поднимать тяжести, они разгружали арбы и перевозили вещи на возвышенность в несколько приемов. Мешавшие на пути деревья спиливали или срубали; топкие места застилали фашинами и накидывали сверху плетней, по которым, как по мосту, свободно переправлялся транспорт. Через глубокие ручьи и расселины набрасывали нетолстые бревна и делали настилы из хвойных лап — словом, путешественники твердой волей и разумным трудом преодолевали препятствия дикой местности на своем пути. Конечно, такой способ передвижения был медлен, тем не менее они с каждым днем подавались вперед.

Ночлеги выбирали в долинах, изобильных травой, при речках или озерах, доставлявших как скоту, так и усталым странникам превосходную свежую пищу. В течение двухнедельного путешествия они потеряли только одну овцу, при неосторожном прыжке упавшую в пропасть. Волы и стадо были сыты и бодры. Чем выше они поднимались в горы, тем местность делалась суровее и путь труднее. Однажды, пройдя целый день вдоль узкой долины, заключавшейся между двумя отвесными скалами и постепенно суживавшейся, они подошли к ущелью, перегороженному огромным камнем, по-видимому недавно обрушившимся с ближайшей горы; за этим камнем начинался карниз над глубокой пропастью. Путь должен был пролегать по этому карнизу, который по мере своего протяжения делался всё шире и удобнее для проезда.

— Вот грех-то! — вскричал Василий. — Ворочаться назад — много времени потеряем, а одолеть этого чурбана не одолеем, в нем, чай, больше ста пудов будет. Видно, придется шапку пороху подложить.

— Нет, Василий, сдвинем мы его по-другому.

— Уж не чаете ли вы камень руками сдвинуть?

— Именно руками, Василий, только с помощью рычага и головы, на которую ты так много надеялся. Теперь уж поздно. Переночуем в этой долине.

— Да я всё ума не приложу, как вы без пороху сдвинете с места такую махину?

— Отвечу тебе присказкой: утро вечера мудренее.

Встав рано, Лисицын вместе с Василием выпилили пятисаженное бревно, а от комля отпилили двухаршинный отрезок толщиной не менее аршина. Потом, немного подкопав камень, подсунули под него тонкий конец бревна, подняв толстый конец его на козлы; после этого подкатали под тонкий конец отрезок и, вышибив козлы, налегли всей своей тяжестью на толстый конец бревна. От этого действия камень повернулся на бок; повторив этот прием три раза, они скатили гиганта в бездну, куда он полетел с оглушительным шумом.

Очистив дорогу, путешественники осторожно провели скот по узкому месту и два дня двигались беспрепятственно. На третий день путь их был прегражден крутым, почти отвесным обрывом. У подошвы этого обрыва расстилалась обширная зеленая равнина, пересеченная серебристыми ручейками, живописно извивавшимися по темной зелени. Горы со всех сторон отступили далеко. Если бы путешественники отыскивали удобный спуск, то могли бы надеяться беспрепятственно пройти значительное пространство.

До самой ночи Лисицын и Василий искали спуск с крутизны, но возвратились к своему стаду усталые и печальные.

— Что ж, Сергей Петрович, нужно вернуться, — угрюмо сказал кузнец на следующее утро.

— Нет, друг мой. Я не спал всю ночь, думал о нашем горе — и ларчик просто открылся.

— Про какой ларчик вы говорите? — удивился Василий.

— Виноват, я хотел сказать, что мы легко спустимся с этой крутизны.

— Кубарем, что ли? Меня такое зло берет, что готов башку разбить о камень.

— Побереги свою голову, дружище! Не случилось ли тебе видеть, как роют глубокие колодцы?

— Как не видать, сколько раз видел. Вестимо, спускают человека на веревке; он там копает, а землю со дна поднимают в ушатах.

— Совершенно так. А как это делают?

— Отец родной! — вскричал обрадованный Василий, обнимая Лисицына. — Теперь и я скажу: мы легко спустимся вниз; веревок, железа, чугуна — всего у нас вдоволь, а лес сам просится под топор. Ведь вот не вошло же в мою дурацкую голову такое сподручное средство.

Словом, Лисицын решил воспользоваться одной из простых машин, называемых воротом. Для устройства её нужно было время, поэтому решили расположиться табором близ спуска. Тут была хорошая вода, сочная трава и прямые строевые деревья. Петруша пас скот и готовил пищу, а Лисицын с Василием принялись пилить лес.

Вечером Петруша прибежал к ним в чрезвычайном испуге — несколько минут не мог выговорить ни слова.

— Что с тобой, Петруша? Ты бледен, — забеспокоился Лисицын.

— Бегите! Спасайтесь! — закричал мальчик. — Я видел страшного зверя! Он спящим прикинулся, но он меня заметил. Сейчас придет и всех нас в клочки изорвет! — Говоря это, Петруша сильно дрожал.

Лисицын знал, что в леса Южной Сибири забегают иногда леопарды, потому и предположил, что мальчик видел этого действительно опасного зверя. Он поспешно схватил ружье и кинжал и пошел, куда указал Петруша, хотя Василий считал, что ожидать нападения нужно на месте стоянки и защищаться общими силами.

Завернув за угол скалы, Лисицын увидел большого горного козла, с огромными рогами. Животное, услышав приближение человека, встrepенулось и собиралось сделать прыжок, но пуля охотника заставила его остаться на месте.

С громким смехом Сергей Петрович притащил свою добычу к товарищам и должен был употребить всё свое красноречие, чтобы доказать Петруше, что это самое невинное животное. Бедный

мальчик не мог подойти даже к мертвому страшилищу — так пугали его косматая голова, борода и исполинские рога. Петруша только тогда начал смеяться над своим страхом, когда отведал за ужином превосходного мяса горного козла.

На следующий день у самой окраины обрыва начертили круг и провели на нем два диаметра, взаимно перпендикулярные. На концах диаметров врыли столбы и соединили их сверху крестообразно перекладинами. В центр круга врыли деревянный чурбан, в который врезали чугунное гнездо, а в нем утвердили железный шпиль вертикального столба с продолбленными в нем четырьмя сквозными отверстиями, сквозь которые были продеты крестообразно бруски, соединенные с обоих концов и продольно другими прочными брусками; на эти бруски навивался канат. С помощью кольев механизм легко поворачивался на своей оси, и тяжести, привязанные к концу каната, при помощи блока могли опускаться медленно, без больших усилий людей. А для живой скотины Лисицын придумал клетку, в которой животное помещалось хоть не совсем удобно, но безопасно.

Окончив в несколько дней все приготовления, путешественники спустили в долину сперва Петрушу с собаками, потом овец, поодиночке крупный скот и наконец вещи и арбы. Оставалось спуститься им самим. Железо и чугун жаль было оставлять. Они разобрали машину и скинули все её части в долину. Сами спустились по веревке, привязанной к колу, вбитому в землю настолько, чтобы его можно было выдернуть, дергая снизу за веревку.

Несколько суток караван двигался по долине беспрепятственно. Горы стали опять сбегаться с обеих сторон и спереди. Наконец путь был прегражден длинным глубоким озером, болотистые берега которого упирались в горы. Озеро это в самом узком месте имело не менее шестидесяти саженьей. Остановившись близ него на отдых, Лисицын и Василий употребили два дня на отыскание прохода, но повсюду встречали крутые, почти отвесные скалы, поросшие непроходимым лесом. Удобное место для пути виднелось только за озером, а для переправы через него не было ни вблизи, ни вдали

лесного материала. По всей обширной долине росли только мелкий кустарник, вербы и ивняк.

— Вот мы и попались, как мышь в мышеловку, — сказал печально Василий, опустившись на траву. — Нигде нет прохода...

— Зачем отчаиваться? — возразил Лисицын. — Лучше подумаем хорошенько, как переправиться через озеро.

— Если б на этой стороне росло хотя одно дерево, я сумел бы изладить плотик. На нем мы переплыли бы на ту сторону и там срубили бы большой плот для переправы скотины и поклажи. А с кустами что поделаешь?

— Я знаю, Василий, что ты не умеешь плавать, зато я плаваю мастерски. Поэтому дело наше не пропащее.

— А что вы один-то сделаете на той стороне?

— Правда; один я не в силах буду притащить дерево к озеру. Придется тебе, Василий, плыть со мной на тот берег.

— Рад бы, да Господь не сподобил.

— А если я поручусь, что переплывем невредимо?

— Не ручайтесь, Сергей Петрович. Мне стоит только лечь на зоду — пойду, как топор, ко дну.

— А вот увидишь. Только придется пожертвовать двумя овцами. А так как мясо их мы можем съесть, то какая же это жертва?

Василий вытаращил глаза от изумления. Однако он привык слушаться Лисицына и беспрекословно принялся резать овец и сдирал с них шкуру целиком, как это делают для бурдюков. Завязав крепко все отверстия, за исключением одного, служившего краном, они с помощью кузнечного меха наполнили шкуры воздухом, а потом крепко завязали и сами краны. Получились две воздушные подушки, не погружающиеся в воду.

Соединив эти подушки в нескольких местах ремнями, Лисицын лег между ними и доказал своему товарищу, что они превосходно держат тело на воде. Василий сперва попробовал плавать возле берега и наконец, уверившись в совершенной своей безопасности, переплыл озеро рядом с Лисицыным. Оба имели за спиной по топору и пиле.

В течение двух дней они сделали плот, на котором без труда перевезли скот и вещи, управляя вместо весел шестами.

Целую неделю путешественники двигались свободно, не встречая больших препятствий. Наконец, следуя по горному хребту, они приблизились к расселине неизмеримой глубины, имевшей в самом узком месте до десяти саженой ширины; обойти эту расселину оказалось невозможно. На этот раз и Лисицын опустил руки, угрюмо сел на камень, не находя никакого способа к переправе. Василий же, напротив, преспокойно уселся ужинать.

— Ты, вероятно, знаешь средство перелететь через эту проклятую расселину, — с досадой сказал Лисицын, наводя большую подзорную трубу на местность впереди. — Убей меня леший, если я что знаю, — отвечал Василий, продолжая спокойно есть.

— Что ж, нам придется повернуть назад? Не будь этой пропасти, мы спустились бы на равнину. На самом дальнем горизонте я не вижу более гор.

— Я от того покоен, Сергей Петрович, что надеюсь на вашу голову; не впервой приходится вам выручать нас.

— Что тут сделаешь? Пропать очень широка...

— Это уж ваше дело — думать, а я человек темный.

— По-моему, Василий, нам остается только вернуться и перейти горы другим путем.

— Этак мы всё лето проходим, а зимой по Амуру нам не дорога. Уж как хотите, а переправляться надобно здесь.

— Какой ты упрямый! Видишь же, нет возможности перейти через пропасть.

— Вестимо не перескочишь. А вы всё же подумайте хорошенько...

Василий продолжал ужинать, не обнаруживая ни нетерпения, ни тревоги, а Лисицын подошел к самому краю пропасти, чтоб лучше её осмотреть. Стены её были почти отвесные и скалистые, с острыми выступами, не представляющие никакой возможности спуститься на узкое дно, по которому во мраке клокотал бурный поток.

Весь следующий день Лисицын осматривал расселину на протяжении нескольких верст, но повсюду встречал ту же грозную неприступность. Самым узким местом оказался первоначальный пункт. Вернувшись только к ужину, совершенно измученный и

недовольный своими поисками, Лисицын печально опустил на траву.

— Неужели вы ничего не придумали? — спросил Василий.

— Тут хоть год думай, ничего не придумаешь. Остается вернуться...

— Зачем ворочаться? Подумайте ещё денёк-другой — авось дело и сладится.

— Какой ты досадный, Василий! Сам придумывай переправу, а я отказываюсь.

— Полноте сердиться. Вы лучше у Бога разума попросите.

— Да что тут может сделать человеческий разум?

— Может, сделаем мост, удобный для прохода ну хотя бы пары волов с пустой арбой, а вещи мы и на руках перенесем.

— Мост? Ты с ума сошел, здесь крылья нужны.

— Нет, Сергей Петрович, придумайте мост. Для чего ж было учиться всякой заморской премудрости? Я в Питере слышал, за морем выдумали без лошадей ездить. Это похитрее моста будет. А я отосплюсь лучше, чтобы быть готовому к тяжелой работе.

Василий действительно спокойно улегся и заснул. В уме нашего героя ещё ни разу не появлялась мысль о мосте. Василий дал ему новую идею, за которую Лисицын ухватился со всей энергией своего пылкого темперамента. Он всю ночь просидел возле расселины, чертя и делая вычисления, так что едва заметил величественный восход солнца. Наконец, усталый, бросился он на медвежью шкуру и крепко заснул. Василий с Петрушей подоили коров и успели плотно позавтракать, когда Лисицын проснулся.

— Что же, будет у нас мост? — спросил Василий.

— Будет! — отвечал Лисицын. — И этим мы обязаны тебе.

— Мне? Вот те на!

— Ты дал мне дельную мысль, и я приведу её в исполнение. Товарищи дружно принялись за работу. Срубили три дерева, из которых выпилили три бревна в семь сажень длиной и шести вершков в тонком конце. Вырыв три ровика перпендикулярно к краю расселины в два аршина глубиной и сведя их подошву на нет, погрузили в эти ровики бревна толстыми концами, так чтобы они наполовину своей длины были в земле, а другой половиной

выдвигались над пропастью. Толстые концы бревен укрепили во рву сваями и засыпали землей, нагрузив сверху камнями. Выдавшиеся над пропастью концы бревен забрали поперечными тонкими бревнами. С края бревенчатого настила положили длинное тонкое бревно, касавшееся концом своим противоположного берега пропасти.

Василий, привычный к работе на высоте, смело переполз по дереву, но Лисицын, опасаясь головокружения, накинул на гладкое бревно свободную петлю из прочной веревки, другим концом которой обвязал себя в поясе. Если бы он свалился с бревна, то повис бы на веревке, собственной тяжестью заставив петлю скользить по гладкому бревну до другого края пропасти, где с помощью Василия мог бы взобраться на обрывистый берег. Однако и он переправился благополучно, хоть и зажмурившись от страха.

Устроив и с другой стороны звено моста, подобное первому, они легко положили через средний узкий пролет брусья и настлали по ним тонкие поперечные бревна. Для большей безопасности были устроены прочные перила.

На четвертый день после переправы через пропасть путешественники спустились на равнину, покрытую лесом, и распрощались с горами, а ещё через два дня подошли к широкой и глубокой реке, имевшей направление на юг, следовательно к Амуру. Течение её было быстрое, а вода необыкновенно прозрачна, так что волны, отражая лучи солнца, блестели, как брильянты. По этому сходству Лисицын в своем дневнике дал этой реке название Алмазная.

Выбрав поблизости берега поляну, удобную для водопоя, товарищи расположились здесь на отдых. Прежде всего они искренне возблагодарили Бога за счастливое окончание перехода через горы, потом занялись устройством шалаша, чтобы укрыться от дождя и солнечного зноя. Июльские жары наступили во всей своей силе.

Василий взялся с помощью товарищей построить барку, удобную для путешествия по реке и поместительную для скота и тяжестей. Первый день посвятили отдыху, но Лисицын, привыкший в течение

этого трудного пути к деятельности, не мог оставаться в праздности. Он отправился в ближайший лес на охоту. Пройдя около полуверсты, набрел на озеро, по которому плавали стаи гусей и уток — оправдывались уверения Василия в изобилии Приамурского края. Настреляв достаточно дичи, Сергей Петрович повесил убитых птиц на ветвях сосны и вошел в ущелье, образуемое двумя лесистыми кручами, по середине которого протекал узкой лентой серебристый ручеек.

Здесь глазам его представилось любопытное зрелище: две дикие кошки с красноватой шерстью, красиво оттушеванной темными поперечными полосами, ожесточенно дрались, а рядом лежал растерзанный котенок, другой же от испуга забился под камень. Озлобленные животные долго грызлись и царапались когтями, наконец, сцепившись, скатились в ближайшую расселину. Лисицын прихватил перепуганного котенка, надеясь сделать его ручным. Крошечный кот тут же, однако, выказал свою свирепую натуру, укусив и оцарапав руку спасителя. Несмотря на это, пленник был опущен в ягдташ, с осторожностью, чтобы не вырвался. Захватив по дороге дичь, Лисицын весело возвратился в шалаш.

Василий с удовольствием принялся кормить котенка парным молоком, но дикий кот не умел его лакать. Когда Василий погружал его мордочку в молоко, котенок утомительно отфыркивался и делал судорожные эволюции лапками. Петруша прыгал и смеялся от души.

На следующий день приступили к постройке барки. Сперва заготавливали материал — распиленные бревна пихты. Потом отыскивали удобное место для постройки — на дне широкого оврага, размытого весенними водами, по которому стремительно бежала мелкая речка, проложившая себе путь между плитами крепкого песчаника. Место выбрали как можно ближе к реке; вместо свай, по соображению Василия, использовали плиты, на которых и основали дно барки. Работа кипела: тяжелые бревна, коры и брусья подвозили волы, а с помощью веревок, рычагов и ворота товарищи поднимали их и клали на место, соединяя, где нужно, железными связями. Барка их имела двадцать четыре аршина длины и десять аршин ширины; на обоих её концах были устроены под крышей

помещения для путников и для овец. Борты барки обнесли перилами, чтобы овцы не могли свалиться в воду. Наконец к исходу трудного дня барка была совсем готова, и работники с радостью возвратились в шалаш подкрепить себя пищей и сном.

На другой день солнце взошло великолепное, ни одного облачка не было на голубом беспредельном небе. Прохладный ветер лениво качал верхушки исполинских сосен и елей и едва рябил прозрачные воды широкой реки, резвые птички весело перепархивали с куста на куст, гомоня и распевая, а роса на каждом листе, на каждой травинке горела в лучах солнца разноцветными огнями. Легко и радостно было дышать этим свежим утренним воздухом, невыразимо отрадно любоваться этой девственной лесной природой. Лисицын, Василий и Петруша с особенным воодушевлением встретили это чудное утро в надежде скоро пуститься вниз по разгульной реке к величественному Амуру и опять увидеть свою милую родину.

Окончив утренние занятия, они пошли полюбоваться своей баркой. Лисицын остался доволен её вместительностью, Василий.— прочной работой, а Петруша не мог обуздать своего восторга: он осмотрел все уголки до малейших подробностей, то размахивал веслом в воздухе, представляя, что гребет, то поворачивал тяжелый руль, легко повиновавшийся его усилиям.

— Знатная барка, — сказал Василий. — По всему вижу, будет легка на ходу.

— Дай Бог, — отвечал Лисицын. — Но поднимет ли она нас со скотом и всем имуществом?

— Не сомневайтесь, Сергей Петрович, вдвое поднимет противу нашего груза и в воду глубоко не осядет. Уж за это ручаюсь — не впервой приходится строить. Эта же голубушка красивее всех вышла, а прочна, словно литая.

— Сможем ли мы сдвинуть её в воду?

— Эко диво?! Поделаем ворота, подложим катки — и поедет на всех на четырех. Принялись за работу. Даже Петруша участвовал в общем труде, по своим силам, конечно. Ему так хотелось поскорей увидеть, как огромная барка поедет «на всех на четырех». Прошло несколько дней. С чрезвычайными усилиями подложили под края

барки катки, протянули к двум воротам прочные канаты, прикрепленные к бокам барки; для действия воротами запрягли по паре волов. Но, несмотря на все усилия могучих животных, барка не трогалась с места. Что ни придумывал Лисицын, какие ни употреблял механические средства — всё оказалось тщетным. Барка так плотно сидела на широких камнях, так была обширна, прочна и грузна, что оставалась совершенно неподвижной.

— Вот грех какой! Тут ничего не поделаешь... — отчаялся Василий.

— Вижу. Приходится бросить наше дело. Если б мы основали её над самым речным разливом...

— Хотя б и на самой реке — всё то же было б. Силы не хватает стронуть её с места. Видно, сгниет барка наша здесь по-пустому!..

— Остается идти правым берегом Алмазной реки, пока будет возможно, а там обстоятельства подскажут.

— Двигаясь по берегу, мы до зимы не придем к Амуру. Весь скот поморим. Уж лучше устроим большие плоты и на них спустимся по течению.

— Плоты не совсем будут удобны для скота и в случае бури ненадежны, особенно на Амуре. А ты подумай, Василий, нельзя ли построить другую барку на самой реке, на сваях, так, чтобы, кончив работу, подпилить сваи и столкнуть барку прямо в воду.

— Почему нельзя; барки завсегда на сваях строятся. Ах я окаянный! — сетовал Василий. — Поставь я барку на сваях... А то ведь намудрил!

Лисицын, чтобы рассеять досаду, которую не хотел обнаруживать, чтобы не конфузить глубоко огорченного Василия, ушел на охоту, избрав путь вдоль речки, на которой была построена бесполезная барка. Пробродив несколько часов, он вернулся с дикой козой на плечах, но Василия в шалаше не нашел. Бедняк угрюмо сидел на берегу с закинутой удою и не примечал даже, что поплавок давно погрузился в воду.

— Полно, Василий, — ласково окликнул его Лисицын. — Приходи лучше ужинать; я зажарил лакомый кусок дикой козы.

— Да как же не сердчать мне на мою дурацкую голову? Ведь я три раза барки строил, а вот в четвертый... — горевал Василий.

— А ведь я нашел средство стащить нашу барку в реку, — улыбнулся Сергей Петрович.

— Неужели? — вскричал Василий. — Вот золотая голова!

— Хоть не золотая, да и не совсем пустая. Ужинай, завтра всё расскажу.

Не успело солнце явиться во всём блеске с восточного края неба, как Лисицын позвал Василия в лес. Он повел его по своему вчерашнему пути вдоль ручья и, дойдя до истока его, падавшего со значительной высоты, сказал своему товарищу: — Вот здесь наше спасенье.

Василий мгновенно потерял свою прежнюю веселость, подозрительно поглядел на Лисицына — видать, подумал, что с головой у Сергей Петровича не всё в порядке. — Я вижу ты сомневаешься, — продолжал Лисицын, — а ты послушай: ручей этот течет в Алмазную реку, на нем построена наша барка...

— Положим, что ж с того? — перебил нетерпеливо Василий.

— Барка наша стоит над ручьем не выше трех четвертей аршина, стало быть, если поднять воду в речке хотя на полтора аршина, барка снимется с камней.

— Где ж вы возьмете для этого воды-то? — вскричал Василий.

— Воду возьмем наверху, дружище, в большом озере, из которого вытекает речушка. Оно до трех верст в длину и более версты в ширину. Если мы пророем несколько спусков в узких местах берега, вода из него устремится в ручей и поднимет барку.

— А я-то подумал, что вы с горя рехнулись. Простите, Христа ради!

Лисицын крепко обнял своего честного товарища и рассказал ему в подробностях свой план.

Через несколько дней прорыли два канала, воду по ним одновременно пустили в речку. Расчеты Лисицына оправдались вполне: барка, снятая с камней сильным напором воды, благополучно очутилась в Алмазной реке, сильно натянув канат, которым была привязана к дереву на берегу.

Второго августа путешественники перегнали на барку скот и перевезли тяжести, а третьего, усердно помолясь, пустились вниз по Алмазной реке. Прозрачные воды запенились вокруг дощатых

бортов, и тяжелый руль закрипел в могучей руке Лисицына. Течение несло их быстро. Путники приняли за правило в удобных местах заготавливать фураж и кормить скот на барке. Пастьба его на лугах отняла бы много времени и, следовательно, замедлила бы их плавание.

Через несколько дней, когда барка была остановлена, Лисицын с Василием отправились за травой на четырех арбах, а Петрушу оставили на барке стеречь стадо. Когда же косцы возвратились с травой, то, к удивлению своему, мальчика не нашли. На громкий зов мальчик не откликался, Лисицын страшно забеспокоился. С ружьем и топором он поспешил на поиски пропавшего, строго наказав Василию не оставлять барку.

Прошло больше двух часов, но Петруши нигде не было. Отлучиться далеко он не мог — мальчик был трусоват, — стало быть, или утонул в реке, или похищен. Последняя мысль ещё больше взволновала нашего героя, потому что опасность тогда угрожала и ему и Василию. Горюя о пропавшем мальчике, Лисицын возвращался на барку, как вдруг увидел на дереве страшное чудище, имеющее человеческие формы. Подойдя поближе, чтобы вернее сделать выстрел, Лисицын едва не уронил ружья, узнав Петрушу. Бедняк сидел на толстом суку дерева, уцепившись за ветки, с взъерошенными волосами, в изодранном платье, с выражением чрезвычайного ужаса на лице. Неподвижно вытаращенные глаза его были устремлены на огромную сову, сидевшую поблизости и иногда грозно щелкающую клювом. Когда Лисицын рассмотрел эту картину и понял причину Петрушиного испуга, то разразился громким смехом.

— Спасите меня, Сергей Петрович! — вернулся к мальчику дар речи. — Эта страшная птица заклюет меня!

— Это сова, трусишка. Чего ты испугался? Слезай с дерева.

— Не могу, не могу! Она загнала меня сюда и не дает пошевелиться. Ради Бога, убейте её!

Лисицын прогнал сову камнем и снял с дерева обезумевшего от страха мальчика, прежде никогда не видавшего совы. Оказалось, что он, соскучившись ожидать возвращения старших, сошел с барки и запустил руку в первое попавшееся дупло, надеясь отыскать

маленьких птичек. Вдруг послышался страшный крик, из дупла вылетела жуткая птица. Худо видя днем, по чутью она погналась за Петрушей, загнала его на дерево и уселась напротив, не давая ему пошевелиться. Нахохотавшись вдоволь над трусишкой, товарищи поплыли дальше.

Однажды, причалив близ леса, окаймлявшего узкую береговую долину с превосходнейшей травой, путешественники слышали необыкновенный шум, сопровождаемый по временам гулом, подобным пушечному выстрелу. Вскоре они почувствовали резкий запах дыма.

— Что бы это значило? — удивился Лисицын.

— Это лесной пожар, — отвечал Василий, наводя подзорную трубу в дымящуюся даль. Пропали мы! — вскричал он через несколько минут. — Лес повсюду горит, а ветер прямо на нас дует.

— В уме ли ты, Василий? На воде огня боишься.

— Посмотрите-ка, как широко он раскинулся! От такого полымя и вода не спасет — не погорим, так задохнемся.

Действительно, шум нарастал с необыкновенной быстротой. Клубы черного дыма приближались к реке, подобно зловещим тучам.

— Нечего сидеть сложа руки! — вскричал Лисицын. — Спасемся, если Богу будет угодно! Мне известен способ тушить лесной пожар встречным огнем. Помолясь, приступим к делу, но только ты и Петруша должны будете в точности исполнять мои распоряжения, иначе за успех не ручаюсь.

— Приказывайте, Сергей Петрович!

Лисицын велел, как можно скорее стаскивать сухой хворост у самой опушки леса в небольшие кучи в тридцати шагах одну от другой, причем сам работал за двоих. Когда этих костров оказалось на полверсты, приказал зажечь хворост. Между тем пожар всё приближался к работающим с чрезвычайной скоростью, людям от густого дыма перехватывало дыхание, жар сделался нестерпимым.

— Теперь бегите скорее в реку! — скомандовал Лисицын, когда уверился, что все костры дружно запылали.

Он вместе с товарищами погрузился в воду, ожидая результата своих трудов. Горящие костры зажгли ближайшие деревья, от них

запылали следующие. И так как воздух на месте пожара был разряженнее, чем у берега реки, пламя общего лесного пожара потянуло к себе пламя пожара искусственного, произведенного Лисицыным и его товарищами.

Через несколько часов пожар настолько удалился от берега, что барка могла беспрепятственно продолжать свой путь. Всю эту ночь шел проливной дождь, вероятно, совершенно потушивший опустошительный пожар.

Сентября шестого числа путешественники услышали впереди себя сильный шум падающей с высоты воды и почувствовали, что барка поплыла гораздо быстрее. Это заставило их причалить к берегу и осмотреть местность.

Петруша, проникнутый страхом, не решился оставить барку. Поручив ему стеречь скот, Лисицын с Василием отправились на разведку правым берегом реки, который в этом месте был каменист и крут. Чем дальше они продвигались, тем шум воды становился явственнее, а течение реки делалось стремительнее. Наконец, пройдя около трех верст, они увидели картину, которая вместе с потрясающим звуком kloкочущей воды, эхом от прилегающих гор и лесов привела их в изумление и восторг.

Представьте себе широкую, многоводную реку, падающую с каменистого уступа около трех саженей вышиной и потом с шумом, с ревом, с громом прокладывающую себе путь между острыми гранитными скалами, устилавшими нижний уступ речного дна. Седые волны kloкотали, как в котле, пенились, гордо вздымались кверху, как бы стремясь перепрыгнуть через преграды, и, отступая назад, ещё яростнее устремлялись на несокрушимые скалы. Но только в нескольких местах удалось им прорыть узкие извилистые пути, в которых кипучие валы сталкивались с необыкновенной быстротою, и сильнейшие устремлялись вперед, ежеминутно сражаясь с новыми препятствиями. Эту величественную картину освещали яркие лучи солнца, играя бесчисленными радугами в серебристых брызгах валов. Долго оба странника от изумления не могли произнести ни слова. Василий первым пришел в себя.

— Господи, есть же на свете такие чудеса! Целая река валит вниз, словно через мельничную плотину, а там, глядите, прорыла себе ход в каменной горе. Уму непостижимо!

— То ли ещё бывает на свете, любезный Василий. Если бы ты читал путешествия ученых людей, то знал бы, что есть в Финляндии водопад Иматра, который не уступит этому в великолепии, а в Америке река Ниагара падает со страшной высоты...

— Чудны дела Божий, — набожно крестясь, перебил Василий. — Тому, что пишут, не всегда верить можно, а это диво я сам вижу. Всё бы смотрел и слушал, но никогда не нагладишься, не наслушаешься.

— Я совершенно с тобой согласен. В жизни моей я не видал ничего торжественнее. Пора, однако, вспомнить о нашей барке. Что мы теперь будем делать?

— Тут не только с баркой — с челноком не управишься, всё в щепки разломает.

— Плыть дальше невозможно, сам видишь. Я так думаю: барку надобно бросить, а нам со скотом и багажом пуститься этим берегом. Что пройдем до зимы — всё будет шаг вперед.

— А об корме-то скоту позабыли, если где зазимуем. Неужто вам не жаль такой дивной скотины, как наша?

— По совести скажу, очень жаль, и оставлять её в жертву волкам не желаю. Мы на зимовье можем стать в конце осени; для себя устроим землянку, а для скота сплетем сарай и сена заготовим, сколько нужно будет.

— Всё это разумно, да караванным-то ходом мы далеко не уйдем, и барку больно жаль. Нельзя ли барку разобрать, а ниже порогов собрать сызнова? Ведь времени меньше потеряем, и путь удобнее будет.

— Пожалуй... Но надобно осмотреть реку впереди, чтобы увериться, есть ли возможность это исполнить. Теперь ещё утро, мы успеем пройти верст пятнадцать и вечером вернуться к Петруше.

Товарищи поспешно зашагали по берегу, но чем дальше они шли, тем путь их делался неудобнее. То скалистая балка, то каменная круча, то непроходимый лес затрудняли дорогу. Речные пороги тянулись на версту с лишком, потом река снова спокойно текла

между высокими берегами. Через час ходьбы они увидели новые пороги, величественнее первых. Наконец путь им преградили неприступные скалы. Здесь и пешеходу было не пробраться, а о том, чтобы перевозить барочные бревна, нечего было и думать. Оба путешественника печально переглянулись.

— Видишь, Василий, как ни жаль, а придется бросить барку.

— Плетью обуха не перешибешь, — с досадою сказал Василий.

Они повернули назад и к вечеру пришли на барку, где Петруша ожидал их с крайним нетерпением. Он сильно боялся, чтобы они не заплутались, чтобы их не растерзали звери. Когда мальчик услышал, что решено бросить барку, залился слезами.

— Погодите барку ломать! — вдруг вскричал он. — Когда плыли сюда, на заре, я видел с правой стороны узкий рукав. Может, по нему можно миновать пороги? Лисицын с удивлением взглянул на сметливого Петрушу. Сам он на заре спал, а Василий, дежуривший у руля, сидел задом к правому берегу и тоже ничего не заметил. Слова Петруши их очень обрадовали. Немедленно они отвязали лодку и поплыли назад вдоль правого берега.

Действительно, верстах в трех от причала они увидели узкий пролив между крутых берегов. Когда вошли в него, заметили, что вода имела сильное падение и лодка летела быстро. Проплыв таким образом около пяти верст, они очутились в спокойных водах огромного озера, усеянного лесистыми островами. Наступившая ночь принудила их прекратить свои исследования и возвратиться к Петруше. Они опять были веселы и, плотно поужинав, спокойно улеглись спать.

На другой день повернули барку назад, но сил идти на веслах против течения у них не достало. Пришлось прибегнуть к помощи волов, которые на длинном канате притащили барку к проливу. Здесь сильное течение скоро принесло барку в озеро. Держась свободного пространства, они проплыли по проливу между двумя скалистыми мысами, густо поросшими величественными соснами и очутились в другом обширном озере, посреди которого увидели большой остров, высоко поднявший над водою свои скалистые берега. На северной стороне острова гордо вставала высокая плоская

скала, поросшая исполинскими деревьями. Местами возвышались холмы, увенчанные кедрами и вековыми дубами. В целом остров был столь живописен, что пловцы решили направить к нему свою барку, имея в виду расположиться для отдыха на всё время, пока не откроют сообщение этого озера с Алмазной рекой.

Ещё издали они заметили узкий вход в маленькую бухту, в которую вошли благополучно, но у самого берега барка напоролась на подводный камень, сильно затрещала и вскоре открылась такая течь, что едва успели снять с барки весь груз. Любимое суденышко пошло ко дну; одна только носовая часть осталась над водой. Солнце уже село. Путешественники, сожалея о барке, расположились на берегу для ночлега, решив починить её, как только найдут сообщение с рекой.

На другой день Лисицын с ружьем и топором отправился осматривать остров, а Василий на лодке поплыл отыскивать проход в Алмазную реку. Петруше они оставили ружье, из которого он должен был выстрелить в случае опасности, чтобы Лисицын, услышав этот сигнал, поспешил к нему на помощь.

Остров имел форму раковины. В самом центре вогнутой дуги поднималась плоская неприступная скала около двадцати саженей вышиной. Её верхняя площадка представляла собой правильный четырехугольник, заключавший около двадцати десятин пространства. Поверхность же всего острова делилась на три уступа: первый, ближайший к скале, был покрыт вековыми кедрами, соснами, пихтами и елями; второй, на пять саженей ниже первого, был холмист и также порос исполинским лесом, но в нем преобладали бук, клен, ясень, липа и орешник замечательной толщины; третьим уступом, почти на две сажени ниже второго, была ровная, как стол, долина, покрытая высокой травой. Одна только часть долины, примыкающая к речке, была на аршин ниже общего уровня и представляла собой небольшой роскошный луг. Из подошвы возвышенной скалы с шумом вытекал быстрый ручей, разделявший остров почти на две равные части. Ручей падал с каменистого уступа в озеро красивым каскадом.

Все берега озера были одеты густым лесом, совершенно скрывавшим от любопытных глаз его внутреннюю равнину, и на всём протяжении своем являлись совершенно неприступными каменистыми обрывами не ниже пяти саженей от поверхности озера. Бухта, в которую приплыли путешественники, была единственным местом, возможным для высадки на остров.

Когда Лисицын вступил на самый верх скалы, названной им в своем дневнике Сторожевою, то был изумлен великолепными картинами окрестностей. Обратись лицом к северу, он увидел светлые воды озера, расстилавшегося, подобно зеркалу, под его ногами, а за ним бесконечный лабиринт лесов с холмистыми грядами и зелеными долинами. На западе обширное пространство вод ограничивалось лесом, сбегавшим к самому берегу, и несколькими лесистыми островами. С южной стороны его очаровал вид гор, близко подступавших к озеру; их прихотливые гребни и склоны, покрытые богатой растительностью, привели в восторг нашего героя. На востоке, он увидел множество островов, которые под ярким солнцем уподоблялись изумрудам, оправленным в серебро. Вид на сам остров был не менее восхитителен. Лисицын невольно склонил колени, восславил Творца в его дивном творении и возблагодарил за благодеяния, ему оказанные.

В течение дня он исходил весь остров и нигде не встретил ни следов человека, ни тропы зверя. Только резвые белки грациозно перепрыгивали с ветки на ветку. Зато лесной пернатой дичи было множество, в том числе несколько особей, ему не известных.

Возвратись к шалашу, он нашел ужин, приготовленный Петрушей, но Василия ещё не было. Сергей Петрович справедливо заключил, что в один день невозможно осмотреть берега озера, прилегающие к реке, и, надеясь на осторожность Василия, спокойно заснул.

На следующий день Лисицын опять отправился осматривать остров. На этот раз были найдены два озерца: одно — поблизости от бухты — длиной около двухсот саженей и шириной до ста саженей; другое — почти в середине правой стороны острова — длиной до четырехсот, а шириной не более семидесяти саженей. Оба озерца были менее трех аршин глубиной. Вода в них прозрачная, но без

рыбы. Не было рыбы и в речке, зато в ней водились во множестве раки. Из обоих озер вытекали серебристые ручейки, впадавшие в речку в низменной долине.

У подошвы скалы, с юго-западной её стороны, он нашел поместительный грот, сложенный природой из больших плит известняка; вход в него был узок и низок и хорошо прикрыт частым кустарником. Почва первого уступа, на котором возвышалась Сторожевая скала, состояла из песка и глины с преобладанием песка; почва второго уступа образовалась из превосходного черноземного пагlinkа, а вся нижняя равнина состояла из суглинистого чернозема. Трава на лугу, уже перезрелая, достигала полутора аршин, а трава в долине, почти высохшая, была не ниже двух аршин.

Возвратясь на стоянку, Сергей Петрович застал Василия, только что приплывшего в бухту. Василий с унынием объявил, что озеро ниже порогов и не имеет никакого сообщения с рекой, что оно очень обширно и усеяно островами.

— Теперь уж поздно искать пути к Амуру, — добавил он со вздохом.

— Поздно, — подтвердил Лисицын.

— Стало быть, нужно устаиваться на зимовку, а там что Бог даст.

— Место здесь отличное, Василий; лесу, воды, дичи — всего много, а для скота мы ещё успеем сено заготовить.

— Так с завтрашнего дня, благословись, и примемся строить себе теплую избу, а животине мшеный двор, чтобы в морозы не зазябла.

Когда стали держать совет, где выбрать место для зимовки, вышло разногласие: Василий хотел основаться возле бухты, а Лисицын предпочитал середину острова. — Зачем нам удаляться от берега? — недоумевал Василий. — Я не встретил ни одной живой души, не видал ни одного человеческого следа. По всему надо полагать, что здешнее место необитаемо.

— Видишь ли, друг мой, — убеждал товарища Лисицын, — нас только трое, а вернее сказать, двое, на Петрушу в случае опасности рассчитывать рано. Располагаясь здесь на долгую зиму, мы должны быть очень осторожны. Ты объехал только восточную часть озера, а кто поручится, что поблизости от прочих берегов не живут китайцы

или другие инородцы? Построившись здесь, на виду, мы будем замечены и ограблены, если не убиты. Поселившись в глубине острова, мы будем закрыты со всех сторон дремучим лесом, и никто не сможет обнаружить наше жилище, разве только по особенному случаю.

— И то сказать: береженного Бог бережет, а место-то здесь очень привольное, — почесал затылок Василий. — Но коли вам больше нравится зимовать в лесу, сыщем повыгоднее место да и за работу.

Временные поселенцы избрали место для зимовки по правую сторону ручья, против среднего его выгиба, имея в виду, что здесь проще всего устроить плотину для пруда, если ручей, будучи мелок, промерзнет.

Постройки решили устроить из елового дерева, легчайшего для обработки. Василий настоял, чтобы выстроили две избы, соединенные сенями: одну — для Лисицына, другую — для него с Петрушей, потому что простолюдин решительно не хотел жить в одной избе с барином. На все возражения Лисицына, он хотя шутя, но упрямо отвечал:

— Что одну избу строить, что две, стоит только бревна не перепиливать, зато жить-то нам будет просторнее. Одна изба с сенями — словно человек об одном глазе, а две — то ли дело! После нас может домик-то кому и пригодится, так двойное спасибо скажет.

К дому должен был сзади примыкать скотный двор, весь крытый и мшеный, как обыкновенно строят в северных губерниях, и сарай для хранения вещей и съестных припасов.

С рассвета до завтрака Лисицын с Василием косили траву, а Петруша доил коров и готовил еду; после завтрака до обеда занимались стройкой, после обеда два часа отдыхали, потом опять плотничали, а вечером все трое убирали в копны траву.

За работу все принялись с полной охотой и особенным усердием. Даже Петруша деятельно соскабливал с бревен кору. Гигантские ели с оглушительным треском падали на землю под пилой работников, и топоры весело стучали.

— Знаешь, Василий, что пришло мне в голову? — сказал однажды Лисицын, обтесывая бревно по указанию товарища с ловкостью совершенно неопытного работника.

— Расскажите, Сергей Петрович, только пособите перевернуть это бревно на другой бок.

— А вот что: если по какому-нибудь случаю нам не удастся будущей весной отправиться к Амуру, что мы тогда будем делать? Зерна у нас хватит не больше как на год...

— Да что же может нас задержать? Когда непригодно будет плыть на барке, пойдем гужом.

— Ну, а если нельзя будет двинуться ни на барке, ни гужом?

— Это почему же — ума не приложу.

— Эх, Василий, человек предполагает, а Бог располагает. Мало ли что может случиться. Не мешало бы нам позаботиться о хлебе, чтобы не питаться одной дичиной и рыбой из озера.

— Вестимо дело, что может сравниться с хлебом? Только где вы здесь его возьмете, приключись такая беда, чтобы перелетовать нам в этих местах.

— Если нам удастся отправиться к Амуру весной, то осмина ржи не составит для нас убытка, если же не удастся, составит пользу, когда посеять её в землю. Теперь время ещё не ушло. Я успею приготовить землю и запахать зерно. Не будет нас здесь, хлеб достанется птицам, а когда по воле Божией останемся, очень он нам пригодится.

— Может, вы и разумно всё говорите, только я в руки не брал сохи и не знаю, как хлеб сеют.

— Об этом не беспокойся; я надеюсь справиться и с землею, и с сохою, и с посевом. Ты только скажи, что согласен.

— Зачем же я стану перечить вам? Четыре меры ржи нас не оскудят, а может, и пригодное дело выйдет. Будущее одному Богу известно.

Со следующего же дня Лисицын приступил к пахоте, продолжая усердно помогать Василию в стройке, и до первого октября засеял десятину земли четырьмя четвериками озимой ржи. Товарищи заготовили достаточно сена для скота и припасли весь материал для

построек. Сверх того Лисицын между делом успел приготовить для печей кирпич.

Все здания возводились, как уже было сказано, из ели, отличающейся особенной прямизной стволов. Необыкновенная толщина деревьев позволяла строить жилые избы только из шести венцов, полы и потолки застлали трехвершковыми досками аршинной ширины, а так как избы ставили на коротких толстых столбах, фундамент обшили тесом. Крыши на всех строениях покрыли перестоявшейся сухой травой, гладко начесанной граблями, при частом опрыскивании водой. На потолок был насыпан довольно толстый слой мха, просушенного на воздухе, чтобы тепло из жилых комнат не уходило на чердак.

Каждая изба имела внутри семь аршин ширины и десять длины. Изба Василия была обыкновенная, с русской печью у задней стены и с палатами по обе её стороны для постелей. Здесь же была и общая столовая. Изба Лисицына изнутри разделялась дощатыми перегородками на три отделения: переднюю, чистую комнату и спальню. Избы успели окончить до наступления заморозков, холодные же строения окончили уже после первого снега. На окнах изб Василий сделал отличные ставни, а фасад и ворота украсил красивой резьбой. Лисицын теперь радовался, что захватил с корабля ящик со стеклами, который он долго не решался взять, считая стекла вещь мало полезной в лесной пустыне.

Во время отдыха от трудной плотницкой работы на речке устроили плотину, чтобы перед самыми окнами образовался пруд, удобный для водопоя. В этот пруд Лисицын пустил разной рыбы из озера; заселил он рыбой и оба островных озера.

Я забыл сказать моим читателям, что в дневнике Лисицына главный остров, на котором поселились отшельники, назван Приютом, озеро, его окружающее, Глубоким, а лежащее за перешейком — Архипелажным.

Для собственного продовольствия поселенцы имели в изобилии молоко, несколько кулей ржаной муки, ячменя, ржи и куль соли. Озеро доставляло им уток и гусей и разного рода рыбу. Они без затруднений заготовили большой запас копченой провизии.

В течение зимы, замечательной постоянными морозами, Лисицын с помощью столярного инструмента сделал себе большой стол, несколько табуретов, кровать и этажерку для редких по свойствам или виду камней, раковин, минералов. У Василия он учился делать тележные колеса и собирать кадки и бочки для хранения разного рода съестных припасов. Зиму эту Лисицын провел не скучно; его окружал почти комфорт: в комнатах было чисто, светло и тепло, ни в платье, ни в белье не было недостатка, а словоохотливый Василий и понятливый Петруша разгоняли, каждый по-своему, тоску одиночества.

Место поселения странников оказалось необитаемым, поэтому они находились в совершенной безопасности от врагов и разбойников. Одни только волки беспокоили их своими серенадами, прибегая из соседних лесов к скотному двору в надежде на поживу. Но стены двора были прочны, и алчные звери бесполезно выли под окнами, тревожа сон Петруши.

Однажды, когда уже стал таять лед, Лисицын и Василий сидели у ворот на обрубке дерева, прислушиваясь к крику грачей и веселым песням жаворонков, только что прилетевших на остров. Лисицын был весел и доволен, а Василий угрюмо склонил голову.

— Отчего ты так печален, Василий? Скоро весна, сборы на Амур. Даром только я трудился над посевом хлеба.

— Всё, что ни делается, Сергей Петрович, творится по Божию изволению. Господь по своей благости внушил вам хорошую мысль, и зерна, вами посеянные, не пропадут. А не весел я потому, что не идти нам в этот год на Амур...

— Это почему?

— За бесчисленные грехи мои Господь послал мне тяжелое испытание. Вот уж больше месяца чувствую я, что ноги мои слабеют и порой такая ломота бывает, что терплю её через великую силу, а теперь, почитай, совсем ходить не могу. Идти на Амур с калекой? Стало быть, на годочек надобно остаться здесь. Мне самому очень горько, да видно, на то воля Божья.

— Грех тебе, Василий, что не сказал мне о своей болезни, я бы поберег тебя. Что не можем идти, горевать не надо. Не увидим, как год пройдет. Выздоровеешь — тогда и в путь.

— Да как же не горевать-то? Ведь из-за меня, окаянного, теперь всё дело пошло наизнанку.

— Как в животе и смерти, так в здоровье и болезнях мы не вольны, друг мой; Господь посылает болезни — нужно терпеть. Ты сам знаешь, всё Он творит нам во благо. — Лисицын обнял Василия. Было решено отложить поход на Амур.

Работы на Приюте распределялись теперь так: Василий готовил пищу и занимался делами, позволявшими работать сидя, Лисицын с Петрушей приняли на себя все труды вне дома. Теперь поселенцы благодарили Бога за благое внушение посеять озимую рожь, без чего они нуждались бы в хлебе.

Снег стоял быстро и земля вскоре покрылась превосходной зеленью. Рожь обещала хороший рост и обильный урожай, несмотря на дурную обработку земли неумелым пахарем. Как только земля просохла, Лисицын вспахал на одной из лесных полян осьминник земли под огород, а рядом с озимым полем несколько десятин под яровые хлеба. Пот градом катился с нашего героя во время этой трудной работы, ноги и руки часто приходили в изнеможение, но своей железной волей он преодолевал физическую немощь, и работа не прекращалась. Когда земля совершенно была подготовлена к принятию семян, Лисицын засеял десятину яровой рожью, десятину овсом, десятину ячменем, десятину гречихой, треть десятины горохом, треть десятины просом и треть десятины льном. Посевы были сделаны не в одно время, а смотря по свойству хлебов.

В свое время был засажен и огород — морковью, редькой, луком, огурцами, капустой. Одну грядку Лисицын отвел под картофель и две грядки под репу. Остальные огородные семена оставил в запасе как менее нужные. Из цветочных семян были высеяны многолетники и махровый мак. В саду он высеял яблочные, грушевые, сливные, вишневые семена, семена смородины, крыжовника, малины и клубники — каждый сорт отдельно.

— Для чего вы тратите цветочные и плодовые семена? — спросил Василий трудящегося в саду Лисицына.

— Лучше посадить их, чтобы взошли на свет Божий, чем оставить гнить в амбаре. Коли кому-нибудь Бог приведет обитать здесь, пусть воспользуется моими трудами, — отвечал Лисицын.

— К чему заботиться о других, когда своего дела не переделать?

— Видишь ли, Василий, если бы каждый заботился только о себе, то не пользовался бы теми удобствами жизни, какими пользуется теперь. Не было бы ни каменных зданий, ни прочных дорог, ни каналов, ни лесных насаждений... Между тем всякий отец старается оставить наследство своим детям. Так и каждый человек, который любит ближнего своего, обязан оставлять потомкам посильные плоды трудов своих, чтобы заслужить добрую память.

— Так-то оно так. Да что толку в цветах-то?

— Только грубые животные наслаждаются одною пищей, а человек, Василий, получил способность высших наслаждений. Ведь тебе приятно слышать хорошо спетую песню, полюбоваться зеленью луга, золотистыми колосьями хлеба, прекрасной картиной природы. Представь же себе, что сюда может забрести такой же странник, как и мы с тобой. Какова будет его радость, когда он найдет здесь превосходные цветы, ягодные кусты и плодовые деревья; он невольно ободрится, найдя в этой пустыне следы человека просвещенного.

— Сергей Петрович, позвольте и мне помогать вам сажать семена, — расчувствовался Василий.

Обладая необыкновенной силой и ловкостью, Лисицын с помощью Петруши легко управился с полевыми работами. Теперь у него было время на ловлю рыбы и добывание дичи. Рыбу он ловил вершами, ставя их в мелких проливах между островками Архипе лажного озера, а дичь добывал особенным образом. Архипелажное озеро изобиловало птицами, особенно стаями гусей и уток, но, напуганные охотниками, они держались далеко от берега, поэтому стрелять стало трудно. Изобретательный ум Лисицына вскоре нашел способ победить это неудобство. Однажды утром он предложил Василию поохотиться с ним на озере. Василий был порядочный стрелок и из-

за слабости ног любил охоту на лодке, для него неустойчивую. Утро было серенькое, туманное, благоприятное для стрелков. Они захватили достаточно порошу и дробь и отправились в бухту. Лисицын помогал Василию идти.

— Где же лодка? — спросил Василий, подойдя к воде.

— Ты её не видишь? — засмеялся Лисицын.

— Знать, ветром унесло...

— А что это зеленеет у берега близ старой лиственницы?

— Мужжевеловый куст... С нами крестная сила! Как это он на воду попал?

— Это и есть наша лодка. Ежели ты ошибся, то неразумная птица и подавно дастся в обман. Видишь, я прикрепил к бокам лодки сплошную массу можжевельных ветвей, за которыми ни сверху, ни с боков не видно, что делается в лодке. Мы же, осторожно раздвигая ветви, можем видеть всё, что происходит на озере. Весла так привязаны к шканцам, что совсем погружены в воду и можно работать ими, не производя ни малейшего шума. Птицы примут нас за островок и подпустят близко. Теперь ты меня понял?

— Как не понять, штука и хитра и проста. А ведь вот мне же не пришло в голову такого пустого дела.

Охотники весело сели в лодку и поплыли в Архипелажное озеро.

— Дивлюсь я, Сергей Петрович, почему это наш остров оприч всех других островов один так высоко над водою выскочил? — спросил Василий.

— Как это случилось, один Бог знает. Но вода и подземный огонь беспрестанно изменяют поверхность Земли и творят поистине чудеса. Я полагаю, что в незапамятные времена, когда ещё Алмазная река не прорыла себе путь в каменной горе, там, где теперь пороги, вся масса воды бросилась в эту сторону, прорыла и затопила долину теперешнего Архипелажного озера. Так возвышенные места и холмы образовали множество островов и островков. Там, где теперь пролив, соединяющий оба озера, находилась плотная каменная гора, удержавшая напор воды, тогда река, не имея выхода, проложила теперешнее русло. Спустя, может, тысячи лет от сильного землетрясения часть земли, составляющая Приют, поднялась вверх, а

окружающая местность опустилась, от той же причины треснула гора, ограничивавшая Архипелажное озеро, и вода из него промыла теперешний пролив. Может, это случилось иначе — это одни мои предположения. — Дивны дела Господни! Но от чего же случаются землетрясения?

— Видишь ли, внутренность Земли заключает в себе огонь, который так силен, что плавит не только металлы, но и камни. Огонь этот заключен в земной коре, которая толщиной не более пятидесяти верст, что по сравнению с величиною всей планеты не толще скорлупы куриного яйца. При расплавлении металлов, камней и прочего образуются упругие пары, которые, стараясь вырваться из сжатого пространства, легко волнуют и потрясают тонкую земную кору, отчего на ней случаются трещины, делаются провалы, поднимается и опускается почва — словом, происходят изменения земной поверхности, сопровождаемые страшным подземным гулом. Вот и выдвигаются в морях острова из пучин вод, на земле же поднимаются горы.

— Я тому дивлюсь, как про всё это люди узнали, ведь не спускался же никто в тартарары-то.

— Это узнали ученые, наблюдая землю в течение многих сотен лет, через раскопку гор и тому подобное. Однако ж замолчим пока, за проливом я вижу стаю гусей. Охотники прошли пролив и начали грести к своим жертвам с такой медленностью, что лодка казалась почти стоящей на месте, чтобы птицы приняли лодку за кустарник. Действительно, без всякого опасения гуси резвились в воде, грациозно поднимая свои красивые головы. Расстояние между ними и охотниками с каждой минутой уменьшалось, и вот наконец охотники приблизились на верный ружейный выстрел. Лисицын знаком предложил Василию стрелять, а свое двуствольное ружье приготовил для выстрела влет, когда испуганная стая поднимется с воды. Почти одновременно раздались выстрелы, и звук их, повторенный эхом прибрежных высот, слился с криком тяжело взлетевших гусей, которые поспешили скрыться за первым островком.

— Четыре гуся разом! — вскричал Василий.

— Нужно было метить в самую середину стаи и не так близко подплывать, — отвечал Лисицын, тогда дробь рассыпалась бы дальше и мы застрелили бы не четырех гусей, а больше.

Только охотники подобрали в лодку гусей, показалась стая уток, вероятно, испуганная их выстрелами. Судя по направлению их полета, утки должны были пролететь над самой лодкой. Лисицын поспешил зарядить ружье.

— Неужели вы хотите даром потерять выстрел? На такой высоте и на лету мудрено попасть, — забеспокоился Василий.

— Это гораздо легче, чем ты думаешь. Я не буду целить в одну птицу, а в целую стаю и выстрелю из обоих стволов. Мое ружье бьет далеко, можно рассчитывать на верную добычу.

Лисицын выстрелил из обоих стволов — и пять жертв, тяжело кувыркаясь в воздухе, упали на воду вблизи от лодки.

— Вы славный стрелок, Сергей Петрович, с вами охотиться весело.

— С десятилетнего возраста отец приучал меня к ружью, а в шестнадцать лет я часто охотился с соседом — известным стрелком, который научил меня всем премудростям стрельбы по разной дичи. Теперь гуси успокоились, обогнем ближний островок и наверняка их увидим.

Охотники поплыли сперва к острову, потом продолжали свой путь вдоль берегов, чтобы быть неприметными. Лодка обогнула мыс островка, и они увидели большую стаю гусей на расстоянии дальнего ружейного выстрела. На этот раз охотники действовали удачнее. К вечеру они возвратились на Приют, обремененные добычей.

В последствии, рассчитав, что порох лучше приберечь для красного зверя, Лисицын перестал стрелять дробью. Он сделал большой лук из гибкого дерева и аршинные стрелы с железными наконечниками. Стреляя из лука, он не пугал дичи и без труда убивал её на близких расстояниях то из обставленной лодки, то из засад на островках. Лисицын и прежде умел хорошо стрелять из лука, но теперь, практикуясь каждый день, приобрел такой навык, что не давал промаха даже по резвой белке.

Праздники он употреблял исключительно для дальней охоты, чтобы лучше ознакомиться с окружающей местностью. Во время

таких дальних походов он примечал, где именно водятся разные породы пушных зверей. Каждый праздник он приносил по несколько соболей, или лисиц, или куниц, или енотов, от которых Василий приходил в восторг, зная толк в хороших мехах.

В одну из таких прогулок Лисицыну случилось быть зрителем забавного происшествия. Обувь его, если припомнят читатели, состояла из полос медвежьего меха, обертывавших ногу наподобие онучей, мехом наружу, поэтому шагов его не было слышно. Идя осторожно между деревьями, Лисицын услышал сердитое ворчание медведя. Подкравшись ближе, он увидел мишку, влезшего на старую липу и пожиравшего мед из дупла. Рассерженные пчелы тучей кружились вокруг его головы и мстили врагу своими длинными жалами, а медведь сердился и отмахивался лапами. Эта картинка навела Лисицына на мысль добывать медвежьи шкуры, не тратя пороха.

В амбаре он нашел несколько пудовых гирь с ушками, взятых с корабля вместе с прочими металлическими вещами, и две длинные железные цепи для привязи на ночь овчарок. Лисицын тайно от товарищей принес к улью одну цепь и одну гирю. Вздев гирю ушком на цепь, он укрепил концы цепи на ближайших толстых сучьях так, чтобы гиря под собственной тяжестью провисла непременно напротив дупла с ульем. Установив с вечера этот нехитрый снаряд, охотник возвратился на Приют.

На другой день, когда товарищи ещё спали, он поспешил осмотреть свою придумку и увидел медведя, лежащего под деревом с разбитым черепом. Василий удивился, увидав шкуру зверя, на которой не было следа ни ружейной пули, ни ножа. Лисицын рассказал о своем снаряде, и Петруше очень захотелось посмотреть, как медведь сам себя убивает. Лисицын решил доставить ему это удовольствие в первый же праздник.

— Пора нам собираться, — сказал он Петруше, усердно грызшему кедровые орехи под наблюдением своего любимого щенка Сивки, который каждый орех, положенный мальчиком в рот, сопровождал поворотом головы. — Не забудь прихватить котомку с пищей. Может, придется заночевать в лесу.

— Сию минуту всё приготовлю, — отвечал обрадованный мальчик. Через полчаса, они плыли уже по озеру к северному его берегу, освещенному великолепным светом вечернего солнца.

— Ты говорил, Петруша, что никогда медведя не видел, — заговорил Лисицын.

— Точно, не видел. А разве он страшный?

— Гораздо страшнее того горного козла, которого ты так испугался. Помнишь?

— Я бы и теперь его испугался — такой он косматый и рогатый. А у медведя нет рогов?

— Зато у него страшная сила, могучие лапы и свирепый взгляд, который трудно вынести человеку. Но ты со мной — не бойся!

— Если я испугаюсь, влезу на дерево. Там он меня не достанет!

— Должен предупредить тебя, Петруша, медведи лазят по деревьям нисколько не хуже тебя.

— Вы всегда шутите...

— Сейчас не шучу. Я знаю, ты очень испугаешься медведя, но мы поместимся в безопасном месте. А главное — удержишься и не кричи, даже не говори и не шевелишься, иначе зверь не пойдет на приманку, а кинется на нас с тобой.

— С вами я не буду бояться. Очень уж мне хочется увидеть, как зверь сам себя уводит.

Путники высадились на берег и углубились в лес. Вскоре открылась небольшая прогалина, окруженная старыми деревьями. У самой её опушки Лисицын указал Петруше толстую липу с дуплом, на которой был устроен губительный снаряд.

— Как же это гиря сама может убить медведя? — спросил мальчик.

— Скоро увидишь. Нам нужно поторопиться занять наш наблюдательный пост. Скоро солнце закатится, а в это время медведи выходят из своих берлог. Охотники подошли к старому дубу, в котором на высоте двух саженей от земли находилось отверстие, довольно широкое для того, чтобы свободно пролезть человеку в просторное дупло. Лисицын сперва посадил Петрушу, потом бросил ему конец веревки, к которой была привязана котомка со съестными припасами, патронташ и ружье, приказав мальчику втащить в дупло

все эти вещи. Нарубив несколько ветвей молодого дуба, он их тем же способом доставил Петруше и наконец влез в дупло сам. Стоя, они хорошо могли видеть всё, что делается на поляне у старой липы. Чтобы медведь не мог их заметить, Лисицын прикрыл отверстие дупла срубленными дубовыми ветками. Занятое ими дерево росло на западной стороне поляны, а дерево с ульем находилось на восточной её стороне и было ярко освещено лучами заходящего солнца, тогда как их убежище оставалось в тени.

В то время как Петруша со свойственным мальчику любопытством расспрашивал Лисицына о волках и медведях, до тонкого слуха охотника долетел из чащи звук, похожий на треск ломаемых ветвей.

— Тише, — сказал Сергей Петрович Петруше, — медведь идет.

Петруша побледнел как полотно и слушал с напряженным вниманием усиливающийся шум. Солнце только что село, и пылающая заря ярко освещала старую липу. Наконец зверь показался на опушке поляны; он поднял свою косматую голову и начал обнюхивать воздух. В эту минуту Петруша готов был от страха упасть на дно дупла, если бы Лисицын не удержал его в крепких своих руках. Уверившись, что всё обстоит благополучно, медведь встал на задние лапы и полез на липу. Это несколько ободрило Петрушу, и он уже мог наблюдать за опасным соседом.

Вот мишка добрался головой до улья и начал пожирать мед, не обращая внимания на мстительных пчел, окруживших его густым роем, но гиря мешала ему спокойно лакомиться. Он отмахнул её лапой, и она, поднявшись вверх по цепи от полученного толчка, под своей тяжестью опять опустилась на прежнее место, ударив при этом медведя по голове. Зверь зарычал от досады и отмахнул гирю с большей силой. Гиря, поднявшись выше прежнего, спустилась вниз с большей скоростью и нанесла лакомке сильный удар по голове. Рассвирепевшее животное оттолкнуло гирю, за что получило ещё удар, полновеснее. После нескольких таких маневров медведь рухнул на землю с разбитым черепом. Петруша, не понявший причины падения зверя и вообразивший, что медведь сейчас бросится на их убежище, огласил лес таким неистовым криком, что стаи галок и

ворон поднялись из своих гнезд и поддерживали его пронзительным карканьем.

— Перестань визжать, трусишка! — засмеялся Лисицын. — Медведь-то окошел.

— Нет! Он сейчас бросится на нас!

— А вот смотри... — сказал Лисицын, вылезая из дупла.

— Куда вы? Ради Бога, останьтесь! Караул! — кричал перепуганный мальчик. Он боялся один остаться в дупле и вылезти из него тоже боялся. Петруша успокоился только тогда, когда Лисицын принялся снимать с медведя шкуру. Уже в лодке на обратном пути к Приюту мальчик смеялся над своим испугом.

...В конце года наш лесной охотник сделался так опытен, что по тропам мог различать каждого зверя. Однажды, удалясь дальше обычного, он набрел на глубокую речку, густо поросшую лесом и частым кустарником. Раздвинув нечаянно ветки, он увидел на другом берегу красивого зверька с детенышем. Самка была длиной около десяти вершков, с пушистой шерстью; в зубах у нее была птичка, которую она полоскала в воде. Желая узнать, что это за зверь, Лисицын застрелил его. Маленький зверек юркнул под тело матери. Когда Лисицын поднял убитое животное, малыш постарался спрятаться между его ногами. Одного взгляда было достаточно, чтобы узнать енота. Зная из естественной истории, что животное это легко делается ручным, охотник положил в ягдташ робкого малютку, а с самки снял шкуру. Маленький енот действительно сделался ручным и подружился с котом, с которым часто затевал резвые игры. Наступил июнь. Трава на лугу достигла двух аршин, и Лисицын принялся её косить. Эта работа очень его утомляла, однако в течение месяца с помощью товарищей, помогавших убирать сено, он заготовил его достаточное количество. В одном конце луга он нашел целую поляну, заросшую мюсум — травой, по питательности превосходящей клевер, которую оставил на семена. В долине он увидел несколько сортов отличных кормовых трав. Когда они созрели, Лисицын собрал семена мюсуя, красного клевера, тимфейки и лисьего хвоста.

К восемнадцатому июля поспела озимая рожь. Лисицын скошил её косой с грабельками, а Василий с Петрушей вязали снопы; десятина дала необыкновенный урожай — двадцать пять четвертей крупной ржи. Вслед за рожью поспел овес, давший тридцать четвертей зерна; ячменя было получено восемнадцать четвертей; яровая рожь дала двадцать одну четверть. Остальные хлеба и огородные овощи тоже уродились отлично. К двадцатому августа весь хлеб был убран и земля под посев озимого хлеба подготовлена, но по случаю стоявшей засухи посев был отложен до дождя, чтобы бросить зерно в сырую землю.

— Такого благодатного урожая не встретишь и в Курской губернии, — сказал Лисицын, молотя с Василием цепами ржаные снопы на семена. — Чудо, что за земля здесь!

— Кабы здесь приложить рук побольше, всю Сибирь запрудили бы хлебом. Жаль, что земля эта не наша...

— Однако ж и не китайская. Кто знает, может, и наша будет. Тогда здесь быстро разовьется земледелие. Пшеницу будем вывозить в Китай, Японию и на острова Великого океана. Что за зерно! — восхищался Лисицын, пересыпая рожь с ладони на ладонь.

— Зерно, какого не сыскать. Только слышал я, косоглазые и темнокожие любят рис, а рожь нашу не жалуют.

— Они любят и кукурузу, которая здесь должна отлично родиться, а как войдут во вкус, то пшеницу предпочтут своему рису.

— Вестимо, что может быть лучше пшенично-крупчатой муки, однако хлеб из нее жидок и нашему брату скоро приедается, то ли дело ржаной хлеб, в нем больше силы.

— Это от привычки, Василий. Русский человек вырос на черном хлебе, а англичанин, например, воспитанный на пшенице, есть его не станет, француз же, пожалуй, и болен сделается.

...Лисицын решил воспользоваться временем, неудобным для посева, и отправился осматривать ближайшие горы, которые своими очертаниями давно манили его. Переплыв озеро, охотник углубился в лес. Деревья сначала росли очень часто и были переплетены вьющимися растениями. Лисицын вынужден был версты две придерживаться берега озера — до того места, где начиналась

заросль высокого и частого тростника. Здесь он увидел мшистую долину, покрытую редкими деревьями. Она тянулась прямо к горам. Пройдя по ней несколько часов, Лисицын достиг подошвы гор, поросших высоким хвойным лесом. Перекусив близ источника, вытекавшего из скалы, охотник, одолеваемый усталостью, заснул. Когда он раскрыл глаза, на небе светила уже полная луна и часы показывали половину двенадцатого. От сырости места или от холодной ночной росы Лисицын сильно продрог. Он выпил немного водки, чтобы согреться, и нашел в горе впадину поблизости источника и устроился в ней на ночлег.

Лишь только успел он спокойно поместиться в своем убежище, как из земли — так ему показалось — поднялась голова огромного чудовища с большими рогами и глазами, страшно блестящими при свете луны. Лисицын сперва подумал, что это игра воображения после выпитой водки, которую он употреблял очень редко, но когда рога и глаза стали медленно к нему приближаться, испуг его достиг крайних пределов и он почти бессознательно выстрелил... Чудовище исчезло так же внезапно, как и появилось. Понемногу молодой человек успокоился, осмотрел местность, но нигде никого не нашел.

Подойдя утром к ручью, Лисицын заметил на траве следы крови. Он пошел по следу, обозначенному кровавыми пятнами, и достиг узкой расселины между двумя отвесными скалами, заросшей частым кустарником. След крови здесь исчез. С большим трудом перебравшись через кустарник и огромные камни, Сергей Петрович очутился в восхитительной долине, покрытой роскошной травой, цветами и ореховыми деревьями с созревшими плодами. Множество розовых кустов, усыпанных крупными бутонами, удивили его своей роскошью.

Эту долину он назвал в дневнике своем Долиной роз. Она простиралась в длину верст на семь, а в широких местах достигала трех верст и со всех сторон была окружена неприступными горами. Бродя по этой долине, Лисицын опять нашел след крови, который привел его ко входу в пещеру, прикрытому огромным густым розовым кустом. Войдя в пещеру, охотник очутился во мраке и ничего не разглядел. Это заставило его выбраться, набрать сухого

хвороста и зажечь его в пещере. Как только огонь осветил огромные своды, рогатое чудовище поднялось из дальнего угла и бросилось вон. Лисицын устремился в погоню, разглядел крупного лося, который вскоре скрылся из глаз. Понимая бесполезность преследования зверя, Лисицын снова вошел в пещеру, чтобы тщательнее исследовать её. Пещера оказалась необитаемой, но в одном месте находился проход в глубину горы, постепенно наклоняющийся. Нашему герою захотелось осмотреть этот проход, но без огня он счел неблагоприятным углубляться в гору. Чтобы не возвращаться домой с пустыми руками, Лисицын набрал корзину спелых орехов. На обратном пути в одной из расселин горы он заметил чугунную руду в чистых зернах. Не доходя озера, он убил кабана и только к ночи приплыл на Приют с добычей, которая обрадовала его товарищей. Петруше очень понравились орехи. Когда Сергей Петрович рассказал, откуда орехи, мальчик долго просил взять его с собой в Долину роз и неизвестную пещеру.

— Ты не знаешь, о чем просишь, Петруша. В глубине пещеры мы можем встретить логовище медведя, а ты боишься их даже мертвых.

— Я не буду бояться! Пожалуйста, возьмите меня, я никогда не видал пещер.

— Хорошо, я возьму тебя, но с условием: если испугаешься, не хватай меня за руки, этим ты только помешаешь мне тебя защищать.

...В пещере, как мы помним, было совершенно темно. Чтобы спускаться в проход, Лисицын придумал сделать длинные факелы. Для этого он употребил старые веревки и мочала. Сперва сильно проварив их в кипящем дегте, он сплел из них, как можно рыхлее, толстый канат, проварил его в древесной смоле. Когда канат остывал, он снова обмакивал его в жидкую смолу и давал застыть на воздухе. Куски этого каната длиной в полтора аршина представляли собой толстые смоляные свечи, которые горели долго и хотя производили большой дым, давали довольно света.

Запасаясь смоляными факелами и провизией, Лисицын с Петрушей отправились в путь с зарею. Шагая по непроторенной тропинке, Сергей Петрович развлекал своего юного товарища веселыми разговорами, а время от времени обращал его внимание на красоту

местности, на деревья, цветы, травы и корни, объясняя, что для чего полезно, а что вредно для здоровья. Так незаметно путники дошли до пещеры. Было уже десять часов утра.

— Прежде чем начать осмотр пещеры, нужно хорошенько позавтракать и немного отдохнуть, — сказал Лисицын, вынимая из котомки сушеную и жареную дичь и сдобные ячменные лепешки. — Ты, наверное, очень проголодался, Петруша?

— Точно, мне есть хочется, но ещё больше хочется скорее войти в пещеру.

— Нет, Петруша, прими себе за правило всякое дело, требующее физического труда, начинать на сытый желудок. Пища придает человеку силу и бодрость; он делается веселее и храбрее.

Петруша с детским азартом напал на жареную утку, иногда прерывая работу своих челюстей вопросами.

— Что мы будем делать, если в пещере наткнемся на зверя?

— Ты посветишь, а я его застрелю.

— А если встретится огромная змея? Говорят, есть такие змеи, что могут проглотить человека.

— Таких змей нет, Петруша.

— Значит, не встретятся никакие опасности?

— За это ручаться нельзя. В подземных проходах легко заблудиться. Тогда не поможет ни сила, ни храбрость. На всякий случай мы захватим с собой побольше пищи и факелов. А я ещё захватил большой клубок суровых ниток.

— Зачем?

— Мы привяжем один конец нитки у входа в пещеру, пока мы будем идти, клубок будет разматываться, эта нитка и укажет нам обратную дорогу.

— А если нитка оборвется?

— Видишь, у меня есть топор, захвачу ещё несколько кусков угля. На мягких стенах буду делать зарубки топором, на каменных — чертить углем. Успокойся, Петруша, мы не заплутаемся.

Окончив завтрак, Лисицын уложил съестные припасы в мешок и привязал его за спиной вместе со связкой факелов; подтянул пояс, на котором висели рожок с порохом, пистонница, патронташ с

готовыми зарядами и кинжал; взбросил на плечо ружье и с топором в руках вошел в пещеру, приказав Петруше идти рядом с зажженным факелом и маленьким мешочком с углем.

Пещера оказалась обширной залой с неправильным сводом из громадных камней и плитняковыми стенами. Широкий проход, темный как ночь, пугал робкого Петрушу своей таинственностью. Лисицын смело вступил в него. Проход, сперва широкий, постоянно понижаясь, вместе с тем суживался; его неровные стены, освещаемые мерцающим пламенем факела, то ярко блестели, то скрывались во мраке. Путники ступали по твердому каменистому грунту, их гулкие шаги будили мертвую тишину подземелья. Лисицын видел, как рука Петруши, державшая факел, дрожала от внутреннего волнения, но шел, будто ничего не замечает. Проход иногда менял направление, но не имел ответвлений. Свод был всюду довольно высокий.

После часа ходьбы проход привел храбрецов в другую обширную пещеру, с мягким хрящеватым полом. Узким проходом длиной около тридцати шагов они вышли в просторный коридор, пройдя по которому около пятидесяти саженьей, вступили в третью пещеру, гораздо большую двух первых; одна из стен её ослепительно блестела от огня факела. Из этой подземной залы шел широкий ход на юго-восток, постепенно возвышаясь. Через полчаса они вышли на луг.

— Слава Богу! Мы вышли на свет! — ликовал Петруша.

— Да, благодаря Богу мы окончили наше путешествие без всяких приключений. — Я всё боялся, что мы никогда не выберемся из-под земли.

— Новички в таких путешествиях нередко тревожатся подобным страхом. Зато в награду за наш труд Бог привел нас в восхитительную долину.

— Сколько здесь цветов! Будто нарочно посеяны. Представьте себе огромный луг, со всех сторон окруженный неприступными горами, поросшими вековым лесом. Глаз радовала сочная зеленая трава с бесчисленными цветами. По роскошному ковру бежал прозрачный ручей, впадающий в небольшое озерцо, вокруг которого росли старые кедры. Когда Лисицын окончил осмотр поляны, был уже

вечер и он решил переночевать под кедрами. В озере водилось много рыбы, но Сергею Петровичу нечем было её поймать, и путники удовлетворялись своими припасами. Долину эту Лисицын назвал Кедровой.

Ночь прошла спокойно. Позавтракав, Лисицын и Петруша отправились в обратный путь. Проходя через первую пещеру, Сергей Петрович любопытствовал, почему одна из её стен сверкает при свете факела. Какова же была его радость, когда он определил, что это была чистейшая соль в каменных кристаллах. Петруша долго не мог понять, зачем его спутник нарубил топором несколько искрящихся глыб, но Сергей Петрович растолковал мальчику, что в жизни значит соль.

Возвратись на Приют, Лисицын с торжеством показал Василию свою добычу, и они оба возблагодарили Бога за эту полезную находку. С этого времени поселенцы перестали есть пресную пищу. Теперь они могли солить впрок рыбу, медвежьи и кабаньи окорока и мясо лосей.

В конце августа засуха сменилась дождями, не позволявшими приступить к посеву озимой ржи. Лисицын на опыте убедился, что посевы хлебов на ферме весной и осенью неравнотрудоемки: весной работ много и они спешные, осенью гораздо больше свободного времени. Это привело к мысли попытаться уравнять количество яровых и озимых посевов. Он слышал из разговоров сельских хозяев, навещавших его тетку, что из яровых хлебов можно сделать озимые, если их сеять осенью в хорошо подготовленную землю или в поле, защищенное от северных ветров. Лисицын решил пожертвовать небольшим количеством семян и приготовил ещё две десятины земли. Когда наступила ясная погода, он посеял сперва озимую рожь, потом рожь яровую и ячмень. Василий не мешал этому опыту, но уверял Лисицына, что даром пропали его труд и семена.

Убранный с полей хлеб по русскому обычаю сушили снопами в овине и молотили цепами. Для помещения зерна был устроен амбар с сусеками для каждого рода хлеба, а огуменный корм — колос и мякина — хранился в особом сарае; солому, употреблявшуюся для

подстилки скоту, сметывали в длинные ометы, чтобы её не портил снег и дождь.

Опасаясь в случае пожара потерять весь запас хлеба, Лисицын тайно от Василия, чтобы не слышать его возражений, спрятал половину зерна в землю — в особо устроенные для этого ямы, вырытые в виде огромных кувшинов в плотной глинистой почве. Выкопав несколько таких ям, Лисицын выглаживал их внутреннюю поверхность мокрой тряпкой с песком, после просушки ям обжигал их внутренность соломой. По наполнении ям зерном горло их засыпал сухой мякиной, потом утрамбовывал вынутой из ямы землей. Едва заметные холмики над ямами он засеял семенами трав для образования дерна. Лисицын видел устройство таких ям в имении тетки.

Для хранения овощей были выкопаны небольшие ямы, прикрываемые на зиму ометами соломы; для хранения запасов впрок устроен погреб. Картофель уродился дурно и не крупнее ореха, зато семян махрового мака, пленявшего глаз роскошью цветов, собрано было довольно много.

Охота на пушных зверей шла очень удачно; набралось много шкур, в том числе дорогих. Для сохранения их Лисицын воспользовался гротом в скале, где они и были развешаны в строгом порядке. Вход в грот закрывался толстой дубовой дверью, перед которой насадили частый кустарник, скрывавший её от любопытных глаз.

...Наступила зима с умеренными морозами. На этот раз обитатели Приюта имели обильный запас всякой провизии, свежей и соленой; стол их был сытен и разнообразен; они имели всё, чего мог бы пожелать любой гастроном, за исключением любимых русским человеком хлеба и кваса. Вместо хлеба они пекли лепешки, а квас заменялся водой.

Однажды утром, перебирая вещи с корабля, хранящиеся в амбаре, Лисицын заметил тук без надписи. Он распаковал его и увидел кипу книг: тут была Библия на славянском языке, Евангелие и Псалтырь на гражданском языке; Полный курс сельского хозяйства, Артиллерия, Полевая фортификация, Математика, великолепный Альбом архитектурных построек и тетради механики, физики и

химии. Тюк этот ещё в прошлую зиму дважды попадал в руки Лисицыну, но он его откладывал как ненужный. Зато теперь радость его была безмерна.

С этого дня Лисицын в свободное время занимался чтением, не пропустив ни одной книги открытой им библиотеки, а по вечерам читал товарищам или псалмы, или Библию, или Евангелие. Как ни занимательны были для него математические, военные, литературные и хозяйственные сочинения, но Книгу опытной хозяйки считал он неоценимым сокровищем. Пользуясь изложенными в ней наставлениями, он скоро научился печь хорошие ржаные и ситные хлебы и пироги, а также делать хороший квас, чему не без некоторого труда научил и обоих своих товарищей.

С приближением весны Василий начал чувствовать себя лучше, ломота в ногах прошла, но осталась слабость, так что и на этот год они не надеялись отправиться на Амур, а поэтому решили сеять яровые хлеба.

Весна наступила дружная, снегу в несколько дней как не бывало, и поля быстро зазеленели. Всходы озимой ржи были превосходны, оправдалась надежда получить и озимые семена ржи и ячменя. В эту весну было приготовлено и засеяно земли яровыми хлебами столько же, сколько в прошлом году. Прибавили полосу мака, а в огороде несколько грядок кукурузы. Эта весна была благоприятнее прошлой, погода стояла умеренно теплая, по ночам часто перепадали дожди, тихие и с грозами, отчего рост хлебов и трав был великолепный.

ЧАСТЬ II

Девятого мая, в день чудотворца Николая, Лисицын отправился охотиться на северный берег озера. Переплыв в легкой лодочке пространство, отделяющее Приют от материка, он причалил к берегу, где была вбита дубовая свая для привязывания лодки. Сделав несколько шагов, он увидел на мокром песке ясно отпечатавшиеся следы двух человек. Следы доходили до самой сваи. Обувь была ему неизвестна. Лисицын пошел по следам, которые обозначались сначала возле берега по направлению к Алмазной реке, а потом

исчезли. Поблизости от этого места находился лес, в который Лисицын и отправился для розыска, предварительно зарядив оба ствола своего ружья пулями.

В лесу человеческих следов не оказалось. Выйдя снова на берег озера, охотник тщательно его осмотрел и после долгих поисков заметил в одном месте илистого берега легкий отпечаток лодочного носа. Выходило, что два неизвестных странника не заблудившиеся охотники, а должно быть, туземцы, приплывшие издалека.

Возвратясь на Приют, Лисицын сообщил свои открытия Василию. Василий побледнел как полотно.

— Дело скверное, — заключил он. — Это, скорее всего, китайцы — мстительные, хитрые и жестокие, ненавидящие русских, везде, где можно, истребляющие их поселения, или русские беглые каторжники, которые ещё опаснее.

— Во всяком случае нам нужно принять меры предосторожности и приготовиться к обороне. Несчастная свая на берегу указала пришельцам, что жилище наше поблизости, теперь каждую минуту мы должны ждать нападения.

— Ежели их мало, то мы и двое с ними сладим. Ведь такого ловкого стрельца и силача, как вы, не скоро найдешь. А ежели их много — тогда что будем делать?

— А вот что, Василий. Остров наш со всех сторон неприступен, исключая бухты, в которую ведет узкий пролив. Чтобы сбить с толку наших врагов срубим в бухточке причальную сваю, потом загородим пролив таким образом, чтобы не возбудить подозрения, а на случай, если наша хитрость не удастся, мы поставим против устья пролива наш единорог, заряженный гранатой, а сами ляжем в кустах с ружьями.

— Всё это хорошо, да не совсем. Положим, мы счастливо будем отсиживаться здесь от недобрых людей. Но ведь не век нам караулить здесь с пушкой да с ружьями. Почем мы узнаем, что недруги удалились?

— Так что же, по-твоему, нужно делать?

— По моему глупому разуму, у пушки поставить Петрушу, он от страху зевать не станет, а нам обоим плыть на разведки, чтоб

попусту не тревожиться. В случае же большой беды успеть с Петрушей спрятаться в горах.

— Твой совет делен, но опасен. Ежели врагов много и у них не одна лодка, мы и сами в плен попадемся, и Петрушу не спасем.

— Вам ли, Сергей Петрович, опасаться плена? Глаз у вас меток, сила богатырская, да и я теперь стреляю недурно. А ежели повстречаем врагов не под силу, так наша-то лодка очень легка на ходу — пусть попробуют потягаться.

Узнав об опасности, Петруша очень испугался, и потребовалось немало усилий, чтобы вразумить его и ободрить. Лисицын избрал огромную сосну на самом краю пролива, и все трое принялись окапывать землю вокруг её корня и подрубать его разветвления. Потом они повалили дерево в пролив. Вековая сосна так искусно была направлена при падении, что совершенно загородила пролив от входа в него лодок, а огромный корень, выворотившийся с землею, мог служить подтверждением, что дерево опрокинуто в воду бурей. После этого срубили причальный столб и таким образом уничтожили все приметы обитаемости своего острова; наконец притащили к краю бухты единорог, который, зарядив гранатой, Лисицын поставил против самого пролива. Сверх того он зарядил ружье и два пистолета, бывшие в запасе.

— Вот тебе, Петруша, весь наш арсенал. Сиди здесь и не спускай глаз с пролива. Мы с Василием на лодке постараемся выследить неприятеля, если он, конечно, есть.

— Как, вы оставите меня здесь одного? Ни за что, ни за что я здесь не останусь!

— Не капризничай, Петя, — строго сказал Василий, — ты здесь в безопасности и скрыт от вражьих глаз. Нас же только по рукам свяжешь!

— Ни за что я здесь один не останусь!

— Послушай, Петруша, — начал Лисицын, — я охотно взял бы тебя с собой, а Василий остался бы на острове, но только он один может узнать по следам, кто здесь шатается; стало быть, он непременно должен ехать со мной. Тебе же здесь бояться нечего: сиди, спрятавшись за кустами, и наблюдай. Я уверен, никому и в голову не

придет ворваться силой в пролив, а если бы вздумали, то, не показываясь из-за кустов, выстрели только из единорога — и все убегут.

— А как не убегут?

— Тогда стреляй из ружья и пистолетов.

— Да они убьют меня прежде, чем я успею выстрелить!

— Пожалуйста, не упрямясь, Петруша; здесь ты будешь в совершенной безопасности, а если поплывешь с нами, можешь попасть под град неприятельских пуль или придется вступить в бой на ножах — убежать будет некуда.

Петруша побледнел при упоминании о пулях и ножах.

— Лучше я останусь на острове, Сергей Петрович, — опустил он голову.

— Тогда, Петруша, исполни в точности всё, что я тебе скажу. Запри собак в сарай, принеси сюда побольше пищи и питья и не отходи от орудия; почаще посматривай на пролив сквозь кусты и на Ореховый остров, где мы спрячемся. Если будет нужно, оттуда и подадим тебе помощь в случае беды. Без крайней надобности ты не стреляй, враги могут и назад уплыть, не трогая сосны в проливе. Тогда только начинай стрелять, когда они станут дерево рубить.

Когда Петруша обещал всё в точности исполнить, Лисицын и Василий, захватив оружие, военные и съестные припасы, поплыли к северному берегу озера.

— Может, понапрасну мы так всполошились? — засомневался Василий.

— Даже если наши опасения окажутся напрасными, всегда благоразумнее предпринять меры предосторожности, чем сложа руки ожидать событий. Мудрый человек всегда должен предполагать худшее, чтобы не впасть в ошибку.

— Как же можно загадывать наперед?

— Не загадывать, а, предположив самое дурное обстоятельство, найти средство уничтожить его. Например, если бы пришлецов оказалось много, было бы благоразумно отвлечь их от Приюта, принудив гнаться за нами в Архипелажное озеро и потом в Алмазную реку. С каторжниками же нужно вступить в открытый бой, заставить

их удалиться за Алмазную реку и отнять у них лодку. Когда же это заблудившиеся русские охотники, мы обязаны оказать им братскую помощь.

— А как же отличить человека злого от доброго, будь он и не каторжник? Чужая душа — потемки.

— Всякий заблудившийся странник должен возбудить наше участие, стоит только вспомнить, в каком положении мы сами находились некоторое время назад. Даже каторжники имеют право на сострадание! Для чего же мы называемся христианами, как не для того, чтобы во всём подражать Господу нашему Иисусу Христу?!

— Воистину так, — заключил Василий, трижды перекрестясь.

Они подъехали к причалу и выскочили на берег. При первом взгляде на следы Василий объявил, что они принадлежат китайцам. Храбрецы наши решили сперва осмотреть озеро вокруг Приюта и поплыли с западной стороны его. Обогнув весь остров и никого не встретив, они направились к ближайшему лесному островку, лежавшему в трехстах саженях от Приюта. Проплыв вдоль левой его стороны и едва завернув на правую, они увидели лодку китайцев, которая далеко впереди них плыла прямо к Приюту.

Укрыв свою лодку в прибрежном кустарнике, охотники сошли на остров, покрытый преимущественно частым орешником, потому и в дневнике Лисицына он назван Ореховым. Спрятавшись у самой кромки берега, противоположного Приюту, они имели полную возможность следить за неприятелем, а в случае надобности атаковать его с тыла, если бы Петруше угрожала опасность.

Лодка китайцев была узкая, длинная, с резной кормой и носом, украшенным крылатым драконом. В ней сидело двадцать человек, не считая рулевого и начальствующего мандарина, над которым слуга держал огромный зонтик. Все люди были вооружены уродливыми ружьями без штыков и пиками с маленькими топориками близ острого конца. Их тонкие длинные усы и остроконечные шляпы с широкими полями показались нашим наблюдателям очень смешными. Подплыв к Приюту чуть левее причальной бухты, они направились вокруг, внимательно рассматривая берега.

Когда китайцы скрылись из виду, Лисицын и Василий держали совет: оставаться им на Ореховом острове или соединиться с Петрушей, на храбрость которого надеяться не приходилось. Доводы Лисицына увенчались успехом — товарищ его согласился остаться на месте наблюдения и действовать по обстоятельствам. Их план заключался в том, чтобы обратить внимание неприятеля на себя и отвлечь его в Алмазную реку. Для ободрения мальчика, они знаками дали ему знать, что находятся поблизости и готовы прийти на помощь в случае нападения на него китайцев.

Прошло более десяти часов, пока китайцы обогнули остров. С приближением неприятеля к проливу, ведущему в бухточку, солнце закатилось за горизонт. Лисицын хорошо видел в подзорную трубу, как один из пловцов, почтительно склонив голову и положив одну руку на грудь, что-то докладывал начальнику, указывая другой рукой на бухточку. В это время Петруша, вероятно, под влиянием чрезвычайного испуга поторопился выстрелить из единорога. Лисицын и Василий не могли без смеха наблюдать, как многие из воинов пригнулись, а начальник замахал ногами и руками, приказывая поскорей отойти из-под губительных выстрелов. Гребцы с поспешностью поворотили лодку назад. Когда же Петруша, совершенно растерявшийся, выстрелил из ружья и пистолетов, китайцы сильнее налегли на весла. А защитник Приюта, сделав последний выстрел, бросился бежать в глубину леса. Наши наблюдатели, которым хорошо были видны и атакующий, и атакуемые, не могли удержаться от смеха.

Выстрелы Петруши не причинили никому вреда, но навели на неприятеля страх. Китайцы решили, что на острове располагается сильный гарнизон. Они уже почти миновали Ореховый остров, но Василий вздумал выстрелить и ранил одного из гребцов. Враги сперва пришли в смятение, однако, не слыша других выстрелов, ободрились и сделали залп из всех ружей, к счастью, безвредный для защитников островка. Плохая меткость китайских стрелков происходила от дурного устройства ружей, негодного пороха и от способа зажигания его в затравке ружья фитилем. Китайцы на всех веслах поплыли к Ореховому островку, чтобы захватить пленника и

выпытать о силе гарнизона на Приюте. Василий хотел было выстрелить ещё, но Лисицын удержал его, заметив, что нужно поспешить на лодку, чтобы иметь заряды на случай, если их будут преследовать.

Только они взяли в руки весла, как толпа китайцев ринулась на островок с криком, похожим на завывание. Беглецы некоторое время скрывались в своем убежище, когда же неприятельские воины стали подходить, доверились быстроте своей лодки. Неприятель, увидев только двух противников, открыл огонь по беглецам и с лодки, и с острова.

Путь к Приюту был отрезан, и смельчаки, не обращая внимания на выстрелы, начали грести к Архипелажному озеру в надежде скрыться в его просторе под покровом наступающей ночи. Беглецы уже приближались к островкам, находившимся вблизи Орехового острова, как навстречу им выплыла китайская лодка с десятью стрелками. Правда, она была меньше первой, зато и гораздо легче её на ходу. Эта неприятная встреча принудила Лисицына взять направление левее, то есть ещё больше удалиться от Приюта.

Китайцы заметили беглецов; криком и жестами они приказывали подплыть к ним, когда же увидели, что смельчаки начали от них удаляться, дали по ним залп. Одна только пуля ударила в корму лодочки и застряла в ней. Уклонение Лисицына от первоначального курса дало возможность большой лодке приблизиться на ружейный выстрел и выпустить десятка два пуль — ни одна пуля в лодку не попала.

— Что нам теперь делать? — спросил Василий. — Может, грести к материку и спастись в лесу, а лодку затопить в озере?

— Сохрани Бог, Василий! Тогда мы спасем только себя, но лишимся лодки и отдадим Петрушу в руки врагов. Думаю, мы успеем проплыть пролив и спрятаться между островками Архипелажного озера.

— Косоглазые догадались, куда мы метим; их малая лодка пошла нам наперерез, а большая всё ближе подходит — скоро опять начнут стрелять.

— Наше спасение зависит от нашей храбрости. Гребите дружнее.

Но как ни налегали удальцы на весла, а меньшая лодка стала на пересечении их пути, так что им пришлось плыть на близком от нее расстоянии. Когда китайцы начали поворачивать к ним бортом, чтобы встретить беглецов залпом, Лисицын метким выстрелом ссадил рулевого. Это дало возможность русским быстро удалиться по принятому направлению.

Ночной туман много способствовал беглецам. Они скоро вошли в пролив, соединяющий Глубокое озеро с Архипелажным. Китайцы, осветив лодки фонарями, продолжали их преследовать, но, потеряв беглецов из виду за первым островом архипелага, оставили меньшую лодку в проливе, а на большой вошли в группу островов, стреляя по временам шверманами, вероятно, для освещения местности, а может быть, и для устрашения русских. Подпустив лодку на ружейный выстрел, Лисицын и Василий сделали залп: Василий ранил одного из гребцов, а Лисицын всадил свою пулю в жирную руку мандарина, которому все воины поспешили подать помощь. Пользуясь этим смятением, герой наш зарядил ружье двойным зарядом и, подплыв поближе к неприятельской лодке, выстрелил в подводную её часть. Проклятия китайцев дали знать, что пули пробили лодку и в ней открылась течь.

Неприятель тотчас же подозревал меньшую лодку и, передав на нее раненых, поплыл мимо архипелага. Таким образом, китайцы оставили нашим героям свободный путь к Приюту. Однако ж они не воспользовались этим случаем к отступлению, а решили преследовать врагов, не выпуская их из виду. Испуганные китайцы вскоре распустили на большой лодке парус, привязали к ней меньшую лодку и через четверть часа скрылись от своих преследователей.

— Теперь их разве водяной догонит, — усмехнулся Василий, укладывая в лодку весло. — Вернемся, Сергей Петрович?

— Нам необходимо узнать, нет ли у них на озере ещё лодок и людей и что они замышляют против нас.

— Трудно это разведать. По-моему, нам лучше заночевать в проливе.

— Вот если бы ты только был в силах пронести со мной саженой на сто нашу легкую лодочку... Китайцы ночью не решатся плыть через гряду каменистых островов и будут держаться побережья озера. Если они захотят переночевать на берегу, то Луговой остров единственный подходит для этого. Стало быть, если мы приплывем к этому острову прежде их, то высмотрим всё, что нам нужно.

— Да как мы их опередим-то? У них на лодке парус, а у нас одни весла.

— Нам надобно, Василий, плыть прямо к перешейку этого мыса, перенести через него лодку и снова спустить её в озеро, тогда мы будем у Лугового прежде китайцев.

Удвоив усилия, товарищи стрелой полетели к перешейку. Туман рассеялся, полная луна выплыла из-за туч, освещая путь удальцам. Достигнув нужного места, они выскочили на берег и, побросав весла в лодочку, понесли её через перешеек. Лисицын видел, что Василию трудно нести лодку, потому через каждые двадцать саженой он давал ему отдыхать. Наконец им удалось снова спустить лодку на воду. Соблюдая величайшую тишину, они поплыли вдоль берега к Луговому острову, который вскоре и показался темным пятном на серебряном фоне воды. Наши пловцы скрыли в кустах лодку и, взобравшись на крутой берег, влезли на высокое дерево, с которого могли обозревать весь остров.

Через некоторое время они увидели во мраке две светящиеся точки, медленно приближавшиеся к острову. Вскоре шумный говор высадившихся китайцев нарушил чуткий сон луговых птиц. Китайцы разложили огонь, осветивший часть острова, и охотники ясно могли видеть всё происходящее. Судя по всему начальник был ранен опасно. С великой осторожностью его положили на подушки. Остальные воины расположились кружком возле огня и начали ужинать.

Лисицын с Василием осторожно спустились с дерева, вошли в воду, которая едва прикрывала плечи, без малейшего шума, подвигаясь возле самого берега, добрались до лодок, которые оказались пустыми. Василий хотел было обрезать причальную веревку у ближайшей к нему лодки, но Лисицын остановил его, шепнув:

— Сюда идут, — и увлек товарища под нависшую скалу.

В эту минуту к лодкам подошли китайцы с зажженными фонарями и начали выгружать на берег вещи, вероятно, нужные для ночлега. Василия пробрала дрожь от страха. К довершению его ужаса двое китайцев соскочили в воду и с фонарями осмотрели бока лодок. Была критическая минута, в которую свет фонаря упал на лица наших смельчаков, но они тотчас погрузились в воду, не производя никакого шума.

Наконец китайцы удалились. Друзья поспешили овладеть меньшей лодкой, тихо провели её через пролив и спрятали в густом кустарнике. Взобравшись снова на дерево, они увидели отвратительное зрелище. Перед начальником стоял на коленях тот самый молодой человек, который держал над ним зонтик во время обзора Приюта. По знаку мандарина несчастного повалили на землю и притянули ремнями ноги к спине. Два дюжих китайца начали бить бедняка по подошвам бамбуковыми палками. Отчаянные вопли несчастного разрывали сердце Сергея Петровича. Он не выдержал и метким выстрелом свалил одного из палачей, упавшего на жирное тело начальника. Василий, движимый тем же чувством сострадания, ранил другого палача.

Эти выстрелы произвели сильное смятение на острове: кто бросился спасать грозного мандарина, задыхавшегося под тяжестью мертвеца, кто спешил сносить вещи в лодку, все шумели и суетились. Продолжающиеся выстрелы русских и пропажа лодки повергли китайцев в ужас. Они бросились спасаться от неумолимого неприятеля постыдным бегством. Подвергавшийся наказанию молодой китаец, воспользовавшись общей суматохой, отполз в высокую траву. Дав неприятелю свободно отплыть, Лисицын и Василий двинулись за китайцами на таком расстоянии, чтобы только не терять их из виду.

Вдруг они увидели на озере какой-то темный предмет, плывший навстречу их лодке. Темнота ночи не позволяла рассмотреть, что это такое, но Лисицын, опасаясь какой-нибудь хитрости китайцев, направил лодку несколько в сторону и взвел курок своего ружья, то же самое сделал и Василий. Поравнявшись с плывущим предметом,

они разглядели неподвижное тело китайца, видимо, сброшенного с лодки, с трудом поднимавшей тяжелый груз. Лисицын, движимый чувством человеколюбия, вытащил тело из воды, но бедняку не нужны были попечения — он был мертв. Лисицын не опустил его обратно в воду, а положил на берегу первого же островка, решив позже предать его земле.

Начало светать, когда китайцы доплыли до места своего причала на берегу озера. Высадившись на материк, они потопили лодку и пошли прямо к Алмазной реке.

— Не пора ли нам вернуться? — спросил Василий.

— Хорошо бы удостовериться, что китайцы не собираются мстить нам за свое поражение.

— Но это очень опасно! Стоит малость оплошать — и нас изловят.

— А вот плошать и не стоит. Ты останься в лодке, а я пойду по опушке, посмотреть за неприятелем; если к ночи не вернусь, больше не жди, возвращайся на Приют и распорядись нашим добром.

— Чтоб я вас одного пустил? Ни за что на свете!

— Искренне благодарю тебя за привязанность, Василий, но пойду я один. Ты ещё не крепок ногами и вместо помощи послужишь мне помехой.

— Пусть будет по-вашему, только берегите себя, Христа ради.

Лисицын прыгнул на берег. Скрываясь в густой опушке леса, он шел за китайцами. Пройдя около двадцати пяти верст, увидел Алмазную реку, широко разливавшую свои прозрачные воды между лесистыми берегами. У берега качалась речная военная джонка с мачтами и парусами, вооруженная небольшими пушками. Лес так близко подходил к реке, что Лисицын мог видеть всё происходившее, не будучи сам замечен.

Начальник экспедиции с подвязанной рукой вошел в джонку и с подобострастием рапортовал старшему чиновнику о постигших его несчастиях. При этом он указывал на свою рану — доказательство его геройства, на небо — свидетеля истинности его рассказа, и на воинов — они все храбро защищали честь Поднебесной империи, и только многочисленность русских остановила их. Главнокомандующий молча выслушал донесение, склонив голову,

долго обдумывал услышанное и наконец отдал приказание готовиться к отплытию. Китайцы закопошились, как муравьи, стаскивая вещи на джонку.

Попутный ветер надул паруса и понес китайцев вниз по течению Алмазной реки. Лисицын следил, сколько мог, за джонкой, и только убедившись, что неприятель ретировался, поспешил к Василию, которому подробно рассказал всё, что видел. — Теперь ты должен признать, — заключил Лисицын, — что плыть нам к Амуру едва ли возможно. Чего нам ждать, если попадемся в руки китайцам?

Василий вздохнул:

— Теперь и сам вижу, что не совсем обдумал наше предприятие. Со скотом и поклажей трудненько прокрасться незамеченным... Но одним, пожалуй, и возможно, когда Господь поможет.

— Об этом потолкуем после. А теперь и думать нечего — китайцы после поражения будут бдительны.

Товарищи весело поплыли домой, мысленно благодаря Бога за дарованную победу. Только перед закатом солнца пристали они к безымянному острову, где топорами и руками вырыли могилу и похоронили мертвого китайца. Между тем наступила ночь, к счастью, светлая, лунная. Был уже второй час за полночь, когда приплыли к Луговому острову, где нашли другого китайца, едва живого. Прежде всего они развязали его, обмыли водой раны и дали немного пищи. Василий при помощи известных ему китайских слов и жестов узнал, что бедняка зовут Янси, он девятый сын фабриканта фарфоровых изделий и считался лучшим мастером у своего отца. Когда набирали людей в экспедицию для разорения русского поселения, он попал в число ратников и за расторопность был взят в услужение к начальнику отряда. За то что Янси не защитил собственным телом своего господина от пули, его подвергли истязаниям, от которых он наверное умер бы, если б русские не спасли его. Ноги несчастного так распухли, что он без стога не мог пошевелиться. Товарищи решили переночевать на Луговом острове.

Улегшись подальше от китайца, они долго рассуждали, что с ним делать: взять на Приют или поместить на одном из островов Архипелажного озера. Василий уверял, что китаец не решится

изменить им и бежать на родину, где его ожидает жестокое наказание, а может быть, и смертная казнь, но советовал не показывать Приюта. Лисицын, расположенный в пользу Янси, утверждал, что опасаться показать ему Приют нет причины, потому что китайцы уже знают этот остров, а пленник может быть полезен на ферме. Вдруг Янси страшно закричал. Лисицын, схватив ружье, бросился к нему на помощь, но не смог удержаться от смеха, увидев, что причиной его испуга была выдра, высунувшаяся из воды. Зверь, испуганный приходом охотника, скрылся. Это обстоятельство, доказавшее невоинственные наклонности Янси, склонило весы в его пользу. Лисицын убедил Василия привезти китайца на Приют.

Рано утром, уложив больного на дно лодки, победители поплыли в свою резиденцию, привязав к корме захваченную у китайцев лодку. Лисицын с удовольствием узнал, что Янси был тайным христианином.

— Хочешь ли ты жить у нас? — спросил его Сергей Петрович. Василий служил обоим переводчиком.

— Хочу, если позволишь, господин.

— Будешь нам повиноваться, служить честно и верно?

— Буду, господин.

— Обещаешься ли ты не убежать от нас и никому не открывать нашего жилища?. — Обещаю, господин! Янси бежать — смерть; открыть, где живете, — смерть.

— Это он правду говорит, — добавил Василий. — Ему теперь на родину нельзя.

— Янси был хороший работник, он будет вам работать, он не был ленив. Вы спасли ему жизнь, он всегда будет держать это в своей голове.

— Клянешься ли ты прахом своей матери не делать нам никакого вреда, а ежели захочешь отойти от нас, то прежде скажешь нам об этом?

— Клянусь, господин. Пленник не может уйти от господина.

— Ты не пленник, Янси. Ты свободен и можешь идти, куда захочешь, как только выздоровеют твои ноги, а до того времени хочешь жить с нами?

— Господин, я хочу быть вашим слугой.

Приплыв к Приюту, Лисицын не нашел Петруши ни у единорога, ни на ферме. Скот пасся спокойно под надзором собак, всё было в прежнем порядке, но мальчик не являлся даже на громкий зов. Уплыть с острова он не мог. Видимо, будучи в сильном страхе, где-нибудь спрятался. Товарищи отправились на поиски по разным направлениям, оглядели весь остров, все деревья с дуплами, овин, сараи, погреба, чердаки, но нигде Петруши не нашли.

Лисицын осмотрел грот, где хранились меха, но и здесь несчастного мальчика не было. Может, он похищен? Но кем? Выходя из грота, Лисицын заметил, что меха, висевшие прежде в порядке, теперь лежат в большой куче. Любя порядок, Лисицын начал развешивать шкуры. И представьте его изумление, когда он увидел Петрушу, лежащего ничком, с зажмуренными глазами, пальцами он заткнул уши, лихорадочный трепет пробежал по его телу. Лисицын ласково называл мальчика по имени, но без успеха. Попробовал потряхнуть за ногу — мальчик поднял такой оглушительный визг, что Лисицын сам был вынужден заткнуть уши и выбежать из грота. Вскоре он придумал, как заставить Петрушу опомниться, и поспешил на ферму. Захватив ведро холодной воды, он окатил ею труса. Эта операция удалась вполне. Холодная вода поневоле заставила мальчика открыть глаза и уши. Он узнал Лисицына и от радости бросился ему на шею. Бедняжка, два дня не видя своих покровителей, совершенно потерялся от страха, спрятался в углу грота под мехами, и если бы так прошел ещё день, то, вероятно, сошел бы с ума.

Василий, пробыв несколько дней на воде, опять чувствовал сильную ломоту в ногах. Лисицын посоветовал ему ежедневно купаться на заре. Для Янси Сергей Петрович изготовил припарку из тертой моркови, а когда раны зажили, то и ему приказал купаться. Средства эти принесли обоим очевидную пользу.

Янси совершенно выздоровел. Он охотно принял участие во всех работах, согласился отрастить бороду и волосы на голове и одеваться по русскому обычаю. Из него вышел добрый, смысленный и работающий малый. Он раньше всех вставал и после всех ложился.

Очень скоро научился всем земледельческим работам, не уступая в этом Лисицыну и Василию.

По случаю частых дождей хлеба должны были поспеть позже обыкновенного, но были хороши, рост имели исполинский, густоту необычайную, колос длинный и полный.

Однажды Лисицын вступил с Янси в разговор. Василий помогал с переводом.

— Скажи, Янси, отчего китайцы ненавидят русских?

— Они русских боятся. Ненависти нет.

— Почему ж боятся? Русские не сделали им никакого зла.

— В народе есть предание, что русские завладеют Амуром и всей этой страной. Начальники этого боятся.

— Но даже если это исполнится, какой вред потерпят от этого твои земляки?

— Начальники говорят, тогда вся Маньчжурия передастся русским.

— Ваши начальники — пустые говоруны.

— Нет, господин, их уши слышат, глаза видят: маньчжуры дружно живут с русскими и почитают вашего богдыхана.

— Так ты думаешь, что маньчжуры охотно перешли бы в подданство к русскому императору?

— Думаю так, господин.

— А ты перешел бы?

— Нет, господин, я люблю родину.

— Стало быть, ты при первом случае оставишь нас?

— Нет, на родине — смерть.

— Если б не страх казни, ты бы ушел?

— Нет, ты спас мне жизнь, ты добр со мной, как отец, я не уйду, пока сам не прогонишь.

Этот разговор ещё более расположил Лисицына в пользу китайца.

Вечером первого июля Лисицын увидел с высоты скалы густой дым в стороне Лугового острова. Дым столбами поднимался к небу в нескольких местах. Когда Янси увидал этот дым, побелел как полотно.

— Скорей бежать! — закричал он. — Это наши, их много! Опасность действительно была велика. Все растерялись и не знали, что

предпринять. К Лисицыну, однако, скоро возвратилось присутствие духа; он распорядился как можно поспешнее делать плот — на плот у них было довольно всякого материала. Обитатели Приюта с таким усердием исполняли поручаемые каждому работы, что к ночи успели построить плот, с перилами, прочный и вполне удобный для плавания по тихому озеру.

— Что будем грузить сперва? — спросил Василий. — Распоряжайтесь скорее, ради Бога!

— Что найдешь нужным, Василий, то и сноси.

— Я совсем голову потерял и ничем не могу распорядиться. Не лучше ли бросить всё на разживу поганым и спасти свои души?

— Будь мужествен, друг мой. Станем уповать на милосердие Божие и стараться о своем спасении с разумной осмотрительностью. Скрывшись отсюда без скота и провизии, мы будем сильно нуждаться, а врагам оставим богатую добычу. Захватим с собой всё, что сможем, а что не сможем, зароем где-нибудь. Времени у нас достаточно. Китайцы не подплывут раньше полудня завтрашнего дня.

Слова Лисицына вдохнули бодрость в сердца его товарищей, и они работали с надеждой на спасение. Лисицын отыскал удобное место в глубоком овраге, густо заросшем кустарником, где спрятал все вещи, которые нельзя было взять с собой. Окончив трудную работу, он пришел к бухте, где застал плот совершенно нагруженным, на нем поместилась половина скота, арб и вещей. Следующим рейдом можно было рассчитывать захватить остальное.

быть с хлебным амбаром? Ведь он полнешенек, Сергей Петрович, — беспокоился Василий.

— Хлеба не тронут, — возразил Янси. — Мои едят рис, ваш хлеб не едят.

— Скорей отваливайте друзья, для нас дорога каждая минута! Ровнее держитесь в проливе, чтоб не задеть за отвесные скалы, — скомандовал Лисицын.

Он плыл на лодке, указывая направление пути для плота, к которому была привязана лодка, отнятая у китайцев. К счастью, полная луна освещала землю. Они благополучно выплыли из

пролива и направились к южному берегу озера. Всё шло благополучно, волы и коровы были крепко привязаны к арбам, чтобы не нарушить равновесие плота, Василий и Янси усердно работали веслами, им деятельно помогал Лисицын, перешедший на плот.

Вдруг Петруша затрясся всем телом и шепнул Василию, что с левой стороны идет на них огромная лодка с толпой вооруженных людей. Василий сказал об этом вполголоса Янси — оба в отчаянии опустили весла.

— Что с вами? Гребите сильнее, берег уж близко! — приказал Лисицын.

— Зачем грести, Сергей Петрович? Видно, на то Божья воля, чтоб нам всем пропасть...

— Господин, можно ещё в лодке убежать, только торопиться!

— От кого бежать? Вы оба с ума сошли.

— Да вон, слева, барка с китайцами, они скоро перережут нам дорогу!

Лисицын взглянул и усмехнулся:

— Пуганая ворона куста боится. Это не барка, а подводная скала, поросшая кустарником, на нее тень падает от берегового леса. Вот вам и китайцы с пиками! Вышли на берег возле тростников, разгрузили плот. Благополучно сделали вторую езду на Приют. Начинала заниматься заря, когда по приказанию Лисицына затопили в тростниках плот и обе лодки. Петруша и Янси погнали скот, а волы, управляемые Василием, повлекли тяжело нагруженные арбы. Лисицын избирал путь между соснами и елями по самым твердым местам, чтобы не оставлять на земле следов.

Странное зрелище представляло это шествие: животные, как бы чуя беду, двигались безмолвно, хорошо смазанные арбы ни разу не скрипнули, даже собаки шли, понуря головы и опустив хвосты. Суеверный странник, встретивший этот караван, то появлявшийся, то исчезающий между деревьями и кустами, мог счесть его за группу лесных теней.

Между тем становилось всё светлее, и наконец взошло благодетельное солнце. Роса заблестала на зеленой траве, белый

туман, как дымка, потянулся к небу. Не доходя около полуверсты до Долины роз, Лисицын остановил караван.

— Теперь не время отдыхать, — встревожился Василий.

— Ты прав, но прежде нужно проход в долину сделать удобным для проезда арб. Прихватите рычаги и лопаты, а между тем ветер обдует росу и земля сделается тверже. Нам надо скрыть свои следы.

Василий и Янси расчищали проход, а сильный их товарищ крепким рычагом перекатывал большие камни. Наконец, набросав охапки хвороста, они сделали дорогу для проезда арб и прогона скота. Когда караван осторожно переправился через проход, путники убрали хворост и снова завалили расселину большими камнями. Проход через подземелье был ещё труднее: пришлось растянуться и двигаться медленно. Впереди шел Петруша с факелом, а шествие замыкал Лисицын с двумя собаками. Караван можно было сравнить с длинной змеей, медленно ползущей во мраке. Когда люди и животные очутились в Кедровой долине, Янси вскрикнул от радости.

— Пещера загородит, мы все целы!

— Какой луг, — с удовольствием сказал Василий, в первый раз увидевший Кедровую долину. — Здесь всё есть для привольной жизни, а место такое скрытое, что для поселка лучшего не найти.

— Об этом после. Теперь нужно завалить камнями узкие проходы в пещере и выход сюда заделать двойной дверью, чтобы в пещере не было слышно рева волов.

Закончив эти работы, обитатели долины расположились на берегу светлого озера, под тенью развесистых кедров. Все были уверены, что китайцы не откроют их убежища. После сытного обеда и крепкого сна Лисицын решил узнать, что делается на Приюте.

— Я пойду, Василий, поглядеть на китайцев, — сказал он, заряжая свою двустволку и пистолеты, — а ты присматривай за входом в долину и за Янси. Кто знает, что у него на уме.

— Куда это несет вас нелегкая? Отсиделись бы здесь недельку-другую, а там и я с вами пошел бы на разведки. Идти же теперь опасно, всё равно что в полымя лезть.

— Напротив, тогда будет опаснее, чем сейчас. В течение недели китайцы высмотрят все окрестности и поставят секретные караулы,

на которые мы можем нечаянно наткнуться и попасть в плен, а пока преимущество на нашей стороне: я знаю все проходы и тропинки, врасплох меня захватить нельзя, скорей, я найду случай озадачить неприятеля.

— Нет, Сергей Петрович, одни не пойдете. Я с вами.

— Что ж, ежели непременно хочешь делить со мною опасности, мешкать некогда — нам нужно до ночи успеть пробраться к озеру.

Смельчаки пробрались через проходы пещеры, приказав Янси опять тщательно их заделать, и бодро направились к озеру. К ночи они достигли цели своего путешествия несколько правее Приюта. Они выбрали на опушке такое место, с которого в зрительную трубу хорошо была видна причальная бухточка Приюта и весь Ореховый остров.

Три китайские речные лодки, освещаемые луной, разъезжали в почтительном расстоянии от бухты, вероятно, для наблюдения за русскими. У Орехового острова качались на якорях ещё три большие лодки, вооруженные пушками. На самом острове копошились более ста человек, в одной груде были свалены ядра, в другой — ружья, в третьей — холодное оружие. Виднелись мешки с рисом, сложенные в живописном беспорядке. Под огромным зонтом сидел главнокомандующий мандарин, покоясь на подушках. Перед ним почтительно стояли два начальника, один из которых был наш старый знакомый, командир майской экспедиции. Они о чем-то разговаривали, освещенные множеством фонарей, развешанных на вбитых в землю кольях. Беседующие иногда указывали на Приют, на лодки и пушки. По окончании совещания начальник удалился в шатер, а подчиненные ему мандарины поспешили передать воинам приказания главнокомандующего.

Товарищи всю ночь оставались на своем наблюдательном посту, спали поочередно. Они слышали на Ореховом острове стук топоров, но не могли рассмотреть, что там делается. Лишь только солнце осветило землю, в неприятельском стане произошло сильное движение: на каждую большую лодку сели по двенадцать артиллеристов и по шесть гребцов с рулевым; на две меньшие лодки поместились по восемь человек с какими-то деревянными станками.

Все солдаты были вооружены ружьями и пиками с топориками — уродливое подражание алебардам. В третью меньшую лодку на возвышение из подушек уселся главнокомандующий с подчиненными ему мандаринами и восемью телохранителями. Флотилия расположилась в три линии: три большие лодки с пушками, за ними две лодки поменьше со станками и наконец главнокомандующий со своим штабом.

Удар в гонг на лодке начальника — сигнал к сражению. Медленно, но довольно правильно передние лодки опустили с носа и кормы по якорю и с помощью веревок устроились так, что могли поворачивать к Приюту попеременно оба борта с пушками. Меньшие лодки оставались саженьях в пятидесяти сзади первых, бросив в воду лишь по одному якорю. Лодка главнокомандующего медленно маневрировала за второй линией. Снова раздался удар в гонг. Первая линия открыла пушечный огонь по Приюту. Глубокое озеро от сотворения мира не слыхало такого грома. Оно окуталось черным дымом, какой производил китайский порох. По случаю совершенного безветрия дым стоял столбом над сражающимися и не позволял им видеть результатов своей жаркой канонады. Нападающие при несмолкаемом громе собственной артиллерии не могли слышать, отвечают ли им с острова. Через два часа «боя» из-за Орехового острова выплыли три лодки и расположились между второй линией и главнокомандующим. Наконец большие лодки с орудиями подплыли к острову на сто саженьей, а в промежутки между ними прошли лодки второй линии и, встав впереди также на двух якорях, начали бросать на остров ракеты и швермана, а иногда и целые бураки. Это продолжалось около получаса под прикрытием пушечной стрельбы. Уверившись, что неприятель устрашен и прогнан с укреплений, главный начальник дал сигнал к приступу. Тогда лодки с воинами двинулись в пролив, и скоро с громким криком китайцы высадились на остров. Только главнокомандующий со своим штабом остался перед проливом.

Лисицын и Василий от души смеялись над всеми этими маневрами, воображая досаду атакующего мандарина, когда он узнает, что вся эта трескотня произведена понапрасну. Вскоре они услышали на

Приюте ружейную стрельбу, совершенно смолкшую только к двум часам пополудни. В это время один из начальников, командовавших приступом, подплыл к главнокомандующему с донесением о завоевании острова. Рядом с главнокомандующим стоял наш знакомец, храбрый начальник майской экспедиции. Выслушав донесение, главный мандарин сделал знак рукой — и бедняк, несмотря на его мужество, доказанное полученной раной от меткого выстрела Лисицына, был схвачен, связан и брошен на дно подплывшей лодки, которая повезла горе-героя к Ореховому острову. Туда же отправился и главнокомандующий, отдав приказания начальнику, прибывшему с донесением. Обитатели Приюта увидели на нем густой дым и поняли, что красивое их жилище предано огню.

— Им, поганым, надобно отомстить! — с гневом вскричал Василий.

— Согласен, но только не здесь, — отвечал тоже расстроившийся Лисицын. — Поспешим к месту их причала на озере.

Если бы Лисицын и его товарищ вспомнили, что мщение противно Богу и отказались бы от своего намерения, скольких несчастий бы они избегли! Лисицыну хорошо были известны все окрестные леса и тропинки, поэтому наши смельчаки ещё засветло достигли лугового островка, на котором заметили табун лошадей, а рядом мертвецки пьяного китайца. Осмотрев островок и убедившись, что, кроме бесчувственного часового, на нем никого нет, они крепко связали китайца и перегнали табун в укромное место.

— Что ж мы будем делать с лошадьми? — спросил Василий.

— Завладеем ими по праву войны.

— Нам требуется всего-то две лошаденки, а тут их...

— Нам нужно по две лошадки на каждого, чтобы на одной скакать, а другую иметь для перемены.

Не доезжая с версту до китайского причала, слезли с лошадей, привязали их к дереву и осторожно прокрались к причалу. Там они увидали груды разных вещей, на самом берегу два больших медных орудия, возле них крепким сном спали трое дюжих китайцев. Поблизости были свалены мешки с рисом, веревки, бумажные паруса, бочки с порохом, селитрой и серой.

— Знатное дело, — шепнул Василий, — стоит только порох поджечь — и всему делу конец.

— Тогда мы потеряем добычу, законно нам принадлежащую.

— Так дадим карачуна китайцам, пока они спят как боровья, тогда всё добро будет наше.

— Убивать сонных людей грешно и бесчестно. Мы их крепко свяжем и снесем в сторону.

— Воистину так будет лучше! Лукавый вложил мне в мысль разбойничье дело. Посоветовавшись, товарищи взяли несколько веревок и подошли к часовому, спавшему поодаль. Лисицын вскочил к нему на грудь и зажал рот куском бумажного паруса, а Василий связал руки и ноги. Показав пленнику жестами, что если он вздумает крикнуть, то ему разmozжат топором голову, они отнесли его в кусты. Нападение на другого китайца было не таким удачным. Он успел закричать и разбудить товарища. Нашим смельчакам пришлось вступить в рукопашный бой. Благодаря своей ловкости и необычайной силе Лисицын скоро поверг своего врага на землю, но китаец успел выхватить из-за пояса нож и хотел было нанести удар в живот нашему герою, но Сергей Петрович, быстро уклонясь от удара, вторично бросил врага на землю и связал его почти полумертвого. Василию, менее сильному и ещё со слабыми ногами, пришлось плохо: китаец успел повалить его на землю, схватить за волосы и занести нож над самым горлом, так что смерть его была бы неизбежна, если б Лисицын не подоспел на помощь. Он удержал руку убийцы и стащил его с Василия, получив при этом рану в левую ногу. Обезоружить китайца и связать его было для товарищей делом нескольких минут.

Рана Лисицына оказалась пустяковая: кончик ножа едва вошел в мышцу. Сергей Петрович перевязал её платком. Они оттащили пленников в кусты и приступили к осмотру добычи. Нашли привязанную у берега большую лодку. Погрузили в нее все припасы, кроме двух бочонков с порохом и орудий. Отвели лодку в сторону и спрятали в тростниках.

— Теперь нужно отнять у китайцев и пушки, — сказал Лисицын.

— Такую махину? Да пусть их владеют.

— Чем оставлять неприятелю, лучше сбросить их в озеро. Может, нам же и пригодятся.

— Но в них, чай, пудов пятьдесят...

— Ничего. Я оставил два бочонка пороха, они и столкнут пушки в воду.

Лисицын подложил под лафет каждого орудия по бочонку пороха с зажженным куском фитиля. Взрывы сбросили орудия в озеро.

Уже рассвело, когда наши храбрецы окончили задуманное. Чтобы не попасться на глаза китайцам, они сели на лошадей и отправились к Алмазной реке в надежде отыскать место высадки китайцев. Василий не смог проехать больше пятнадцати верст. Непривычка к верховой езде и ночь, проведенная без сна, утомили его.

— Теперь нам торопиться не к чему, — сказал Лисицын. — Здесь же по близости в лесу есть лужайка, где мы покормим лошадей и выспимся на славу.

Лисицын повернул в лес и вскоре остановился на небольшой поляне, спускавшейся отлогим скатом к прозрачному ручейку.

— Эко чудное место! — вскричал Василий, чуть не падая с лошади.

— Действительно отличное, а главное — мы скрыты здесь от китайцев, но можем услышать их движение и принять меры.

Сойдя с лошадей и стреножив их, пустили пастись на лужок, а сами расположились у ручья завтракать.

— Зачем мы направляемся к Алмазной реке? — спросил Василий, обглаживая кость сушеной зайчатины.

— Думаю я, там должен быть главный стан китайцев и их флотилия.

— Что же мы сможем сделать, если нехристей там много?

— Это будет видно из осмотра их лагеря, а теперь нужно подкрепить наши силы. Ты устал больше, ты и спи первым.

— А вы-то как же?

— Обоим нам спать вблизи неприятеля нельзя. Часов через пять я разбужу тебя, и ты меня сменишь.

Сон одолевал Василия, и он не стал более спорить, растянулся на траве. Лисицын, часто упражнявшийся в опасной охоте на зверей, привык к осторожности и бодрствованию ночью. Преодолевая

усталость, он сначала старался убить время, рассматривая лошадей, весело щипавших траву, потом записывал в дневник события дня вчерашнего и нынешние, наконец он стал бродить, обдумывая, как бы так подкрасться к неприятелю, чтобы не быть замеченными.

В это время взгляд его упал на холмистую местность по другую сторону ручья. Любопытство повело его туда, и скоро он очутился в овраге, когда-то бывшем руслом широкой реки. Пройдя несколько вперед по песчаному дну, он заметил под ногами что-то блестящее. Нагнулся и разглядел множество самородных золотых кусочков, вымытых из песка весенней водой. Лисицын было обрадовался и кинулся собирать кусочки, но через минуту бросил их и дал себе слово не рассказывать никому из товарищей об открытии золота, которое, совершенно бесполезное в этой пустыне, могло только породить между его друзьями страсть к обогащению, всегда гибельную для человека.

Когда Лисицын возвратился к крепко спящему Василию, был уже третий час пополудни. Лисицыну самому крайне нужен был отдых, но ему жаль было будить Василия. Вдруг он заметил, что лошади перестали щипать траву и наостригли уши. Недоумевая, что бы это значило, Сергей Петрович припал ухом к земле. Со стороны Архипелажного озера слышался гул, подобный топоту стремительно скачущих лошадей; шум этот быстро приближался. Лисицын разбудил Василия. Они вскочили на лошадей и, укрывшись за толстыми деревьями, стали ожидать событий. Едва товарищи заняли безопасное место, мимо них, подобно молнии, пронеслось стадо сайг, которые, перескочив через ручей, скрылись в лесистых холмах, где совсем недавно бродил Лисицын.

— Спасибо, Сергей Петрович, что разбудили меня вовремя, не то бока бы помяли проклятые. Ишь, мечутся, словно шальные. Уж не волки ли за ними гонятся?

— Сейчас увидим. Впрочем, я не думаю, что это волки. Прошло несколько минут, но никто не мчался по следам сайг.

— С чего ж бы им так шарахнуться?

— Если я не ошибаюсь, их испугали китайцы, приплывшие с Приюта к своему причалу.

— Выходит, китайцы не стали разыскивать наше стадо и идут к своим, на Алмазную реку. Теперь нам уж не удастся над ними потешиться.

— А может статься, что и удастся. Увидят пропажу орудий и запасов, найдут связанных часовых, а те для своего оправдания сочинят сказку о многочисленном неприятеле, вот и не решатся перед вечером отправиться в дорогу, будут утра ждать, выслав для разведок нескольких храбрецов, чтобы обезопасить себя от нечаянного нападения.

— Пусть их высылают, только это попусту.

— Конечно, никого они не найдут, кроме нас. Поэтому всего лучше нам убраться отсюда. Поблизости знаю я место, где мы можем спрятаться до ночи.

— Да вам бы соснуть хоть маленько; вы, чай, устали до смерти.

— Что ж делать, выплусь на лошади. Едем!

Оба путника поехали шагом по тропинкам, известным лишь Лисицыну. В шесть вечера остановились верстах в трех от реки, в глубоком овраге. Лисицын заснул, а Василий взялся караулить, что исполнял не без греха, одолеваемый дремотой и по свойственной русскому человеку беспечности не сознавая опасности, которую не видел своими глазами.

Когда совершенно стемнело, товарищи отправились к реке пешком, оставя лошадей в овраге. При свете костров, разложенных на берегу китайцами, они увидали на реке стоящие на якоре две большие военные джонки, вооруженные медными пушками. Их форма, оснастка и паруса, во многом не сходные с европейской морской традицией, не лишены были своей оригинальной красоты. На палубах каждой сновали по несколько матросов. На берегу лежали вещи, выгруженные с судов. Одна груда вещей, покрытая циновками, лежала совершенно отдельно, возле кустарника, соединявшегося с лесом.

— Я нашел средство отомстить китайцам, но без твоей помощи, Василий, ничего сделать не смогу.

— Я готов вам во всём помогать.

— Вон видишь, на берегу две лодки и бочонки с порохом. Можно потопить джонки. Это будет китайцам таким уроком, какого они никогда не забудут.

— Куда же денутся тогда китайцы, если им не на чем будет уплыть восвояси?

— У них на том берегу привязаны две большие лодки, да с озера принесут. Людям будет на чем уплыть. Вещи же оставят, а они нам пригодятся.

— Положим, всё будет так, только мне больно не хочется убивать сонных людей. Прошлую ночь Господь едва не наказал меня за это...

— План мой заключается не в том, чтобы джонки взорвать, их надо потопить, для чего нужно разрушить подводную часть джонок небольшим количеством пороха. Люди непременно проснутся от взрыва и успеют спастись, а суда китайцев придут в совершенную негодность и останутся здесь со своими пушками. Хороша будет наша военная добыча!

Василий помог Лисицыну спустить по одному бочонку пороха в каждую лодочку. Смельчаки, никем не замеченные, подвезли свои мины под корму джонок, подвязали их к выступам резных украшений. Вставили в каждый бочонок по зажженному фитилю и возвратились на берег. Отошли подальше в лес и стали ждать.

Прошло много томительных минут, а порох не воспламенялся. Начал накрапывать частый дождичек. Лисицын, предположив, что фитили погасли, пошел было посмотреть, но едва он сделал несколько шагов, как местность осветилась — два взрыва прогремели почти одновременно.

Вскоре на берегу китайцы разложили костры, около которых собрались сушиться матросы с джонок. При свете этих огней Лисицын и Василий с восторгом увидели, что джонки, будучи, по-видимому, целы, погрузились так, что из воды видны были одни только мачты.

Счастливо окончив свое предприятие, герои наши хотели уже удалиться, но вдруг заметили у крайнего костра связанного человека, которого озлобленные китайцы осыпали пинками и ударами палок. Рассмотрев бедняка, Лисицын удостоверился, что он

был не китаец: волосы на голове острижены в скобку, борода окладистая, русая, платье вроде казакина, на ногах сапоги с длинными голенищами — всё изобличало в нем русского. Он не кричал под ударами, а иногда и сам отвечал мучителям могучим пинком, от которого какой-нибудь китаец снопом летел на землю.

— Посмотри-ка, Василий. Этот молодец...

— Как Бог свят, русский, — перебил Лисицына Василий, — и должно быть силен, разом с ног сшибает.

— Надобно спасти его, — заволновался Лисицын.

— Подождем, пока бусурманы улягутся.

— Да они до того убьют его!

— А двое-то как мы его выручим — почитай, человек пятьдесят супостатов.

— Придумал! Идем скорее к лошадям...

Первый выстрел Василия, ранивший одного из матросов, произвел смятение в толпе неприятеля. Сидевшие вскочили со своих мест, а мучившие пленника тотчас его бросили. Все спешили схватить оружие и приготовиться к обороне. Когда оказалось ещё двое раненых китайцев, весь отряд с яростными криками бросился преследовать стрелка. В этот момент Лисицын подскакал к пленнику с заводной лошадью, рассек кинжалом связывавшие его веревки и помог сесть на коня. Несколько китайцев, заметивших случившееся, послали в Лисицына град пуль, не причинивших, однако, вреда. Сергей Петрович и спасенный русский ускакали в лес и благополучно соединились с Василием в условленном месте. Пленник оказался нерчинским казаком, отставшим от партии охотников, разведовавших Амур, и попавшим в руки китайцев, посланных истребить воображаемые укрепления на Приюте. Звали его Романом.

Пожинав и выспавшись до пяти часов утра, товарищи из безопасного места наблюдали обратное шествие победоносной неприятельской армии. Шествие открывалось паланкином, в котором несли главнокомандующего, по обеим сторонам шли восемь вооруженных телохранителей. Следом несли в паланкине другого начальника, которого охраняли только четыре воина. Потом несли две большие лодки, за которыми двигалась толпа, многие несли

мешки с рисом. Проследив за неприятельским отрядом, товарищи увидели, как китайцы спустили лодки на воду и торопились с отъездом.

— Слава Богу! — перекрестился Василий. — Поганые, чай, не скоро забудут нашего перца с солью.

— Как бы наша победа не обрушилась бедою на наши головы, — засомневался Лисицын.

— Это отчего?

— Китайцы непременно захотят отомстить и не оставят нас в покое. Благоразумнее было бы перенести причиненный ими вред и ничем не напоминать о своем существовании. Довольные истреблением нашего хутора, они забыли бы о нас.

— Да разве русскому человеку можно снести такую обиду от косоглазых?! Не тронь они нашего хутора — и мы бы их не тронули. А теперь поделом им, лиходеям.

— Китайцы сожгли наши строения, но они за этим были сюда присланы. Мы по нашей малочисленности не могли им противиться, и благоразумно было бы спрятаться. На том бы и покончили. Вместо того, забыв Божию заповедь, мы начали мстить. Вот увидишь, мы будем ещё за это наказаны.

— Да пусть их опять придут. Нешто мы испугаемся? Да где им прийти после такого погрома. Небось душа в пятки ушла.

— Твоими б устами да мед пить, Василий. Однако нужно проследить берегом их лодки. Ты оставайся здесь, а я поеду на разведки. Как бы не высадились где... Проехав несколько верст, Лисицын с радостью увидел, что китайцы поставили на лодках маленькие мачты и развернули паруса, после чего скоро скрылись из глаз, унесенные попутным ветром. Удостоверившись в бегстве неприятеля, Сергей Петрович вернулся к товарищам, и все трое отправились в Кедровую долину. Общим советом решили на следующий день возвратиться на Приют.

Вступив на остров, Лисицын был поражен печальным зрелищем: ферма сгорела дотла, только закопченные печи с высокими полуразвалившимися трубами одиноко торчали на пепелище. Даже хлеб на корню был Лисицын загоревал. Ему не столько жаль было

строений, как хлебов, превосходным состоянием которых он так любовался. Василий, Роман и Янси приняли живое участие в его горе, и каждый, как умел, утешал его, обещая всё скоро исправить.

Лисицын попросил товарищей позаботиться о переправе на остров скота и вещей из Кедровой долины, а сам начал осматривать потери. Вскоре он обрадовался, найдя в совершенной целости огород, вероятно, незамеченный неприятелем, поскольку находился в особом месте, близ ручейка, и был окружен частым кустарником. Хлеб на корню несколькими клочками избег огня, оставалась надежда собрать семена. Но восторг Лисицына был полный, когда он увидел невредимыми свои озимо-яровые посевы, которые, будучи сильно заглушены сорными травами, избегли сожжения. Лисицын на коленях возблагодарил Бога за его благодеяния.

Когда лошади, скот и все вещи были перевезены на Приют, обитатели его отправились на барке с лошадьми и волами забирать военные трофеи, брошенные китайцами при поспешном бегстве. Джонки они разломали и сняли с них всё, что только было можно. В дневнике Лисицын отметил: добыто от китайцев две осадные пушки, четыре большие и шесть средней величины полевых пушек; четыре гаубицы, две мортиры (все орудия бронзовые, голландского литья), тридцать ружей, тридцать семь алебард, пять бочек с пулями, двадцать бочонков с порохом, десять бочек селитры, семь бочек серы, восемнадцать пудов свинца, два цибика чаю, большой запас белья и платья из бумажной и шелковой матери, паруса, канаты, двести тридцать два слитка серебра и множество ядер, бомб и гранат. Из съестных запасов нашли лишь двадцать шесть мешков риса.

Окончив перевозку трофеев, обитатели Приюта собрались вечером под деревом чай пить. Поблизости паслось стадо, резвились лошади на зеленой равнине. Собаки, которых насчитывалось уже восемь, весело играли, не давая животным удаляться слишком в сторону от пастбища. Сама природа, казалось, разделяла общее удовольствие: ветерок едва шелестел в листве, солнце ласкало горы, долины, леса и серебристые струи речки. Лисицын разливал чай, кидая время от времени кусочки хлеба коту, сделавшемуся очень тучным, и еноту,

тоже разжиревшему. Вдруг он с удивлением заметил, что Василий и Петруша печальны.

— Что с вами, друзья? — спросил он с участием.

— Да что ж, по милости нехристей, почитай, год хлеба есть не будем...

— Эка беда, — перебил Роман. — Зато здесь рыбы и мяса — в век не поешь.

— Не надо горюнить, — вставил Янси, — есть много рису...

— Поди ты со своим рисом! — отмахнулся Петруша. — По мне рису и мяса хоть бы вовсе не было, был бы хлеб.

— Так я вас обрадую, — рассмеялся Лисицын. — У меня столько хлеба сбережено, что нам его и в два года не съесть.

— Где же это? — вскричали все в один голос.

Когда Лисицын раскрыл перед ними свои хлебные ямы, в которых зерно сохранилось отлично, удивлению и радости обитателей Приюта не было границ. Все благодарили Сергея Петровича за его предусмотрительность.

Наступило время уборки, что по малости сохранившегося посева исполнили товарищи очень скоро. Приготовили землю под озимые посевы. Не забыли заготовить достаточный запас сена для зимнего продовольствия скота и лошадей. Однажды, окончив сытный обед, обитатели Приюта начали рассуждать об устройстве зимовки.

— Что тут толковать? — сказал Василий. — Надобно опять ферму построить, только попросторнее прежней, потому что и скота прибыло, благодаря Бога, и нас уже пятеро.

— Я не умею хорошо владеть топором, — продолжал Роман, — но всё же во многом могу помочь. Если у вас нет стекол для оконных рам, то я отолью вам отличные, только бы сыскать пригодный материал. Я семь лет учился делать стеклянную посуду на заводе купца Шибаева. Знаю плавильное дело. В Нерчинске пять лет пробыл на чугунном заводе.

— А я, — пообещал Янси, — наделаю глиняной и фаянсовой посуды.

— В таком случае, — согласился Лисицын, — заживем мы по-старому. Но сдается мне, упрямые китайцы, потерпевшие урон, не

оставят нас в покое. Будущей весной мы должны ожидать их нападения. Тогда наши постройки снова будут сожжены.

— Но китайцы, может, и не придут, — возразил Василий.

— Мой земляк любит мстить, — понурил голову Янси, — он всё здесь сожжет. Господин, вели строить изба и сарая в Кедровой долина. Там не придут, там всё цела будет!

— В Кедровой долине нас действительно никто не увидит, зато и мы не будем знать, что делается вокруг. Там поместиться на постоянное жительство небезопасно и неудобно. Надобно устроиться здесь, но так, чтобы мы могли защитить от нападения остров и сохранить в целости все наши постройки. Я бы советовал на краю бухты устроить блокгауз, из которого мы, закрытые от неприятельских выстрелов, могли бы обстреливать и залив, и бухту.

— Что это за штука такая? Как бишь вы назвали?

— Это укрепление из толстых бревен, с бревенчатым потолком и с бойницами для ружей и пушек. Чтобы предохранить его от сожжения, блокгауз обсыпают и с боков и сверху землей и обкладывают дерном. Несколько человек, запершись в такой крепости, могут сопротивляться многочисленному неприятелю, даже если у него будут пушки.

— Хорошее дело, — хором заговорили слушатели. — Крепость строить надо. И пусть китайцы хитрее змеи, у русских крепость мудрено взять. Только как мы выстроим этот блокгауз, отродясь его не видел?

— Братцы, положитесь в этом деле на Сергея Петровича, — заключил Василий. — Он на выдумки мастер. Я по опыту это знаю. Бывало, станешь в тупик, хоть умирай, а он подумает — и выручит!

Со следующего дня приступили к работам. Из длинных и толстых бревен срубили два флигеля. Каждый флигель разделялся толстой бревенчатой стеной по середине длины. Их связывали в одну общую постройку широкие сени. Таким образом получилось четыре комнаты. В одной поместился Лисицын, в другой — Василий с Романом, в третьей — Петруша с Янси, а четвертая осталась на всякий случай свободной. Фасад постройки сохранили прежним. Скотный и конный дворы пристроили покоем к флигелям.

Поблизости поставили хлебный амбар, кладовую и кормовые сараи. Погреба срубили на старом месте. Словом, ферма возникла в прежней своей красоте, как будто никогда не была разрушена.

Для блокгауза выбрали удобное место близ бухты. Поставили сруб из толстых сосновых бревен. На расстоянии четырех футов от стен обнесли его толстыми стоячими бревнами, скрепленными плотно друг с другом нижним и верхним венцами. Промежуток между стенами набили глиной. На эти стены вместо потолка настлали два ряда толстых бревен крест-накрест, концы их выступали фута на четыре за наружную стену. В стенах сделали бойницы для ружей и одну для пушки, обращенную к проливу. Внутренние стороны этих бойниц обшили толстыми досками, чтобы земля не осыпалась от выстрелов.

Потом выкопали вокруг блокгауза ров, довольно глубокий и широкий, а вынутой землей обсыпали крепость и сверху, и с боков. Оставшуюся землю рассыпали вокруг наружной стороны рва. Все земляные насыпи одели дерном. Перед двойной дубовой дверью блокгауза была переброшена через ров широкая доска, служившая мостом; её в случае надобности можно было убрать.

Посередине строения помещался пороховой погреб с двойным бревенчатым потолком. В одном углу был сделан погреб для съестных припасов, в другом вырыли колодец с отличной водой на глубине трех саженей. Для свободного выхода из здания порохового дыма провели через потолок деревянные трубы, которые оканчивались наравне с земляной насыпью на потолке и не могли быть замечены неприятелем.

— Ив самом деле, славная штука этот блокгауз, — сказал Роман товарищам, когда Лисицын ушел на ферму за порохом. — Здесь отлично можно обороняться!

— Я говорил тебе, Сергей Петрович не даром учился заморским наукам, — гордо вскинул голову Василий.

— Крепость хороша, трудна братъ, — согласился Янси.

— Нечего сказать, мудрый человек. Да не всякий солдат — царский воин, — рассуждал Роман. — Можно и стрелять метко, и крепость строить, и всякие диковинные штуки откалывать, а как придется

начистоту с неприятелем переведаться, так и тягу до лесу. Наш-то командир, каков на этот счет?

— Сергей Петрович храбр как и сказать нельзя! Когда нужно товарища выручить, жизнь для него — копейка; сила такая — быка ломает, а под пулю не подвертывайся никто — скосит...

Прибытие Лисицына с пороховыми бочонками прервало разговор.

Для большей безопасности Лисицын присоветовал протянуть через пролив, ведущий в бухту, цепь, так, чтобы её можно было опускать и поднимать. Когда блокгауз был совсем окончен и вооружен, выпал снег, наступили морозы. Обитатели Приюта учредили караул в укреплении для наблюдения за бухтой. Зимой Лисицын употребил на изучение литейного мастерства и делание из глины посуды. Литью обучал его Роман, устроивший в Долине роз небольшую доменную печь. Меха, раздувавшие пламя, приводили в движение волы. Гончарному делу Сергей Петрович учился у Янси. Так у них появилась кухонная и столовая посуда, сковороды, чугуны и прочие полезные в хозяйстве вещи. В этих предметах обитатели Приюта терпели недостаток, так как посуда, привезенная с корабля, от употребления и перевозок большей частью разбилась. В праздничные дни Лисицын продолжал охотиться, снабжая товарищей свежей провизией и мехами. В этих занятиях обитатели Приюта не заметили, как пришла весна. Опасаясь мщения китайцев, они не решились отправиться на Амур и дружно принялись за обработку земли и посев яровых хлебов. Любо было смотреть на сильного Романа, на трудолюбивого Янси, на ловкого Василия и на атлета Лисицына, когда они двоили плугом поднятую с осени новь, громко понукая могучих волов, размельчали пашню железными боровами, троили скоропашками и снова бороновали, до тех пор пока земля совершенно очищалась от корней сорных трав и делалась удобной для посева. Никто не уставал от тяжелой работы, никто не унывал, все были уверены, что благодатная земля Приюта сторицей вознаградит их за все хлопоты и труды.

Как-то раз Василий, находясь с Лисицыным в их обширной кладовой, указал на отнятые у китайцев орудия, бочки с порохом,

серой и селитрой, на большой запас собственных металлических вещей.

— Много у нас добра. Коли случится опять бежать с острова, все достанется врагу не за денежку.

— Не ты ли прошлой осенью уверял меня, что китайцы не посмеют напасть на нас, дружище?

— Тогда я говорил сгоряча, теперь же, пораздумав хорошенько, соглашаюсь с вами: отомстят, проклятые, сердцем чую, отомстят. Всякий раз, как настает моя очередь сторожить в блокгаузе, мерещится мне, что подплывает лодка с нехристями... Вот что я скажу, Сергей Петрович, это добро надобно припрятать, ежели придется нам круто, тогда уж будет поздно. Пушки и порох китайцы могут против нас поворотить.

— Дело говоришь, Василий. Для обороны блокгауза нужна одна пушка, да одна мортира на непредвиденный случай. Пороху там запасено достаточно, а это всё лишнее, и, как ты справедливо заметил, в случае завладения островом может быть обращено против нас же. Устроим погреб из дубовых бревен с бревенчатым потолком и прочным творилом, в нем спрячем все ненужное теперь нам добро, а сверху завалим землею, как над хлебными ямами.

Все нашли эту меру благоразумной и охотно приступили к её выполнению. Через несколько недель ненужные вещи были спрятаны, а место над погребом обложили дерном.

Вскоре подошло время покоса, продолжавшегося месяц, потом занялись подготовлением земли под озимые посевы, а затем наступила жатва. Урожай всех хлебов был отличный. Такой сочли бы баснословным даже в лучших наших черноземных местностях. Много было собрано травных семян и овощей.

В жизненных припасах обитатели Приюта даже роскошествовали, благодаря китайцам имели чай, сахар заменяли медом. Год прошел для них незаметно в полном довольстве и спокойствии. Только память о далекой родине горечью бередила их сердца.

Вновь наступила зима с её частыми метелями и сильными морозами, но жители фермы в своих теплых помещениях не чувствовали холода; скот тоже отлично был защищен от метелей и

морозов. Все занимались своим любимым делом, не желая предаваться праздности, вредной для здоровья. Лисицын не отставал от других в физических трудах и по-прежнему охотился.

Однажды, отправившись за красным зверем на лыжах, он удалился от Приюта верст на сто к северу. Сбиться с пути он не мог, пользуясь компасом и делая метки на деревьях. Смелый охотник нашел здесь много соболей и проохотился день очень счастливо.

Во время таких дальних походов Лисицын устраивал шалаш из еловых ветвей, перед которым обыкновенно поддерживал всю ночь большой огонь, чтобы отогнать волков. Ему ни разу не пришлось раскаяться в этом способе ночного отдыха. Будучи тепло одет и имея с собой в салазках меховое одеяло, он не боялся ни метелей, ни морозов.

На этот раз холод был сильный, деревья в лесу трещали, подобно ружейным выстрелам. Когда Лисицын улегся в шалаше, ему показалось, будто в лесу раздался человеческий крик. Вскочив и подбросив в огонь дров, он стал прислушиваться. Вот опять послышался звук, похожий и на голос человека, и на вой волка, но звук скоро смолк и больше не повторялся.

Мысль, что заблудившийся странник, увидав огонь, призывал его на помощь, не давала Лисицыну покоя. «Какое мне дело, — думал Сергей Петрович, — русский это или инородец, пусть даже китаец, он человек, и я должен оказать ему помощь». Движимый этими чувствами, герой наш взял горящую ветку сухого дерева, топор и пошел в том направлении, откуда послышался ему голос. Не пройдя и двухсот шагов, он увидел в овраге пять человек, тщетно пытавшихся взобраться на противоположный край.

— Эй! Кто ты такой? — закричал один из них, заметив Лисицына. — Веди нас в свою избу.

— Скажите прежде, кто вы и откуда? — спросил с твердостью Лисицын.

— Слава тебе, Господи! — вскричал другой бедолага. — Он русский! Первый, кто окликнул Лисицына, только молча крестился.

Спустившись, Лисицын помог каждому путнику взобраться на край оврага и привел их к своему шалашу, где они отогрелись, а когда утолили голод, сделались веселы и разговорчивы.

Эти люди оказались сибирскими охотниками, пустившимися на лыжах из Охотска добывать пушных зверей. Застигнутые бураном, они сбились с пути, целый месяц проплутали по горам и снегам, истратили свои съестные припасы, питались случайной дичью. Изнуренные голодом и холодом, принуждены были побросать меха, ими добытые, и шли наудачу.

Увидев огонь Лисицына, они пошли прямо на него и кричали о помощи. Когда спустились в овраг, голос их ослабел, и они, выбившись из сил, побросали там свои винтовки. Лисицын, выведав от них всё, что ему хотелось знать, осторожно рассказал о своих несчастьях, а когда по собственному их побуждению сибиряки поклялись ему, что будут верными его товарищами и станут биться с врагами до последнего вздоха, он предложил привести их на Приют и разместить на ферме. Захватив свои винтовки, охотники прибыли на остров, где были обласканы обитателями Приюта. И сами они оказались славными ребятами.

Василий, совершенно выздоровевший, начал с наступлением весны поговаривать об экспедиции на Амур, прочие его товарищи, за исключением Янси и Лисицына, вторили ему, находя Амур единственным удобным путем на родину. Причин для сомнения у Сергея Петровича было много: из-за малочисленности отряда все могли попасть в плен к жестоким китайцам; десяти путешественникам нелегко продовольствоваться в долговременном пути, а чтобы захватить с собой достаточное количество припасов, понадобится значительной величины судно, которое они вряд ли сумеют построить; наконец, ему жаль было бросить превосходное стадо крупного и мелкого рогатого скота и табун резвых лошадей, жаль было оставить ферму, роскошные поля и луга. Лисицын уже свыкся с новым образом жизни, уединение сделалось для него приятно — словом, он не сочувствовал общему увлечению. Но когда желание его товарищей перешло в настойчивое требование, Сергей Петрович вынужден был присоединиться к большинству.

Он предложил соорудить большую прочную лодку, в которой вместе с экипажем могли бы поместиться в достаточном количестве съестные и боевые припасы и хотя бы одна пушка для обороны. Предложение это было принято с восторгом. Все энергично принялись за работу. К весенним работам не приступали.

В день Георгия Победоносца все отдыхали вблизи блокгауза в тени развесистых дубов. Разговор шел о предстоящей экспедиции на Амур. Вдруг со сторожевой скалы прибежал Петруша с известием, что на восточной стороне Архипелажного озера виден дым. Все бросились на скалу и действительно увидели несколько столбов дыма. Выходило, что китайцы и не думали оставлять в покое Приют. Мешкать было некогда. Лисицын немедленно распорядился отправить в Кедровую долину скот и всё, что можно было захватить с собой. Беречь скот и вещи было поручено Янси и Петруше. Озимый хлеб, стоявший густой стеной, скосили и побросали в овраг.

К вечеру следующего дня все защитники Приюта разместились в блокгаузе. Чтобы не дать китайским лодкам проникнуть в пролив, поперек него близ входа в бухту натянули цепи, скованные ещё прошлым летом Василием и Романом: одну — вровень с водой, другую — на аршин ниже. Лисицын показал, как нужно целиться из бойниц, и сказал, чтобы каждый стрелок избирал для себя особую цель, потому что им нужно с расчетом тратить заряды. Стрельбу из пушки он взял на себя.

Блокгауз был построен прочно и мог выдержать пушечный и мортирный огонь; гарнизон его состоял из людей решительных, хороших стрелков. Лисицын решил дать отпор китайцам, несмотря на их многочисленность и наличие артиллерии. Уверенность в успехе он постарался внушить своим товарищам и тем воспламенить их мужество.

Ночью показались огни на Ореховом острове. Вокруг острова мелькали силуэты китайских лодок. Опасаясь внезапного нападения, Лисицын разделил отряд свой на четыре смены, по два человека в каждой; три смены могли спать, а четвертая должна была бдительно наблюдать за неприятелем и особенно за проливом, ведущим в бухту.

На другой день китайская военная флотилия атаковала Приют, соблюдая тот же порядок, как и прежде, только на каждой лодке воинов было больше, число атакующих лодок многочисленнее и стрельба из орудий жарче.

— Что за диковинка? — удивился Василий. — Ни одно ядро до нас не долетает, словно они стреляют холостыми зарядами.

— Нет, они стреляют ядрами, но при крутизне берега их ядра не могут попасть в блокгауз, который за дымом они, вероятно, не видят.

— Да ежели бы и видели, — сказал Роман. — Нагляделся я на их артиллерию, ружья, на стрелков — смех просто!

В это время неприятельское ядро рикошетом от берега бухты влетело через большую амбразуру в блокгауз и ударилось в стену, никому не причинив вреда.

— Вишь, как изловчились, бусурманы! — Голос Василия невольно дрогнул. — Вот тебе и не умеют стрелять!

— Головой поручусь, не умеют. Это ядро шальное.

— И нам бы не мешало пальнуть, а, Сергей Петрович? — просил один из стрелков.

— Пусть постреляют, — отвечал Лисицын. — Чем больше они сожгут пороха, тем меньше его останется для разрушения нашего укрепления. Нам же нужно порох и снаряды беречь — в них наше спасение.

Прошло больше трех часов канонады, а китайцы всё не унимались. Вдруг Лисицын приметил лодку, оказавшуюся в проливе, за ней явилась другая, третья, но цепь остановила китайцев и произвела замешательство.

— Ну, братцы, у кого руки чешутся? Свалите молодца, который старается цепь порвать, — разрешил Лисицын.

Немедленно раздался выстрел — и смельчак, раненный, упал в лодку.

— Теперь, друзья, стреляйте не торопясь, метьте в начальников, а я пошлю им гостинец из пушки.

Почти ни один выстрел из крепости не пропадал даром. Здесь были стрелки, бившие белку в глаз, чтобы не портить шкурку, а ядро, пущенное Лисицыным, убило разом нескольких китайцев и

повредило передовую лодку, которая тотчас отвернула назад. От этого произошло столкновение двух лодок в узком скалистом проливе. Пока они старались благополучно разойтись, Сергей Петрович успел зарядить пушку и выстрелить. На этот раз ядро попало в ближайшую лодку, которая на глазах затонула.

— Смотри, как переполошились, словно лягушки заквакали! — со смехом проговорил Роман.

— Пользуйтесь, друзья, случаем! — закричал Лисицын. — Только старайтесь наносить тяжелые раны, а не убивать. Чем больше у них на руках будет раненых, тем меньше останется мужества и средств нападать на нас. Теперь и я помогу вам из своей двустволки.

— Вы бы разочек ещё угостили их ядрышком, — сказал Василий, добросовестно прицеливаясь в китайского начальника. — Может, и другую лодку потопили бы.

— Война только начинается, друг мой, и жечь даром порох не следует. На этот раз потеря лодки и двух десятков солдат охладит их жар на несколько дней, а там что Бог даст.

— Глянь-ка, как торопятся удрать! — радовался Роман. — И стрелять перестали.

— Значит, и нам пора отдохнуть, братцы. Стрелять наудачу убыточно. Китайцы способны на всякие хитрости и гораздо многочисленнее нас. Если нам удалось на этот раз прогнать их, то этим мы обязаны одному Богу.

Все сняли шапки и благоговейно прочитали молитву. Торжественна была эта минута: несколько русских удальцов, заброшенных судьбой на Дальний Восток, в маленьком укреплении возносили хвалу Богу за дарование победы над многочисленным неприятелем. Никогда Лисицын и Василий не пели «Тебе Бога хвалим» с таким чувством, как сейчас. Мысль о славном отечестве, достойными представителями которого они сделались теперь, наполняла благородной гордостью сердца защитников Приюта. Они дали обет лучше умереть, чем сдаться в плен.

Из блокауза хорошо были видны только бухта, ближайшая к ней часть пролива и Ореховый остров, а остальная часть пролива и прилежащее пространство были закрыты высокими берегами. Это

заставило Лисицына выйти из укрепления, спуститься в лесистое побережье и с высокого дерева обозреть окрестность. Китайские лодки, потерпевшие поражение в проливе, медленно плыли к Ореховому острову, конвоируемые ещё четырьмя лодками, вероятно, участвовавшими в первом нападении на Приют. На Ореховом острове копошилось много воинов. Одни что-то работали топорами, другие переносили тяжести, а некоторые с жаром разговаривали на берегу. Палатка главнокомандующего была поставлена в самом отдаленном конце острова. Прилегающие к озеру леса были безмолвны; там не виднелось ни человека, ни лодочки.

Этот обзор уверил Лисицына, что все силы китайцев собраны на Ореховом острове. Сложив подзорную трубу, Лисицын пошел в укрепление берегом бухты, чтобы удостовериться, цела ли цепь, загораживавшая пролив. Раздевшись на отлогом месте, он соскользнул в воду, и без шума доплыл до цепи, которая оказалась целой. Чтобы определить, где именно затонула китайская лодка, он нырнул и ощупал в лодке мортиру на металлическом станке. Ему очень хотелось вытащить мортиру из воды, но это оказалось не под силу нашему геркулесу. Вынырнув на поверхность, Сергей Петрович услышал свист пули, пролетевшей над его головой. К крайней его досаде, он не успел определить, откуда был сделан выстрел. Но тут снова просвистела пуля, ещё ближе. Теперь Лисицын понял, что послана она из блокауза. Он тотчас опустил в воду, догадавшись, что защитники укрепления посчитали его китайским лазутчиком. Жизнь нашего героя подвергалась чрезвычайной опасности, принимая в расчет искусство стрелков. Оставалось одно: беспрестанно нырять в различных направлениях. К счастью для Лисицына, весь гарнизон прибежал на берег бухты, чтобы живьем захватить неприятеля. Когда же они увидели на берегу платье Лисицына и услышали его голос, то немедленно опустили ружья, узнав в мнимом лазутчике своего начальника.

— С нами крестная сила! — вскричал Василий. — Мы сгоряча чуть было не убили вас, приняв за вражьего подсмотрщика.

— Я так и подумал, — отвечал Лисицын, подплывая к берегу. — Хорошо, что вы так бдительны. Ежели так будет во все время обороны, неприятелю не удастся напасть на нас врасплох.

— Вздумалось же вам купаться в такое время!

— Я осматривал цепь и лодку. В ней осталась мортира, которая могла бы нам пригодиться. Только один я её не вытащу.

— Так мы поможем! — заторопились товарищи.

Лисицын поручил Василию наблюдать за неприятелем с самой высокой точки берега, а остальные вытащили мортиру и перенесли её в блокгауз.

Для большей безопасности обороняющиеся решили выставить часового на берег для наблюдения за движением неприятеля, а для ночного караула спустили на воду маленькую лодку, в которой всю ночь сторожили у цепи, сменяясь через каждые два часа. Из блокгауза кто-нибудь постоянно наблюдал за Ореховым островом.

— Не думают ли косоглазые плыть восвояси? — сказал Роман. — Что-то больно притихли и суда завели на тот бок острова...

— Дай-то Господи! — отозвался Василий. — Из-за чего только проливается кровь человеческая?!

— Видно, русские пули не вкусны показались.

— Ошибаетесь, друзья мои, — возразил Лисицын. — Китайцы пришли сюда взять Приют, а нас захватить живыми или мертвыми. Они собрали для этого достаточные средства. Нет оснований предполагать, что, потерпев неудачу при самом начале войны, они откажутся от своей цели. Для меня тишина и спокойствие на Ореховом острове очень подозрительны; наши противники хитры и вероломны. Во всяком случае, нам должно ожидать ночного нападения. Постараемся выспаться днем, чтобы не дремать ночью.

Лисицын улегся на медвежьей шкуре, товарищи его тоже расположились на отдых. В блокгаузе и вокруг воцарилась тишина, прерываемая только в урочные часы сменой часовых на наблюдательном посту.

Когда очередь дошла до Лисицына и он с высокой сосны навел подзорную трубу на неприятельский бивак, то увидел вышку, устроенную на высоких столбах. С вышки, покоясь на подушках,

китайский мандарин обозревал Приют также в подзорную трубу. Лесистые берега Приюта не позволяли ему ничего видеть, кроме блокгауза да узкого пролива, шедшего изгибом в бухту. Мандарин сообщал свои наблюдения своим приближенным, стоявшим вокруг вышки, а они записывали его слова на дощечках. По отсутствию жизни в блокгаузе он мог думать, что русские бросили укрепление и скрылись в глубине острова.

Когда солнце закатилось, мандарин сошел с вышки. Лисицын тоже спустился с дерева и поспешил распорядиться ночным караулом на лодке, объяснив товарищам, на что обращать внимание и как подавать сигнал в случае приближения неприятеля к цепи, заграждающей пролив.

Ночь наступила очень темная, тучи заволокли небо, где-то вдали грохотал гром, хотя молнии не было видно; наконец полил частый мелкий дождик. Лисицын, опасаясь беспечности своих товарищей в такую ненастную ночь, благоприятную для нечаянных нападений, вызвался охранять бухту до утра, вместе со сменяемым часовым. Его привычный глаз хорошо различал предметы ночью. И всё же, чтобы не упустить ничего из виду, он поставил свою лодочку в проливе возле самой цепи, притаившись под береговой скалой. С этого места был виден весь пролив, и неприятель не мог подплыть незамеченным.

В половине ночи на дежурство пришел Василий. Мертвая тишина наводила на него ужас, и он шепотом заговорил с Лисицыным:

— Вы промокли до костей, Сергей Петрович. Охота вам здесь дрогнуть под дождем? Видано ли, чтобы душа человеческая в такую пору покинула теплое одеяло. Китайцы неженки, небось все попрятались от дождя.

— На мне же кожаный плащ, Василий. А что до китайцев, то им гораздо легче пожертвовать своим спокойствием и захватить нас врасплох, чем в ясную погоду подставлять свой лоб под наши пули.

— Эх, каково служить солдату: днем печет солнце, ночью холод до костей пробирает, а там глотай пыль под ружьем, стой как вкопанный под дождем; меси снег зимой, грязь летом, а смерть встречай не моргнув глазом. Слава Богу, меня рекрутчина миновала...

— Тише, Василий! Кажется, не миновать нам схватки. Ты ничего не слышишь?

— В воде какой-то жалобный звук. Господи!

— Откуда слышишь ты этот звук?

— Супротив нас, с того берега пролива. Матерь Божья, спаси нас!

— Ты верно место указал. Это какой-то смельчак пилит цепь, вероятно, обернув её тряпкой. Я уж минуты две прислушиваюсь к звуку и только теперь угадал. Оставайся в лодке, а я наведуясь к молодцу. Если мне понадобится твоя помощь, я прокричу по-гусиному.

Лисицын быстро разделся и осторожно спустился в озеро, бывшее около цепи не глубже его роста, а местами и мельче. С каждым шагом он явственнее слышал звук пилы и наконец увидел силуэт китайца, который изо всех сил старался перепилить толстую цепь. Невдалеке темным пятнышком качался челнок. Смельчак так был занят работой, что не заметил Лисицына. Сергей Петрович схватил его за руку, вырвал пилу. Китаец выхватил из-за пояса нож, но не успел нанести удар — Лисицын сбил его с ног пильной рукояткой. Бедняк даже не вскрикнул, навсегда погрузившись в воду. Лисицын, покончив с противником, встал на его место и начал водить обухом пилы по цепи, производя прежний звук; а сам не спускал глаз с неприятельской лодочки.

Через некоторое время с лодки сошел человек и осторожно направился к Лисицыну. В правой руке Сергей Петрович держал кинжал, поджидая врага. Китаец приблизился, произнося непонятные слова, и, не получив, разумеется, ответа, отпрянул шага на три, выхватив большой нож. Лисицын поспешил напасть, но противник оказался не из трусливых. Он молча парировал удары и старался наносить свои, но также безуспешно. Тогда Лисицын прибегнул к хитрости: он притворился, что поскользнулся, нырнул, схватил за ноги китайца и опрокинул его на дно. Теперь неприятельский богатырь не мог нанести никому вреда.

Лисицыну захотелось завладеть неприятельской лодкой. Он поспешил к Василию, рассказал о случившемся, и они вместе отправились на военный подвиг. Взяв топоры, осторожно пошли к

неприятельской лодке. Василий едва доставал ногами до дна и принужден был держаться за Лисицына. В лодке не было никаких признаков жизни, но когда Лисицын осторожно заглянул в нее, то увидел китайца, крепко спавшего под плащом. Василий занес было топор над головой противника, но Лисицын удержал его руку:

— Не надо бесполезной крови. Ветер дует с юга, заберем весла у китайца и выведем лодку в озеро — волны снесут спящего к северному берегу, если он и проснется, всё равно проплывет до леса.

Товарищи так и поступили.

— Как тяжело убивать людей, хотя бы и для спасения своей жизни, — с волнением сказал Лисицын, когда они опять уселись в свою лодку.

— На войне нельзя быть очень жалостливым, — отвечал Василий, ободренный удачей и уменьшением мрака ночи. — Врагу помирволишь — сам пропадешь. Остаток ночи прошел без всяких приключений.

Утром Лисицын крепко заснул в блокгаузе. Не проспал он и трех часов, как крики: «Неприятель!» — разбудили его. Сторожевой прибежал с известием, что несколько китайских лодок с пушками плывут от Орехового острова к Приюту.

— Встретим их с почетом, братцы, — сказал Лисицын, вставляя зажигательную трубку в затравку орудия. — Они думают, что проход свободен, пусть так думают, а мы начнем стрелять, как только наши пули будут в состоянии поражать их.

— Постоим за себя! — отвечали защитники Приюта, заряжая ружья.

Вскоре на загибе пролива показалась передовая китайская лодка. Лисицын немедленно выстрелил из пушки, а стрелки послали залп в неприятельские ряды. Когда дым отнесло ветром, они увидели, что первая лодка остановилась, а её обогнала другая, ответившая русским из двух орудий и дюжины ружей.

Пули прожужжали как пчелы. Одно ядро пролетело мимо, другое взрыло насыпь на крыше укрепления. Рядом со второй лодкой показалась третья, и обе понеслись по проливу, но были остановлены цепью. Другие две лодки набежали на первую пару, на

них налетела третья пара, так что они едва не разбились друг о друга. Лисицын посылал ядра в скучившуюся флотилию, которая в тесном проливе не могла эффективно отстреливаться. После часового боя, убедившись в бесполезности атаки, китайцы отступили, с большим уроном в людях и оставив на дне пролива ещё одну лодку. В блокауге один из храбрых стрелков получил легкую рану в плечо, которую Лисицын поспешил перевязать.

— Быть бы теперь большой беде для нас, кабы не Сергей Петрович, — сказал Василий, когда неприятель скрылся. — Одному ему мы обязаны тем, что китайцы не перепилили цепь этой ночью.

Товарищи обступили Лисицына и выразили ему свою благодарность. Герой наш, тронутый до глубины души, перецеловал всех по русскому обычаю. Они просили его снова на время войны быть их полным командиром. Сергей Петрович согласился. Впрочем, не из тщеславия, а единственно для общей безопасности и успешной обороны Приюта от китайцев.

Прошло три дня. Китайцы не делали больше никаких покушений на остров. Осажденные в это время исправили насыпи на блокауге, заготовили на дне рва груды камней разной величины и для метания их из мортир наплели ивовых корзин. На четвертый день вечером Лисицын заметил в подзорную трубу китайскую лодку, плывшую из Глубокого озера в Архипелажное. В лодке он рассмотрел военачальника — мандарина. Зачем послан мандарин на Алмазную реку: за приказаниями, помощью или военными и съестными припасами? Сергей Петрович решил, что будет очень полезно обозреть неприятельский бивак. Наступившая ночь случилась опять темная. Вторую смену досталось дежурить Лисицыну с Романом.

— Вот темень-то, хоть глаз выколи, — сказал казак. — Я просто ничего не вижу. — Ты, Роман, человек военный и должен знать, что при невозможности видеть нужно стараться хорошо слышать. Но известно это и хитрым китайцам, так что мы должны разговаривать как можно тише.

— Такие ночи хороши для нечаянных нападений, но я человек бывалый...

— Я успел заметить, что ты смышлен и осторожен, как и следует быть русскому служивому. Остальные наши товарищи храбры, но неопытны, а это в войне с хитрым врагом никуда не годится. Я прежде не был на войне, но, часто охотясь, привык к осторожности и приучил себя распознавать в ночной тишине различные звуки.

— А случилось ли вам заметить, что по воде ещё дальше можно слышать звуки, чем по земле? Постойте-ка... — Роман низко наклонился к воде. — Мне послышалось, будто плеснула вода под веслом.

— И я слышу слабый, но мерный плеск воды. Это, вероятно, крадутся китайцы, чтоб попробовать перепилить цепь. Спрячемся под скалой у берега и понаблюдаем.

Прошло несколько минут томительного ожидания. Наконец в проливе сделалось заметно черное пятно неопределенной формы. Вскоре как будто что-то опустилось в воду, а темное пятно понеслось назад и исчезло в непроницаемом мраке.

— Чтобы это значило? — спросил Роман очень тихо.

— Тут кроется какая-то скверная штука. Надобно немедленно осмотреть цепь.

Не успели они дважды взмахнуть веслами, как Лисицын остановился:

— Посмотри на то место, где был неприятель. Что ты видишь?

— Ничего, кроме воды.

— А светящаяся точка возле цепи?

— Светляк, и довольно большой.

— Разве на воде светляки плавают?

— Так что же это?

— Сам не пойму. Постой-ка грести... Сейчас пахнуло запахом тлеющего фитиля.

— И я чувствую — ветерок тянет прямо на нас.

— Поспешి отплыть как можно дальше, а я постараюсь уничтожить опасность, если Богу будет угодно. — Лисицын поспешно опустил в воду.

— Как же я оставлю вас, Сергей Петрович?

— Поспеши отсюда, пока не поздно. Китайцы заложили под цепь пороховую мину.

Роман изо всех сил начал работать веслами, направляясь к самому отдаленному берегу бухты. Лисицын же поплыл к светящейся точке. Его предположение вполне оправдалось: под середину цепи была подведена осмоленная бочка с порохом, а фитиль, зашитый в кожаный рукав, наполненный порохом, был прикреплен к верхней цепи таким образом, что вода не могла затушить его. К счастью, китайские минеры для собственной безопасности вложили в порох довольно длинный фитиль. Лисицын успел осторожно выдернуть его и погасить в воде. Отвязав рукав от цепи, он оттащил бочку к берегу и выкатил её на сухое место. Теперь надо было отыскать в темноте Романа. Он попробовал прокричать филином — ответа не последовало; прокричал ещё два раза с промежутками — Роман догадался и ответил.

— Стало быть, там не было мины? — спросил казак, помогая Лисицыну взобраться в лодку. — А я так струхнул, Боже упаси.

— Напротив, я угадал верно. Счастье мое, что успел потушить фитиль и бочку с порохом выкатил на берег. Мы с тобой были на волосок от смерти. Не позабудем этого в наших молитвах...

— Простите, Сергей Петрович, я поступил нечестно, оставив вас одного в такой опасности. Всё это время меня совесть мучила.

— Ты поступил умно, Роман. Рисковать одной своей жизнью для спасения семи товарищей я мог и имел право, но если бы при несчастье нас погибло двое, на Приюте осталось бы только шесть защитников, неспособных обороняться. Вот почему я настаивал, чтобы ты отплыл как можно скорее. С тобой они могли бы ещё продержаться в укреплении или скрыться в Кедровую долину. Возвратившись в укрепление, Лисицын объяснил товарищам, что им необходимо знать силы и средства китайцев для продолжения войны. В разведку он решил взять Василия, а начальство над отрядом поручил Роману. Все одобрили распоряжение Лисицына. В течение дня спустили в бухту легкую двухвесельную лодочку, а с наступлением темноты перетащили её через цепь. Неприятель в

проливе не показывался. На Ореховом острове не было видно никаких приготовлений.

Когда совершенно стемнело, Лисицын и Василий выплыли из пролива. На озере и в окрестностях царствовали глубокий мрак и совершенная тишина. Вдали, на Ореховом острове, ярко горели бивачные огни, они и служили маяком для смелых пловцов.

— Зачем вы повернули к северному берегу? К Ореховому-то надобно плыть прямо. — Кратчайший путь не всегда ведет прямо к цели. Часто по длинному скорей достигнешь успеха предприятия. С этой стороны Орехового острова, вероятно, расставлены китайцами караулы, а может, плавают и наблюдательные лодки. Ведь наши враги хитры и не дадут захватить себя врасплох. Я хочу подплыть с восточной стороны, где не для чего китайцам принимать меры осторожности. Спустимся к Цветочным островам и с одного из них увидим всё, что нам нужно, не подвергаясь никакой опасности. На войне, как и на охоте, нужны терпение и осторожность, знание местности и привычек выслеживаемого зверя.

— Что и говорить, война — мудреное дело; простому человеку многого не смекнуть. Мне всё кажется, что надобно биться честно, лицом к лицу...

— На такой бой тогда только можно решаться, когда есть под рукой довольно смелых людей, а что мы можем сделать против сотни врагов? Вот нужда и научила людей отбиваться от многочисленного врага в укреплениях и наносить ему вред в засадах и ночных вылазках. Мы теперь так и поступаем...

— Перестаньте грести, Сергей Петрович. У берега я вижу лодку.

— Это не лодка, а камень — я его хорошо знаю. Нам пора поворачивать к Цветочным островам. Посмотри, как хорошо отсюда виден китайский бивак. Они с этой стороны срубили весь орешник.

— Что ж это они не спят, пострелы; чай, уж поздно.

— Это караульные поддерживают огонь. В палатках мандаринов совершенно темно.

Товарищи подплыли к Цветочным островам. На самом ближайшем к Ореховому росло несколько групп деревьев. К одной из этих рощиц и причалил Лисицын. С дерева он стал рассматривать китайский

лагерь в подзорную трубу. Почти на самом берегу южной части острова возвышался шатер главнокомандующего, а в бухточке качалась его лодка с небольшим балдахином. Саженьях в пятидесяти к западу располагались палатки других мандаринов, а в нескольких саженьях впереди едва возвышались над землей шалаши воинов. Между шатром, палатками и шалашами горели большие костры, у которых сидели по четыре воина, караулившие спокойный сон своих начальников. Судя по величине шалашей, в каждом могло поместиться не более десяти человек. Итак, силы китайцев составляли около ста воинов. Если выключить из этого числа человек тридцать убитых и раненых во время атак блокауза, то у китайцев осталось не более семидесяти человек, годных для продолжения войны. В лагере Лисицын не увидел ни одной пушки.

Передав Василию свои заключения, Лисицын хотел было отправиться обратно по прежнему пути, но Василий стал упрашивать его обогнуть Ореховый остров, чтобы вернуться на Приют с южной стороны.

— Это рискованно, Василий, но ежели тебе хочется сосчитать неприятельские лодки и проплыть в пролив кратчайшим путем, что ж... Только без малейшего шума и держась в тени берегов, иначе нас могут заметить.

Обозревая северный берег Орехового острова, они насчитали пять лодок. При повороте на восточную сторону увидели лодку с людьми, плывущую к биваку из Архипелажного озера. Лисицын немедленно повернул к берегу Орехового острова, чтобы китайцы сочли их лодку за свою. Эта хитрость удалась — смельчаков никто не преследовал. Выждав немного, они начали огибать бухточку, в которой находилась лодка главнокомандующего, как вдруг увидели другую лодку с воинами, шедшую прямо на них и тоже из Архипелажного озера. Лисицын снова подгрел к берегу и под прикрытием его повернул назад.

— Вряд ли нам теперь уйти, — сказал шепотом Василий. — Не попытаться ли отплыть к Цветочным островам.

— Это невозможно. Мы себя обнаружим, и вся китайская флотилия бросится нас ловить.

— Господи! Что же теперь делать?

— Покуда ляжем на дно вот этой большой китайской лодки, а нашу лодочку укроем позади.

Лисицын поступил умно: едва беглецы успели спрятаться, как китайский отряд медленно проплыл мимо их убежища на таком близком расстоянии, что они могли слышать тихий разговор.

— Кажись, пронесло, — шепнул Василий.

— Надобно выждать. Китайцы могут вернуться.

— Ежели случится что, меня совесть замучит.

— Послушай, Василий, если на нас нападут, я вступлю в борьбу с неприятелем, а ты спеши на своей лодке на Приют и предупреди товарищей, чтобы были как можно осторожнее. Обо мне не беспокойся. Меня не убьют. Самое худшее, отправят в Пекин, а там выручит русская миссия.

Василий ничего не отвечал, услышав шум весел возвращавшейся китайской лодки, которая теперь прошла в пяти шагах от них. Как только неприятельская лодка завернула за ближайший мысок, храбрецы перебрались в свою лодку и поспешно поплыли к Цветочным островам.

— Слава Богу! Выбрались из беды!

Лисицын не отвечал, он с особенным вниманием всматривался во мрак. Приблизившись к первому островку, опытный охотник заметил у берега лодку, привязанную к дереву. Он на минуту задумался: захватить лодку или скорее убраться от островка. В первом случае могла завязаться неравная борьба, во втором — погоня на виду у неприятельской флотилии, которая без сомнения не останется праздною зрительницей. Прежде чем что-то предпринять, он решил осмотреть берега островка, который, как я уже сказал, был покрыт небольшими рощицами. Лисицын повернул на восток — в противоположную от Приюта сторону — и поплыл вблизи берега.

— Что вы делаете? — забеспокоился Василий. — Это дальний обход, а ветер дует нам противный, и ночь всё светлей.

— Я хочу узнать, где спрятались люди из лодки. Если возле лодки, мы успеем обогнуть островок с востока и скрыться от преследования

в проливах, если же засада расположилась у береговой рощицы, мы успеем по ветру спуститься к лодке, и прихватить её — тогда избавимся от погони.

Василий промолчал, сознавая свою неспособность к военным хитростям. Лисицын, не доплыв до рощицы на ружейный выстрел, заметил у восточного мыса другую привязанную лодку. Он тотчас сообразил, что засада расположена у береговой группы деревьев, и повернул нос лодки на юг. Их лодка, подгоняемая ветром, понеслась стрелой. В тот же миг из рощи раздался неистовый крик, и несколько человек бросились по берегу к своей лодке, надеясь добежать до нее раньше наших разведчиков.

— Не робей, Василий, гребь сильнее! Китайцы надеялись на нашу беспечность и за это поплатятся лодкой.

Пока китайцы добежали до причала, Лисицын вывел лодку из-под ружейных выстрелов, прогремевших с берега. Тут беглецы увидели идущую на них лодку от восточного мыса. Несколько лодок отчалили от Орехового острова.

— Василий, ты обещал повиноваться мне как начальнику на всё время обороны Приюта и войны с китайцами?

— Присягнул. Вместе с товарищами.

— Я приказываю тебе плыть как можно поспешнее к Приюту, а я на китайской лодке постараюсь обмануть и задержать неприятеля. Ты же держись западного берега Орехового острова — там темно и преследовать тебя не будут. Если мне не удастся возвратиться на Приют сегодня, то уж завтра я буду непременно.

Василий поспешил исполнить приказание начальника. А вот герой наш не имел никакой надежды спастись, он лишь хотел избавиться от плена Василия и дорого продать свою жизнь.

Между тем преследующая лодка приближалась, а три другие спешили к ней на помощь от Орехового острова. Китайцы хотели схватить шпионов, чтобы выведать о численной силе русских, обитающих в этом крае.

Другой, видя невозможность спасения, немедленно сдался бы превосходящему неприятелю, но Лисицыну нужно было выиграть

времени для бедного Василия, и он повернул в промежуток между преследующими его лодками.

Лисицын теперь только заметил, что его ружье и всё холодное оружие остались в лодке Василия. На плече у него висели сумка с зарядами и мешок с провизией. Сергей Петрович немедленно бросил сумку в озеро, чтобы в случае плена представиться мирным жителем. Он уже слышал грозные приказания остановиться, но продолжал грести, хотя лодка была большая и грести одному было трудно. Физическая сила помогла отважному пловцу — он выиграл расстояние на ружейный выстрел и с удовольствием заметил, что все лодки погнались за ним и ни одна не преследует Василия. Была минута, когда Лисицын понадеялся на собственное спасение: он хотел было повернуть на север, к Цветочным островам, бросить там лодку и скрыться, хотя бы на время.

Но тут он увидел несущийся на него челнок с двумя вооруженными воинами. Ах, как он жалел, что с ним не было ружья! Оставалось последнее средство: гребя из всех сил, попытаться опрокинуть челнок при столкновении. Китайцы, не разгадав намерения Лисицына и видя в лодке только одного безоружного врага, смело неслись вперед. Лодки столкнулись, и случилось то, чего желал Лисицын: челнок опрокинулся, и китайцы попадали в воду.

Пока они барахтались в озере, ошарашенные внезапностью происшествия, Лисицын перескочил в челнок, забрав в него весла с лодки, и успел отплыть на значительное расстояние. Китайцы взобрались в оставленную им большую лодку, но без весел она была бесполезна для погони. Ближайшая из преследующих лодок вынуждена была остановиться, чтобы помочь бедствующим товарищам. Это промедление ещё больше благоприятствовало побегу Лисицына.

Челнок был так легок на ходу, что пловец не верил глазам своим, замечая беспрестанно увеличивающееся расстояние между ним и его врагами. Теперь он решил продолжать бегство на челноке, не приставая к Цветочным островам. Скоро Сергей Петрович проскользнул в темный пролив между островками и направился к северному берегу озера.

Высадившись на материк, Лисицын увидел огни на Цветочных островах и людей, отыскивающих его с зажженными лучинами в проливах и кустарнике. Возблагодарив Бога за чудесное спасение, он нашел опасным оставаться в бездействии и, вскочив в челнок, поплыл на запад, держась в тени берега. Сергей Петрович так устал, что с трудом управлялся с веслом, однако опасение быть пойманным китайцами поддерживало в нем энергию. Если бы теперь повстречалась ему лодка, он не смог бы с ней состязаться.

Вот Приют остался далеко позади. Плыть к нему Лисицын не решился, уверенный, что китайские лодки крейсируют перед входом в залив. Оставалось плыть к западным островам. Туда он и прибыл благополучно с наступлением зари. Выбрав крайний лесистый остров, он спрятал челнок в частом кустарнике и, совершенно измученный, заснул на берегу.

Когда Лисицын проснулся, солнце уже садилось. Долгий крепкий сон освежил его и возвратил силы. Теперь нашего героя взяло раздумье: плыть ли к Приюту или оставаться здесь ещё на сутки-другие, пока китайцы успокоятся и сделаются менее бдительными. Здравый смысл восторжествовал — он остался.

Среди ночи Сергея Петровича разбудил сильный удар грома, которому долго вторили перекаты по лесистым холмам. Лисицын удивился, не увидев на небе ни одной тучи и не услышав более повторения грозы. Неужели это землетрясение? Во всё время пребывания на Приюте не было слышно ни одного подземного удара. А что, если это взрыв мины, снова подведенной под цепь?

Эта мысль заставила Лисицына заволноваться. Его товарищи так беспечны и неосторожны. Если бы не постоянная его бдительность по ночам, китайцы давно прорвались бы в бухту. Но в таком случае защитники Приюта находятся в большой опасности! Лисицын решил немедленно отправиться к ним на помощь. Весло в могучей руке его энергично рассекало воды озера. Через несколько часов Лисицын достиг западного, неприступного, берега Приюта. Уверенный, что китайцы ночью не начнут атаки, он поплыл вокруг острова и приблизился к проливу. Прежде чем повернуть в пролив, он тщательно осмотрел местность и, не видя неприятеля, начал

осторожно подвигаться вперед, держась как можно ближе к скалистому берегу.

Достигнув места, где была протянута цепь, он увидел, что препятствия в проливе больше не существует. В бухте он заметил лодку с людьми, но кто это были, китайцы или защитники Приюта, в темноте различить было невозможно. Лодка стояла на месте. Очевидно, это китайские лазутчики, высматривающие блокгауз. Лисицын ещё раз пожалел, что у него нет оружия. Он продолжал осторожно двигаться вдоль берега бухты, и, к счастью, неприятель его не замечал.

Через несколько минут шпионы направились к проливу и остановились перед его устьем. Вода доносила неясные звуки их сдержанных голосов. Наш храбрец поспешил воспользоваться этим благоприятным для него случаем и, скользя как тень, причалил в удобном месте, привязал челнок к кусту и, спрыгнув на землю, начал осторожно подниматься к блокгаузу. Повсюду царствовала совершенная тишина.

Лисицын сначала порадовался, что его товарищи ведут себя так осмотрительно. Потом вдруг усомнился: не бросили ли они блокгауз и Приют, не завладели ли китайцы островом? В таком случае ему самому следовало подумать о своей безопасности. Волнуемый такими мыслями, он подошел ко рву напротив двери, перед которой доска, служащая мостом, не была снята, и остановился в нерешительности.

В это время со стороны бухты слышались голоса — верный знак, что его челнок найден китайцами. Сергей Петрович осторожно отворил дверь, потом запер её изнутри засовом, повернул в узенький коридорчик. Внутренняя дверь была притворена неплотно. Он заметил слабый свет, пробивающийся сквозь щель. Это служило доказательством обитаемости блокгауза. Лисицын обдумал свое положение и решил: если в укреплении противников не больше двух, попытаться вступить с ними в борьбу и отсиживаться потом в блокгаузе или сдаться на выгодных условиях; если гарнизон многочислен, сдаться добровольно, без борьбы. Он тихо отворил дверь — на всём пространстве, какое мог охватить его быстрый

взгляд, никого не было. В тишине слышалось храпенье спящего человека. Тогда герой наш вошел в здание, запер засовом и внутреннюю дверь. В блокгаузе оказался один часовой, крепко спавший, укрывшись с головой бумажным китайским одеялом. Рядом горел угасающий ночник, освещая разбросанное в беспорядке оружие, железные ломы и топоры.

Лисицын схватил попавшуюся на глаза веревку и валявшуюся на полу медвежью шкуру, подкрался к спящему, с намерением связать его и сделаться единственным хозяином укрепления. Он быстро накинул на спящего медвежий мех и, придавив его грудь коленом, начал вязать ему ноги.

— Караул! Режут! — раздались глухие восклицания из-под шкуры.

Лисицын, услышав русскую речь, соскочил со своей жертвы, сбросил шкуру и одеяло с лица незнакомца. Перед ним лежал вконец перепуганный Василий.

— Батюшка, Сергей Петрович! — обрадовался и одновременно сконфузился часовой, узнав Лисицына и крепко его обнимая. — А я глаза проплакал, считая вас пропавшим... Ведь это я только потом смекнул, что для спасения моего вы подставили голову свою китайцам.

— Теперь ты видишь, что хитрость моя принесла пользу. Мы оба целы и опять вместе на Приюте. Но где остальные, неужели тебя бросили товарищи?

— Как это можно? Мне нездоровилось, они и оставили меня здесь, а сами после проклятого взрыва стерегут бухту.

— Хорошо стерегут, нечего сказать! Не увидели меня ни в челноке, ни проходящим сюда. Да и тебя, дружище, похвалить нельзя: отпустив товарищей, не снял моста, не запер дверей и вдобавок заснул.

— Чего ж мне бояться, когда шестеро товарищей стерегут остров?

— Но меня они не заметили! Кто поручится, что они не прозевали и китайских лазутчиков? По оплошности вы допустили прорвать цепь и могли отдать блокгауз без боя, если б китайцы догадались тайком сюда пройти.

— По правде, мы кругом виноваты. Без вас словно голову потеряли...

— Китайцы стерегут пролив. Утром они, наверное, сделают нападение... Товарищи проговорили до рассвета. Утром Лисицын через бойницу оглядел бухту и уверился, что встреченная им ночью лодка была Романова, поэтому китайцы ещё не смогли овладеть островом. Не нахожу слов, чтобы описать радость защитников Приюта, когда они обнимали воскресшего Лисицына. Они признали свои ошибки и снова присягнули повиноваться всем распоряжениям Сергея Петровича.

Лисицын приказал привести в порядок внутренние помещения блокгауза и изготовить к бою огнестрельное и холодное оружие. Одну из мортир спустили в ров и установили на прочном деревянном помосте. Туда же спустили несколько корзин с камнями и маленький бочонок пороху. Роман наконец научился целиться из пушки.

Около девяти часов китайская флотилия показалась в проливе. Осажденные встретили неприятеля ядрами, но лодки быстро подвигались вперед, отвечая пушечным и ружейным огнем. Лисицыну удалось удачным выстрелом потопить одну лодку. Это, однако, не помешало остальным прорваться в бухту. Тогда Лисицын спустился в ров и начал кидать из мортиры корзины с камнями, наносящими китайцам большой вред. И всё же, несмотря на геройские усилия гарнизона, неприятель высадился на берег и направился к ферме. Черный столб дыма свидетельствовал о мщении неприятеля за понесенные потери. Лисицын спустил другую мортиру в ров на западной стороне блокгауза, чтобы было чем встретить нападение со стороны фермы. Он определил, что в осадном отряде не более пятидесяти человек; против такого числа можно было защищаться в блокгаузе. Пушка и мортира поражали китайские лодки с провиантом и военными припасами. Словом, герой наш находил положение гарнизона не совсем отчаянным.

Днем меткая пуля Лисицына поражала каждого, кто осмеливался на ружейный выстрел приблизиться к блокгаузу; ночью неприятель ничего не предпринимал.

На следующий день удалось потопить лодку с артиллерийскими орудиями и снарядами, но храбрых защитников беспокоил стук топоров, доносившийся с фермы.

— Что они там строят? — волновался Василий.

— Должно, избу рубят для зимовки, — отозвался кто-то.

— Я полагаю, друзья, — сказал Лисицын, — китайцы рубят хворост, чтобы ночью сжечь наш блокгауз. И это им будет сделать легко, если мы не примем меры. Наполните все наши кадки и ведра водой.

— Хитры будут, ежели землю зажгут, — возразил Василий.

— Они зажгут наши деревянные бойницы и навес потолка, стоит только накидать в ров побольше зажженного хвороста. Но вы не робейте, братцы, с Божьей помощью мы и с огнем справимся. На всякий случай приготовьте мочальные швабры на длинных древках да посмотрите, исправны ли багры, ломы и топоры. Когда наступила ночь, Лисицын спустился в ров, приготовил к выстрелу мортиру и к нескольким корзинам с камнями привязал факелы, опудренные серой и пороховой мякотью. Всем товарищам он приказал находиться у бойниц и стрелять только на свет от выстрелов для поражения врагов.

В полночь Лисицыну послышался шорох со стороны фермы. Глаза его, привыкшие к темноте, стали различать приближающиеся черные массы. Он выстрелил из мортиры — ему ответили крики и проклятия, доказавшие, что камни нашли виноватых. Стрелки гарнизона открыли меткую стрельбу, чему способствовали куски горевшего факела, освещавшие поляну. Китайцы всё же двигались вперед, неся охапки хвороста. Однако второй выстрел из мортиры принудил их обратиться в бегство. Многие раненые со стонами уползали в лес, чтобы поскорее скрыться от свистящих пуль и камней.

— Теперь они не решатся подойти к блокгаузу, — сказал Лисицын. — Можете покойно спать. Я буду караулить до утра.

Следующий день прошел без всяких приключений. Даже лодки удалились из бухты и не осмеливались показаться в проливе, опасаясь ядер и дождя камней из блокгауза. Выспавшись днем,

Лисицын ночью решился сделать рекогносцировку неприятельского бивака. Он вышел из укрепления и пополз задом по прогалине, чтобы китайцы приняли его за своего шпиона, благополучно добрался до леса, а там знакомыми тропками подошел к неприятельскому отряду. Несколько часовых расхаживали в виду блокауза, остальные воины спали. Из большого шалаша раздавались стоны раненых. Поблизости от бивака лежали мешки с рисом, а возле них возвышался огромный ворох сухого хвороста. Артиллерии не было видно — это успокоило Лисицына.

На прощание Сергей Петрович сунул в хворост пучок зажженных серных спичек и поспешил в блокауз. Когда его уже впустили в укрепление часовые, вся местность вдруг осветилась. Неизвестно, догадались ли китайцы о причине пожара, от которого сгорел весь их запас риса, но на следующий же день они решились завладеть блокаузом во что бы то ни стало.

В самый жар, когда полуденные лучи солнца почти отвесно падали на землю, Роман, наблюдавший за неприятелем, заметил что-то вроде дымного змея, который с шипеньем поднялся из-за кустов с западной стороны и перелетел через блокауз в бухту. Испуганный этим явлением, он поспешил разбудить товарищей. В это время два таких же змея упали на земляную кровлю блокауза и застлали удушающим дымом часть поляны перед укреплением. Защитники растерялись.

— По местам! — скомандовал Лисицын. — Намочите швабры и приготовьте ведра с водой. Китайцам не удалось сжечь нас хворостом, так они начали пускать зажигательные ракеты. Смотрите, братцы, в оба! Чуть где затлеет дерево — не жалейте воды!

Тотчас одна ракета влетела через бойницу в блокауз, а две другие упали на покатости насыпи перед бойницами. Люди бросились было тушить огонь в блокаузе, но громовой голос начальника образумил их:

— Никто не оставляет своего поста и тушит перед собой. Охранять внутренность блокауза буду я!

Лисицын схватил ракету и опустил её в колодец концом, извергающим струю пламени. Часть бревенчатой стены, затлевшей

от огня, обработал мокрой шваброй. Товарищи, успокоенные его хладнокровием, не пожалели нескольких ведер воды на стенки блокгауза, не прикрытые землей. Между тем ракеты стали летать чаще, и беспокойство гарнизона усилилось.

— Не робейте, товарищи, китайцы не умеют направлять свои ракеты так, чтобы произвести пожар. Для нас опасны только те, которые влетят в бойницу или упадут на краю рва по другую сторону укрепления, а вы сами видите, это удалось им только раз.

— Вот они сейчас будут штурмовать! — закричал Роман, указывая на толпу китайцев, показавшуюся из перелеска. — Две пушки тащат за собой.

— Это не пушки, а станки для пуска ракет, — успокоил его Лисицын. — Пушек им выгрузить на берег не удалось. Будьте бдительны, друзья мои, а я постараюсь разогнать их выстрелами из мортиры.

Проскользнув в едва отворенную наружную дверь, он спустился в ров и, не обращая внимания на летающие ракеты, начал осыпать китайцев камнями. Они не выдержали больше трех выстрелов и скрылись в лесу, оставив на поле восемь раненых. Прекратился и ракетный огонь. Воцарилась совершеннейшая тишина. Солнце светило по-прежнему, птички весело пели в лесу, сражения как будто и не было, только пустые ракетные гильзы валялись вокруг блокгауза, напоминая о недавнем нападении.

— Не чаял я, что мы так дешево отделаемся, — улыбался Василий. — А уж страху я натерпелся...

— Научились бы лучше бомбы бросать, — поддакнул Роман. — А то сжечь нас удумали.

— Надобно Бога благодарить, что нет у китайцев мортир и бомб, а также пушек. Иначе они бы легко нас одолели. А пуль бояться нечего. Нам же нужно лучше метить, не торопиться стрелять и быть всегда настороже, — подвел итог Лисицын. — Лодка! — закричал часовой.

Лисицын встал у пушки. Большая лодка, нагруженная мешками, вероятно, с рисом, медленно плыла по проливу. Ядро с визгом ударило в воду близ лодки. Гребцы в страхе поспешили уйти назад, сопровождаемые убийственным огнем стрелков.

Гарнизон собрался обедать, когда со стороны фермы раздался выстрел и перед блокгаузом что-то упало на землю. Произошел взрыв — и маленькие огненные змеи во всех направлениях запрыгали, зашипели вокруг укрепления; некоторые влетели в блокгауз, наполнив его удушливым дымом. Это привело осажденных в ужас.

— Горим! — закричал один из стрелков.

— Тушить! — скомандовал Лисицын. — Не жалейте воды! Это бурак со шверманами; они скоро прогорят.

Лисицын бросился к крышке над пороховым погребом, на которую упал шверман. Сбросить шверман в колодец и залить крышку водой было делом минуты, но твердое сердце нашего героя извело страх в эту критическую минуту. Между тем другие шверманы произвели пожар в нескольких местах.

— Василий, сюда! — кричал Лисицын, выплескивая ведро воды.

Остальные защитники укрепления тушили огонь, доставая из колодца бадью за бадьей и заливая очаги пламени. Смердящий дым едва позволял дышать — пришлось открыть бойницы.

— Лодка! — закричал Лисицын, глянув в открытую амбразуру.

— Бурак! — вторил ему Роман.

Раздался взрыв — и шверманы опоясали пламенем всю западную сторону блокгауза.

— Горим! Горим! — запаниковали стрелки.

— Тушите! — командовал Лисицын, заряжая пушку.

На этот раз ядро разметало несколько мешков в лодке и сбило гребца. Китайцы снова обратились в бегство, да так поспешно, что Лисицын едва успел выстрелить из ружья им вдогонку.

— Смелей, товарищи! Неприятель прогнан. Не жалейте воды! Дружней! — раздавались звучные приказания Лисицына, который, выйдя из блокгауза, с помощью небольшой лестницы взбирался к горевшим местам наружной стены и тушил их, то обливая водой, то ударяя мокрой шваброй.

— Берегитесь, Сергей Петрович, бурак! — прокричал Роман. Но Лисицын хладнокровно продолжал свое дело. Бурак упал, не долетев до укрепления, и не причинил никакого вреда осажденным. Метание

бураков прекратилось. Русские больше получаса ждали нападения, но, не видя со стороны неприятеля никакого покушения на овладение укреплением, начали умываться, чтобы потом утолить голод.

— На колени, товарищи! — призвал Лисицын. — Прежде чем станем обедать, возблагодарим Бога за наше спасение.

Отдохнув и сытно поев, люди принялись приводить в порядок здание. Наполнили водой кадки, попрятали легко возгорающиеся вещи в погребок с провизией. Так окончился памятный для них день. Солнце великолепно закатилось, и яркая заря зажглась на горизонте. Вскоре полный месяц показался на небе, обещая светлую ночь.

— Неприятель! — закричал сторожевой.

Лисицын взглянул через бойницу в подзорную трубу. Вдали, между деревьями, толпы китайцев осторожно двигались к бухте. Одни несли на носилках раненых, другие тащили оружие, сгибаясь под тяжелой ношей. Лисицын догадался, что неприятель, отчаявшись взять блокгауз, решил оставить остров.

— Нападения на нас теперь не будет, — сказал он. — Китайцы ждут лодки с провиантом и артиллерией. Мы не должны этого допустить.

Опасаясь хитрости неприятеля, Лисицын не позволил зажигать в блокгаузе огонь и выставил часовых у бойниц каждой стены укрепления, убеждая всех быть наготове к бою. Около полуночи китайцы спустились из леса на отлогий берег бухты — в проливе показались четыре лодки. Лисицын был у мортиры, Роман встал у пушки, прочие заняли места у бойниц.

— Стреляй! — скомандовал Лисицын.

Когда ядро шлепнулось в воды залива, он выстрелил по людям, расположившимся на берегу бухты. Каменный дождь произвел большое опустошение в толпе. Многие бросились к лесу, некоторые попрыгали в воду. Брошенные на берегу раненые отчаянно стонали. Дав мортире большой угол возвышения, Лисицын осыпал камнями лодки. Гребцы, поражаемые и навесным, и прицельным огнем, вынуждены были повернуть назад. Лисицын прекратил стрельбу. Бежавшие в лес возвратились к раненым.

— Должно быть, Сергей Петрович, китайцы желают убраться с Приюта, — сказал Роман. — Не лучше ли отпустить их на Ореховый? Василий починит цепь, и мы опять запрем пролив.

— Нет, братец, их нельзя так пускать. Пусть заключат мир или хотя бы перемирие и отдадут наши лодки.

В это время защитники крепости увидели китайца с белым флагом. Остановясь за рвом, он объяснил знаками и исковерканными русскими словами, что у них в отряде много раненых, рис сгорел, больше суток они ничего не ели и все умрут от голода, если дух добра не вложит в сердца русских милосердия.

Лисицын с помощью Василия отвечал, что он охотно даст им пищи и отпустит с острова, если они поклянутся вернуть захваченные у русских лодки и отплывут на родину, окончив эту несправедливую войну. Парламентер обещал немедленно уведомить об этом предложении главного начальника, а Лисицын с тремя товарищами вынес на конец гласиса мешок сухарей, мешок сушеного мяса и мешок пшеничной муки. Надобно было видеть с какой признательностью подошедшие китайцы взяли пищу. Тотчас разложили на берегу огни и начали печь из муки лепешки, а сухари с мясом размачивали в воде. Утром китайский главнокомандующий прислал двух мандаринов для переговоров и возвратил лодки. Оба мандарина, Лисицын, Роман и Василий важно уселись на медвежьих шкурах, разостланных у подошвы гласиса, и заключили мирный договор. Китайцам позволялось беспрепятственно возвратиться на родину после клятвенного обещания не сражаться с русскими один год и один день. Всю артиллерию они отдавали русским. Лодки свои, переплыв озеро, должны были потопить.

На выполнение этих условий давалось два дня сроку. Эти два дня осажденные употребили на исправление блокгауза, а ночами тайно возвратили из Кедровой долины стадо и лошадей. Товарищи осмотрели ферму: оба флигеля остались целы, а все надворные пристройки были сожжены.

Наступил день отплытия китайцев. Лисицын, чувствуя себя сильно нездоровым, не смог сам отправиться с товарищами и поручил начальство над отрядом Роману. Дав последние наставления, Сергей

Петрович пошел в блокгауз, как вдруг заметил, что и Петруша садится в лодку. Опасаясь, чтобы он своей известной трусостью не затруднил товарищей, Лисицын приказал ему остаться, но неотступные просьбы мальчика и заступничество Василия заставили его согласиться отпустить Петрушу в эту безопасную экспедицию.

Янси стоял на берегу, когда товарищи его садились в лодку. Лисицын едва дотащился до укрепления, улегся под меховое одеяло, чтобы пропотеть, и наконец заснул. На другой день ему сделалось легче; он напился чаю и снова постарался заснуть. Товарищи должны были вернуться к вечеру.

Наступила ночь, а защитники приюта не возвращались. Лисицын беспрестанно прислушивался, не стучит ли кто, но повсюду было тихо. Грудь его сжималась предчувствием несчастья. Как только стало светло, он навел подзорную трубу на Архипелажное озеро, напрасно вопрошая даль о судьбе своих сподвижников. Его глазам предстали только разбросанные острова, зеркальное озеро, горевшее пурпуром зари, да стаи гусей и уток, плавно двигавшиеся по тихим волнам. Беспокойство Лисицына возрастало с каждым часом. Он то досадовал на себя — зачем не поплыл с товарищами? — то утешался мыслью, что они задержались из-за медлительности китайцев, обремененных ранеными. Когда же прошел и третий день ожидания, Лисицын знал: с товарищами случилось что-то худое. Он вскинул на плечо ружье и пошел на ферму. Прежде всего ему хотелось переговорить с Янси, но китайца на ферме не оказалось. Лисицын начал громко звать товарища, но ему отвечало только лесное эхо; китаец не являлся. Вместо него прибежали тощие, голодные собаки.

Мысль, что Янси оставил Приют, поразила Лисицына. Он дошел до бухточки, поглядеть тут ли маленькая лодочка, оставленная для него — лодочка оказалась на месте. Лисицын снова начал звать Янси, но опять без успеха. Вторично осматривая ферму, он заметил, что скот брошен, печь давно не топилась, коровы не выдоены. Лисицын решил, что товарищи взяли Янси как переводчика. Лисицын накормил собак, выдоил коров, не имевших телят, и, запасшись съестными и боевыми припасами, решил дожидаться утра на берегу бухточки, чтобы с рассветом пуститься на поиски. В это время, одна

из молодых очень рослых овчарок, Полкан, прибежала к Лисицыну и осыпала его ласками. Эта собака особенно любила смелого охотника. Сергей Петрович обрадовался верному другу и, накормив, уложил возле себя. Сам он спать не мог: лишь только впадал в забытие, как ему представлялись товарищи, окровавленные и обезглавленные. Будучи не в состоянии более выдерживать эту душевную пытку, Лисицын ещё ночью сел в лодку и вместе с верным Полканом, пользуясь светом звезд, поплыл по хорошо известному ему озеру.

Рано утром приплыл он к Луговому острову, на котором не нашел никаких следов. Перед вечером он прибыл к китайскому причалу на озере. Здесь Лисицын увидал все китайские лодки затопленными близ берега — китайцы выполнили договор. Лишившись сна от сильного волнения, смелый охотник решил идти ночью к Алмазной реке. Скрыв лодку в береговом кустарнике и немного подкрепившись, он в сопровождении верной овчарки зашагал по опушке леса, но силы его, подорванные болезнью, не позволяли ему быстро выполнить свое намерение. Он часто ложился на землю для отдыха. К рассвету он прошел только половину пути. До реки оставалось ещё несколько верст, как вдруг Полкан остановился и с яростью залаял. Лисицын, не забывая об осторожности, глянул в кусты, где увидел брошенное тело мертвого китайца. Это доказывало особенную поспешность неприятеля при отступлении его к Алмазной реке.

Теряясь в догадках, Лисицын пришел к тому месту, где обыкновенно причаливали китайские джонки. Берег был совершенно пустынным. Неужели Роман и остальные были так неосторожны, что позволили захватить себя в плен? Или, атакованные значительными силами, они отступили в лес?

Чтобы проверить последнее свое предположение, Лисицын тщательно осмотрел местность: трава повсюду была свежа, на деревьях не нашлось ни одного следа пуля, на земле не видно ни крови, ни обломков оружия — словом, ничего, что означало бы борьбу. Итак, товарищи его без боя позволили китайцам забрать свои вещи. Обдумав хорошенько последнее обстоятельство, Сергей Петрович нашел, что его сподвижники поступили умно, ведь их

отряд был таким малочисленным. Стало быть, они далеко выслеживают путь неприятеля и оттого так долго не возвращаются. Утешенный этой мыслью и желая быть замеченным товарищами, Лисицын развел большой огонь и начал завтракать, не забывая награждать Полкана лакомыми кусочками. Вдруг взгляд его упал на шест с крепко привязанной наверху бумажкой. Он поспешил достать и развернуть записку. Кусочком свинца было нацарапано: «Любезный, дорогой Сергей Петрович, мы все решили идти на Амур. Дело опасное, но милостив Бог. Я видел, вам прилюбился остров, так живите на нем. Дойду до Нерчинска, выпрошу у начальства вам помощи, тогда, может, и сам приду повидаться. Простите меня, Христа ради!» Внизу подпись: Василий.

Лисицын почувствовал нестерпимую боль в сердце, потом прилив крови к голове. Всё вокруг завертелось в каких-то кровавых кругах, и он без сознания повалился на траву.

ЧАСТЬ III

Лисицын пришел в чувство благодаря стараниям преданного Полкана. Пес с жалобным воем то лизал ему лицо и руки, то тормошил за платье, как бы стараясь разбудить. Горестно было пробуждение бедняка, оставленного товарищами, которым он спас жизнь и с которыми братски делил и горе, и радость, и нужду, и приволье, но радость верной собаки убеждала его, что этот косматый друг никогда ему не изменит и его не оставит.

Это печальное событие потрясло мужественного молодого человека. Медленно, с передышками, с поникшей головой он побрел домой, моля Бога не дать ему упасть духом в его безотрадном одиночестве. Лисицын только к ночи дошел до озера, переночевал в лодке под охраной Полкана. Сон несколько укрепил его силы. Отыскав большую лодку товарищей в тростниках и привязав её к корме своей лодочки, он поплыл, с трудом ворочая веслами. Только к ночи, совсем выбившись из сил, он достиг Орехового острова. Испытывая неведомый до этого времени страх, он не решился плыть на Приют ночью. Приписывая это сильному расстройству здоровья,

Лисицын заночевал на Ореховом острове, проспав как убитый до восьми часов утра. Великолепный солнечный день немало способствовал бодрости духа Сергея Петровича.

Помолясь усердно Богу, Лисицын поплыл на Приют. Здесь всё напоминало ему о счастливых днях, проведенных с добрым, честным Василием, к которому он привязался всем сердцем. Теперь он был совершенно одинок. Не заходя в блокауз, он поспешил к стаду, которое нашел хотя в разброде, но в целости, под охранной сильных овчарок.

Возвратясь к укреплению, он крайне удивился, найдя висячий замок на двери сломанным. Взяв в обе руки по пистолету и пустив вперед Полкана, Лисицын вошел в укрепление. Его удивление ещё более усилилось, когда он нашел здание пустым, а платье, оружие и все вещи разброшенными. Чайный погребец был взломан, и водка, хранившаяся во флягах, выпита, а в сундуке с китайским серебром не оказалось пятидесяти слитков. Стало ясно, что здесь был вор. Кто же мог быть этим вором? У эк не Янси ли? Он знал, что товарищи не возвратились и, воспользовавшись болезнью Лисицына, спрятался, выжидая благоприятного случая обокрасть. Когда же он увидел, что и Лисицын отплыл к Алмазной реке, воспользовался... Размышление привело Лисицына к заключению: если обокрал его Янси, он должен скрываться или на Приюте, или в Кедровой долине. А значит, его легко поймать и наказать. Если же это кто-нибудь другой? Лисицын поспешил на Сторожевую скалу, с которой в подзорную трубу обозрел окрестности, но нигде не увидел лодки.

Вдруг на северной стороне, недалеко от озера Глубокого, он заметил поднимающуюся из леса струйку черного дыма. Вскочив с Полканом в лодку, Лисицын скоро доплыл до северного берега Глубокого озера. На песчаном берегу охотник увидел отпечаток огромного сапога с каблуком, подбитым грубыми гвоздями, а в нескольких шагах от этого места опытный глаз его нашел корму лодки, тщательно спрятанной в кустах. Осторожно подкрался — она была пуста. По устройству лодка была китайская, а сапоги, подбитые гвоздями, изобличали в незнакомце русского. И лодка на берегу, и

свежие следы доказывали, что неизвестный гость находится недалеко, а дым, виденный со скалы, произведен им.

Подозвав Полкана и приказав ему искать, Лисицын пошел в том направлении, где видел дым. Вскоре свирепый лай овчарки уведомил его, что незнакомец найден. Поспешив к тому месту, Лисицын увидел человека среднего роста, по-видимому, слабого сложения, зверской наружности, с рыжими всклооченными волосами и редкой бороденкой. Он, опрокинутый на землю, топором отмахивался от Полкана. Возле лежали ружье со штыком и мешок с украденным серебром.

При взгляде на отвратительного вора первым побуждением Лисицына было застрелить негодяя, но христианское чувство остановило его руку, уже готовую спустить курок.

— Али ты не крещенный? Убить лежащего с поломанной рукой и ногой?! — дерзко прокричал незнакомец, продолжая отмахиваться от собаки.

Уверившись, что вор действительно не может встать, Лисицын опустил ружье, отозвал собаку и, приказав бросить топор, подошел к незнакомцу. Скоро Сергей Петрович узнал, что имеет дело с каторжником, бежавшим из тюрьмы. Негодяй украл солдатское ружье и, скитаясь по лесам, вышел наконец к Глубокому озеру. Он видел, как китайцы удалились с острова, сопровождаемые русскими, и как Лисицын уплыл за ними. Добравшись вплавь до ближайшего островка, каторжник нашел там забытую китайцами лодку и на ней приплыл на Приют. Когда он уверился, что на острове никого нет, обшарил флигель — ничего там не нашел, осмотрел блокгауз — выпил водку, найденную в погребе, и похитил столько слитков серебра, сколько мог унести.

Сегодня утром, заметив две лодки на Ореховом острове, каторжник поспешил убраться на берег, чтобы вернуться ночью, перерезать всех обитателей Приюта и вступить во владение островом. Когда он увидел Лисицына, отыскивающего его с ружьем, полез спрятаться на дерево, сорвался, переломал руку и вывихнул ногу. Негодяй рассказал всё это с отвратительным бесстыдством.

Отобрав у каторжника всё, чем тот мог бы нанести рану, Лисицын, по-христиански сострадая, перевязал ему руку и ногу, помог есть. Пока негодяй утолял голод, герой наш обдумывал, как с ним поступить. Взять с собой — опасно, он может найти случай убить своего спасителя, оставить здесь — значит, отдать на съедение хищным зверям. К счастью, Сергей Петрович вспомнил, что на противоположном берегу Алмазной реки, выше её порогов, есть небольшая пещера с узким входом, которая легко может быть превращена в жилье. Он решил там поместить больного. Каторжник с большим трудом дополз до лодки и только при помощи Лисицына смог поместиться в ней. Когда кормчий направил её в сторону, противоположную Приюту, беглый грубо спросил:

— Куда ты везешь меня, почему не к острову?

— Для твоей же безопасности. Мои товарищи за подлые твои поступки непременно вздернут тебя на осине.

Лисицын чувствовал сильное отвращение вести беседу с таким гнусным человеком. Приплыв к гроту уже вечером, он приготовил для каторжника постель из мха, оставил ему провизию, его солдатское ружье на случай обороны, сосуд с водой и отправился на Приют, обещав через день вернуться.

Теперь Лисицын был уверен в своей безопасности. От каторжника его отделяла широкая и быстрая река, переплыть которую было не просто даже для здорового и опытного пловца. На следующий день он сколотил из прочных дубовых досок массивную дверь, вбил, где следует, железные петли и скобы для запираения изнутри. Сложив в лодку плотничью работу, большой запас разнообразной провизии и охотничье ружье, он через день явился к Трифону — так звали каторжника, — который вместо благодарности встретил его отчаянной бранью.

Лисицын пробовал укротить этого зверя в человеческом образе христианскими увещеваниями, но все его попытки возбуждали в каторжнике только гнев, он неистово ругался. Не желая больше раздражать больного, Лисицын принялся прилаживать дверь у входа в пещеру. Оставив Трифону воды, провизии и охотничье ружье, заряженное дробью, герой наш отобрал у него ружье солдатское,

очень опасное в руках злого человека, и вернулся на Приют, не решаясь провести ночь возле такого негодяя.

Шесть недель Лисицын навещал больного, оказывая ему помощь и желая добрыми словами смягчить его сердце, но пороки так глубоко пустили корни в сердце этого злодея, что он по мере возвращения здоровья делался всё свирепее. Во время своих посещений Лисицын сложил в пещере русскую кухонную печь, снабдил Трифона глиняной и деревянной посудой и достаточным запасом дров. Эти поездки отнимали у него много времени. Впрочем, он всё же успел посеять яровые. Озимые, скошенные перед нашествием китайцев, снова пошли в рост. Трифон наконец выздоровел, но на правую ногу остался хром, а левою рукой не мог владеть свободно. Как только он перестал нуждаться в каждодневной посторонней помощи, Лисицын стал ездить к нему раз в неделю. Когда же наступил покос, он целый месяц не мог навестить каторжника. Это до того рассердило Трифона, что он встретил Лисицына выстрелом и только по счастливой случайности не убил его.

Лисицын не мог воздержаться от гнева: он поверг каторжника на землю ударом своего богатырского кулака, вырвал у него ружье и не возвращал более. После этого случая он навещал Трифона только раз в месяц и всегда принимал меры предосторожности: причаливая в стороне от пещеры, он складывал провизию на берег и подзывал каторжника, чтобы тот забрал припасы.

Однажды перед началом жатвы Лисицын привез Трифону съестные припасы, но на зов его Трифон не откликнулся. Предположив, что тот заболел, Лисицын причалил к гроту. Действительно, болезненные стоны раздавались из пещеры. Молодой человек беззаботно отворил дверь, но тут же получил удар по голове дубиной. Лисицын сначала защищался более по инстинкту самосохранения, но постепенно приходя в боевой азарт, он сбросил с себя каторжника, наступил ногой ему на грудь и отнял нож.

Злодей яростно завыл от злости и боли. В этой схватке Лисицын получил три легкие раны: две — в руку и одну — в бок, здесь нож, дурно направленный, только скользнул по ребрам. Отбросив негодяя в угол с такой силой, что Трифон лишился сознания, Лисицын

бросился в лодку, наскоро перевязал раны и отправился на Приют. Однако мысль, что он, может, убил Трифона, заставила его вернуться. Каторжник всё ещё лежал без чувств. От удара головой о стену, из-под волос выступила кровь. Осмотрев рану, Лисицын удостоверился, что череп цел, а рассечена только кожа. Приложив к ране паутину, он остановил кровотечение, потом, окатив Трифона холодной водой, привел его в чувство.

— Страшно умирать, — слабым голосом проговорил Трифон.

— Раскайся в своих преступлениях и живи как Бог велел, тогда и смерть не станет казаться ужасной.

— Будь ты проклят со своими речами! — завопил каторжник.

— За что ты меня ненавидишь? Кроме добра, ты от меня ничего не видел!

— Ненавижу за то, что ты держишь меня в этой берлоге. Ненавижу за то, что ты отобрал у меня всё, чем бы я мог убить тебя!

Ненавижу за то, что ты сильнее меня, что ты живешь в довольстве, а я питаюсь твоей подачкой. Ненавижу за то, что ты здоров и красив, а я хил и калека, что ты господин, а я мужик. А пуще всего ненавижу за твою доброту, она меня бесит! Лучше бы ты пришиб меня...

— Послушай, Трифон, если ты исправишься, я даю слово взять тебя на остров. Улучшение твоей участи зависит только от тебя самого. Поразмысли об этом хорошенько.

Лисицын вышел из грота и прыгнул в лодку — проклятия и ругательства каторжника сопровождали его отплытие. Всё время пути герой наш рассуждал, как сделать ручным остервеневшего зверя. Взять его на Приют и содержать взаперти? Но этим можно ещё более ожесточить его сердце. Держать при скотном дворе, не пуская в блокгауз? Но он от этого также будет приходить в ярость, а значит, не будет никакой пользы для его душевного исправления. Позволить жить с собой? Но кто поручится, что каторжник не лишит его жизни при первом удобном случае. «А если я отдам ему всё свое лучшее, если сделаюсь его товарищем, братом? — размышлял Сергей Петрович. — О Господи! Быть братом каторжника, может быть, душегубца...» «Что же нашел ты в этом гнусного, — шептала ему совесть. — Сам ты разве не был негодяем в самой ранней твоей

молодости? Правда, ты никого не убивал, но сколько погубил репутаций, скольких людей довел до нищеты и преждевременной смерти азартной картежной игрой? Вспомни, что сам Господь не гнушался разбойников, что он пришел на землю спасти грешных, а не праведных. Искупил свое прошлое христианским добром». После трехдневной борьбы с собой Лисицын отправился к Трифону с твердой решимостью предложить ему жить вместе и совместно пользоваться имуществом. Плывая по реке, Лисицын вдруг увидел на своем берегу мертвое тело, над которым с пронзительными криками вились коршуны. Это был труп Трифона. Вероятно, он решился переплыть реку, но не совладал с быстрым течением и утонул. Прибой выбросил его тело на берег. Лисицыну стало жаль негодяя. Он вырыл на берегу глубокую яму, опустил в нее с молитвой тело, набросал холм и водрузил на нем деревянный крест — символ спасения.

После этого, уже ничем не отвлекаемый, наш пустынник занялся уборкой хлеба и травных семян. Урожай был отличный, но на этот раз он не радовал Лисицына, находившегося под грустным впечатлением недавнего происшествия.

Необходимо было подумать о зимовье для домашних животных. Срубить, как прежде, скотный двор без помощи товарищей он не мог, но придумал устроить особого рода сараи — с кровлей, без перекадин и переметов, очень удобные для лошадей и скота. Эти помещения оказались и довольно теплыми.

Зима, проведенная в одиночестве, показалась Лисицыну долгой и скучной, хотя он и старался развлекать себя чтением и постоянными трудами. Много сделал разной посуды, отличающейся необыкновенным изяществом форм. Всякий день Лисицын ходил на Сторожевую скалу и осматривал в подзорную трубу местность, чтобы не быть застигнутым врасплох китайцами или странствующими бродягами вроде Трифона.

Я давно не говорил вам, любезные читатели, о наружности нашего героя. Он ещё возмужал, лицо его, окаймленное темно-русыми бакенбардами и такой же бородой, сделалось выразительнее и привлекательнее прежнего, поступь стала спокойной, благородной,

осанка величественной, а движения ловкими и изящными. Лесная жизнь не убила в нем аристократических свойств, но отняла лишнюю женственность. Спокойная совесть, чистый воздух, здоровая пища и постоянный труд развили в нем необычайную физическую и нравственную силу. Лисицын часто с признательностью вспоминал сурового капитана, осудившего его на изгнание в необитаемую пустыню и тем положившего начало к его нравственному исправлению, и Василия, подвигшего его к духовному перерождению. Имена обоих благодетелей Лисицын записал в своем молитвеннике, начертал на оконных стеклах спальни, вырезал на колонне солнечных часов, чтобы беспрестанно пробуждать воспоминание о дорогих ему личностях.

Придумывая, как бы облегчить для себя полевые работы, пустынный рассудил, что ему легче будет обрабатывать под посевы землю уже вспаханную, рыхлую, чем каждый раз поднимать новь. Поэтому всю вспаханную землю он разделил на пять полей. На первом поле решил сеять яровые хлеба с семенами лучших комовых трав; на втором и третьем — растить кормовые травы на сено; на четвертом — устроил пастбище и пар с посевом осенью озимых хлебов, на пятом — сеял озимые хлеба. Местность для плантации избрал ниже пруда, чтобы иметь возможность орошать поля в засуху.

Святая неделя наступила вместе с весной. Лисицын встретил праздник торжественно: зажег перед иконами восковые свечи и осветил комнату, в самую полночь пропел «Христос воскрес!» и прочел все молитвы, какие были в молитвеннике. Утром он разговелся пасхой, куличом, яйцами и чаем с густыми сливками. После продолжительного поста, который соблюдал он со всей строгостью, скромная пища показалась нашему пустыннонику чрезвычайно вкусной.

Задав корм скоту, он взошел на Сторожевую скалу, с вершины которой вдруг увидел полунагого человека, разводившего огонь на южном берегу Глубокого озера, прямо против Приюта, с которого незнакомец не спускал глаз, а иногда жестами пытался обратить на себя внимание.

Лисицын немедленно отправился в бухту и, хорошо вооруженный, вскочил в лодку. Ловко работая веслом, скоро домчался до противоположного берега. Как только незнакомец увидал Лисицына на воде, он весело запрыгал, маня пловца к себе. Когда Лисицын подплывал к берегу, услышал, что человек зовет его по имени. Это удивило нашего героя, не узнавшего в оборванце знакомого. Сергей Петрович вышел на берег — незнакомец бросился целовать ему руки, и смеясь и плача одновременно. Теперь только узнал Лисицын своего бывшего товарища, трудолюбивого Янси. Узнал — и сам несказанно обрадовался. Китаец сильно исхудал, оброс и изорвал платье. Сергей Петрович попросил его рассказать, что же с ним приключилось.

— Милостивый господин, — начал Янси, — когда твоя ушел на укрепления, я стоял на берег, глядел, мои товарищи отваливал от берег. Николай сказал, нужен переводчик провожать земляков. Василий не хотел, говорил, начальник болен, одному нехорошо быть на большой остров. Прочие товарищи пересилил, схватил меня и втащил в лодка. Ни жив ни мертв сидел я, прячась за другими, всё боялся: узнают — убьют Янси. Так мы плыли до причал.

Земляки честно потопил лодка и пошел к своим джонки, и мы пошел за ними. Те земляки, что были на джонка, не захотел исполнить договор и нагрузил все свой вещи на суда. Василий хотел не позволить, но Роман и прочий товарищ заспорил, мы все отошли в лес, где сидели, спрятавшись, пока моя земляк поплыл домой. Тут мы пришли на берег, стали обедать. Товарищи много слов говорил, спорил и сердился. Моя боялся драка. Потом утихли; объявили мне с Петрушей, что на Амур идут, а там на русский город Нерчин; меня берут в проводник до Великой реки, а оттуда отпустят на Приют.

Петруша боялся и с нами идти, и на остров бежать — пошел с товарищи. Идем мы три дня вслед за земляками, не спуская с них глаз, но весь мир знает, господин, что китаец хитрее дракона: родичи мои нас заметили, сосчитали и расставили западня.

Идем мы берегом, видим, стоит в кустах лодка без весел, мы обрадовался находке, лодку поясами привязал к иве, сработал весла к ночи и улегся спать. Я дождя побоялся — залез в частый кустарник.

Сплю крепко, вдруг слышу страшный крик: то мои земляки бросились на сонных русских и начали их вязать, Петруша с испугу прыгнул в реку, там и утонул. Я прополз дальше в кустарник, но земляки сосчитали пленных и начали искать меня. Оставалось бежать в лес.

Я слышал, как за мной гнались, слышал, пули свистел мимо ушей; бежал шибко, не оглядываясь. Я боялся умереть в пытках и всё бежал, бежал до тех пор, пока замертво скатился в овраг. Очнулся, но не знал куда идти, заплутал в лесу. Осень ещё ничего, бродить можно, но зима — трудно: мороз жег до костей, тело превращал в камень. На мое счастье, набрел на мертвый волк, содрал с него шкуру и прикрыл себя, ел в дороге коренья, древесную кору и что попало. Нынче утром я очутился близ озера, узнал место и много Бога благодарил, потом скоро сюда шел и разложил большой огонь, чтоб господин меня увидел...

Наружность китайца, жалкая до невозможности, подтверждала его рассказ. Лисицын обласкал его и привез на ферму, накормил и одел в хорошее платье. Собаки с восторгом приветствовали Янси.

В последний день праздника Лисицын привел в исполнение план своего нового севооборота: разбил плантацию на пять полей по четыре десятины в каждом. На другой день приступил к вывозке навоза под яровой посев с травами; запахал навоз, посеял яровой хлеб, а заборонив семена, высеял на каждую десятину по пятидесяти фунтов травяных семян, которые укатал легким деревянным катком. Стадо в течение нескольких лет чрезвычайно размножилось. Особенно значительно увеличилось число овец. Решили с Янси доить только двух коров, а остальных сосали телята. От этого скот сделался ещё крупнее. Такое размножение скота требовало большого запаса корма. Лисицын стал использовать скотину для пропитания. Урожай хлеба в этом году был необыкновенный, чему много способствовало орошение полей во время жаркого лета.

Зима наступила ранняя и суровая, часто играли метели, трещали морозы, каких в прежние годы здесь не бывало. Обитатели Приюта не испытывали холода в своем теплом помещении и не оставались праздными. Лисицын обучал понятливого Янси говорить по-русски, а

у него учился китайскому языку. Янси никуда не отлучался с острова, а Лисицын по старой привычке занимался в свободное время охотой на красного зверя. Таким образом, жизнь его потекла обыкновенным порядком.

Однажды Лисицын собрался в дальний путь на лыжах. Оделся он очень тепло: сверх меховой обуви на нем были панталоны из двойного меха — белка изнутри, выдра снаружи; теплая овчинная дубленка чуть ниже колен и сверх нее свободное пальто их шкуры жеребенка, сшитое на манер неразрезной рубашки с небольшим отверстием для головы; к рукавам были пришиты теплые рукавицы, а чтобы действовать голыми руками, между рукавом и рукавицей было оставлено небольшое отверстие. Это пальто надевалось мехом наружу и доходило до лодыжек. Голову прикрывала меховая шапка из шкурки новорожденного барашка, подбитая изнутри мехом молоденькой белки с широкими, крепко к ней пришитыми лопастями и наплечниками, плотно пристегивавшимися к пальто; лопасти обертывались вокруг шеи, потом накрест на груди и завязывались кожаными ремешками; спереди шапки было пришито забрало, также меховое, приподнятое кверху в виде щитка, которое в случае холодного ветра могло опускаться на лицо и сберегать его от обморожения; для глаз были сделаны маленькие отверстия. Словом, наряд этот отлично защищал охотника от морозов и вьюг. Широкий кожаный пояс стягивал талию; к нему за железное кольцо привязывались салазки с провизией и боевыми припасами. На поясе помещались пистолеты, большой охотничий нож и топор. В руках охотник имел двуствольное ружье.

На этот раз Лисицын взял Полкана, очень к нему привязавшегося, и отправился на запад. Этот край на дальнем расстоянии ещё не был им исследован. Он объявил Янси, что уходит в лес на несколько дней, просил китайца быть осторожным и бдительным.

День выдался солнечный, морозный. Снег ослепительно блестел и производил под лыжами звук чистый, как от санных полозьев. Полкан с веселым лаем галопировал вокруг своего хозяина. Так Лисицын промчался более двадцати верст и очутился на обширной равнине. Слева тянулся дремучий лес, справа на горизонте

виднелись отроги гор. Отдаленная гористая местность наверняка была богата на пушных зверей — туда Лисицын и направил свой бег.

Отыскание переправы через речку с крутыми, обрывистыми берегами отняло много времени. Эта непредвиденная задержка заставила его заночевать на снежной равнине. Нарубив мелкого кустарника, Лисицын развел огонь, согрелся горячей пищей и улегся на медвежьем одеяле. Полкан пристроился рядом. Походная пища нашего охотника зимой обычно состояла из замороженных щей, которые стоило только разогреть в медном котелке, и жареного замороженного мяса, небольшой кусок которого, достаточный для утоления голода, он клал в жестяную коробку вместе с куском хлеба. Эту коробку зарывал в горячую золу — пища делалась пригодной к употреблению. Лисицын брал с собой ещё медный чайник для кипячения воды, чай, мед и фляжку водки для экстренных случаев. Водка, найденная на корабле, давно закончилась, но Лисицын с помощью перегонного куба получал прекрасный спирт в небольшом количестве. Сам он не пил и от товарищей хранил тайну своего производства, а водку рассматривал как полезное лекарство.

Лисицын не помнил, долго ли он спал, когда рычание Полкана заставило его раскрыть глаза. Огонь костра почти потух. В темноте ничего невозможно было рассмотреть. Подбросив в костер охапку хвороста, он хотел было опять заснуть, не обращая внимания на жестокий мороз и пронзительный северный ветер, но Полкан зарычал сильнее, потом ошетинился и залился лаем, оборотясь в сторону гор. Лисицын, проверив ружье, стал пристально всматриваться в темноту. Вскоре на снежной равнине увидел он темное пятно, которое медленно приближалось к огню. Наконец Сергей Петрович различил силуэт человека, с трудом ползущего по снегу. Лисицын поспешил навстречу незнакомцу, не забывая, однако, об осторожности. Ползущий выбивался уже из последних сил и невнятным голосом призывал на помощь. Лицо его было молодо, бледно, не лишено приятности; одет он был в сибирскую малицу; за плечом у незнакомца висела двустволка превосходной работы, за поясом красовался кинжал в дорогих ножнах.

— Вы нездоровы? — спросил Лисицын.

— Я умираю от голода... — отвечал незнакомец слабым голосом с едва заметным акцентом.

— Ободритесь, у меня есть пища.

Доведя незнакомца до костра, Лисицын дал ему несколько глотков водки и, вынув из горячей золы жестянку с жареным мясом и хлебом, радушно предложил поужинать.

— Вы очень добры, — заговорил уже бодрей незнакомец. — По вашим манерам я вижу, что вы человек образованный. Неужели и вас несчастье привело сюда?

— Да. А как вы сюда попали?

— Вы русский... Если я скажу вам, кто я, вы, быть может, лишите меня помощи. Могу ли я говорить с вами откровенно?

— Вы человек, и вы в несчастье; для меня ничего больше знать не нужно.

— Но я считаю обязанностью рассказать вам свою историю, чтобы вы могли поступить со мною по своим убеждениям. Я поляк, граф. Как политический преступник был сослан на жительство в Якутск, оттуда бежал.

— Вам нечего бояться, вы мой гость.

— Однако же коренная ненависть...

— Только не со стороны русских, — перебил его Лисицын. — Когда соберетесь с силами, я дам вам убежище. Вы сами решите, сколько времени будете жить под одной со мной кровлей. Только попрошу вас дать мне честное слово, что вы не употребите вашу свободу для нанесения вреда русским.

— О, в этом я клянусь вам! Мне хочется перебраться в Америку и там в неизвестности кончить дни мои, не вмешиваясь более в политику, которая погубила мою жизнь и уничтожила состояние.

— Это благоразумно. Итак, вы принимаете мое приглашение?

— С величайшей благодарностью, да вознаградит вас Бог! Теперь, получив совершенно неожиданно помощь, я прошу вас оказать такое же благодеяние другим...

— Я не совсем понимаю...

— Верстах в пяти отсюда я видел людей, умирающих от стужи и голода.

— Это ваши товарищи?

— Нет. Это русские, заплутавшие охотники. Их двое, они едва двигались. Один попросил у меня хлеба, но я сам умирал от голода. К счастью, я увидел свет вашего костра и имел ещё силы поползти.

— Сколько времени прошло после того, как вы встретили этих людей?

— Полагаю, не менее трех часов.

— Быть может, я ещё успею спасти их!

Поручив графу поддерживать огонь, чтобы скорее можно было отыскать его, Лисицын помчался на лыжах по указанному направлению, захватив с собой салазки с провизией и прочей поклажей. Обернувшись, Сергей Петрович увидел графа молящимся на коленях и подумал о нем хорошо. Менее чем за час Лисицын промчался до самых гор, но никого не встретил. Потом начал делать круги в стороны, приказывая собаке искать, но поиски остались без успеха. Лисицын уже было подумал, не обманут ли он незнакомцем, но жалобный лай Полкана вывел его на группу людей, употреблявших последние усилия, чтобы не дать друг другу заснуть.

— Слава Богу! — громко сказал Лисицын. — Наконец-то я вас нашел!

— Слава Богу! — отвечали умирающие, крестясь.

Лисицын поспешил дать им по глотку водки и по небольшому куску хлеба, превращенному морозом в камень. Пока несчастные с трудом грызли хлеб, опытный охотник развел большой огонь, к которому поспешили придвинуться заплутавшие путники.

— Благодетель наш, — сказал один из них, — вон за этим пригорком остались ещё двое наших товарищей, если только не отдали они душу Богу...

Лисицын немедленно отправился вперед и вскоре нашел два тела. Люди были ещё живы, но находились в отчаянном положении. Лисицын перенес умирающих к огню. Один из них был brave мужина, другой — мальчик миловидной наружности. Товарищи с усердием стали помогать им. Лисицын вскипятил снеговой воды и заварил чай. Прежде всего умирающим влили в горло немного водки, потом дали размоченного в горячей воде хлеба, наконец, горячего

чаю, кружка с которым ходила по кругу всей честной компании, довольно многочисленной.

Когда путешественники пришли в себя, они рассказали Лисицыну о своих несчастьях. Все они были военного звания, шли из Охотска в Нерчинск с проводниками тунгусами, но жестокая пурга отбила их от каравана; проводник погиб в пути, и они наудачу больше месяца бродили по горам и лесам, пока не оказались у этой реки, умирая от голода и холода.

Лисицын обещал поместить на Приюте всех, кто пожелает разделить с ним труды и опасности пустынной жизни. Путешественники единогласно вызвались состоять под его начальством и работать на острове до тех пор, пока не представится возможность безопасно возвратиться на родину.

— Теперь-то вы готовы на всё, — грустно сказал Лисицын, — а когда соскучитесь, оставите меня, так же как прежние мои товарищи...

— Этого никогда не будет! — вскричали служивые в один голос. — Будь нашим командиром! Ты спас нам жизнь, ты и сбережешь её. Ежели ты отбивался, как рассказал, от китайцев с малым народом, то с нами, настоящими солдатами, отобьешься и подавно.

— Точно так же спас я жизнь и прежним моим товарищам, точно так же они обещали мне повиноваться, но не сдержали слова и попали в плен к жестоким китайцам.

— Братцы, подымайте руки! — закричал один из служивых. — Повторяйте за мной.

Все немедленно подняли руки и громко заговорили:

— Клянемся всемогущим Богом и спасением наших душ во всём повиноваться по чистой совести и по святой правде спасителю нашему и стоять крепко за Русь православную. Теперь веришь ли нам? — спросили присягнувшие.

— Верю, друзья мои, и от души благодарю!

Довольный приобретением верных товарищей, Лисицын оставил их греться у огня и помчался к графу. Он нашел его спящим. Услышав лай Полкана, беглец вскочил, схватил в руки ружье.

— Остановитесь, граф, — закричал Лисицын. — Я вернулся к вам с предложением присоединиться к товарищам, которых благодаря вам мне удалось спасти. Впрочем, если вы предпочтете продолжить ваш путь, — я не стесню вашей воли. — Я готов следовать за вами, — отвечал граф, медленно опуская ружье. — Но я боюсь, что вы вместе с нами подвергнетесь голоду в этих неприятных местах, — добавил он, сопровождая слова свои ласковой улыбкой.

— На этот счет не беспокойтесь. Опытный охотник с хорошим ружьем везде найдет пропитание.

Граф шел, поддерживаемый Лисицыным, а через два часа его уже благодарили солдаты за посланную к ним помощь. Трудно было решить, что сконфузило графа: простые слова солдат или их многочисленность. Он ничего не нашелся им ответить.

Отряд состоял из двадцати человек и красивого мальчика тринадцати лет. Звали его Владимиром. Лисицын познакомился с Гедеоном, дядей Владимира, не получившим ещё офицерского чина; двумя оружейными мастерами с Ижевского завода и двумя пушечными литейщиками, присланными из Петербурга для обучения литью артиллерийских орудий. В отряде были одиннадцать служивых казаков, между которыми Константин казался ловчее и смысленнее других. Владимир был круглым сиротой. За отцом его, горным инженером, была замужем любимая сестра Гедеона. После смерти отца и матери, Гедeon взял племянника к себе и любил его, как родного сына.

Когда рассвело, граф, Володя и ещё несколько человек признались, что идти они не могут. Тогда Лисицын предложил своему отряду дойти до гор, где можно найти более теплое убежище во впадине скалы или в лесу. Все охотно побрели к опушке леса и начали строить шалаши — пещеры в горах не нашлось.

Оставив больных на попечение здоровых, Лисицын отправился на лыжах поохотиться. Полкана он оставил Володе — мальчик успел подружиться с овчаркой. Вскоре наш герой, к радости всех товарищей, притащил двух сайг и этим обеспечил продовольствие отряда.

После обеда Сергей Петрович решил осмотреть ближайшие горы; в товарищи к нему напросился Гедеон, искусный стрелок и охотник, которому граф дал на время свое ружье. Гедеон оказался ещё и занимательным собеседником. Он хорошо знал формацию горных пород и местонахождение руд; указал в одном горном кряже богатую жилу медной руды. Охотники возвратились к шалашам, обремененные разного рода дичью.

На другой день все настолько оправились, что могли пуститься в дорогу. К вечеру следующего дня странники благополучно прибыли на Приют и разместились сообразно желанию каждого. Граф занял четвертое отделение флигеля. Гедеон с Володией решили жить вместе с Лисицыным, а прочие поселились с Янси.

Гедеон приобрел расположение Лисицына своей честностью, трудолюбием, начитанностью и знанием геологии. Он тоже очень привязался к Лисицыну. Они всегда вместе отправлялись на охоту и, перенося опасности и лишения суровой жизни, всё более сближались. Лисицын также всем сердцем полюбил доброго, понятливого Володю, занялся его образованием: учил его математике, языкам и рисованию; историю преподавал в любопытных рассказах, а закон Божий ребенок постигал при ежедневном чтении Евангелия. Способности у Володи были хорошие. Лисицын не раз признавался Гедеону, что мальчик доставляет ему истинное утешение. Ученик чувствовал признательность к своему учителю; он полюбил его не меньше своего дяди и огорчить чем-нибудь наставника считал для себя совершенно невозможным. Прочие товарищи тоже полюбили своего избавителя.

С одним графом герой наш не мог встать на дружескую ногу, несмотря на все старания делать ему приятное. Граф был вежлив, рассыпался в благодарностях, бранил беспощадно поляков, превозносил до небес русских, скучал без дела, но скучал и за делом — словом, Лисицын не мог понять его и оставил в покое. Литейщики и оружейники привезли на Приют железную и медную руды и устроили небольшую мастерскую, в которой отливали необходимые для хозяйства металлические вещи и посуду, а также переделывали китайское огнестрельное и холодное оружие на русский манер. После

отражения нападения китайцев на Приют осталось только три годных ружья, поэтому переделка оружия была необходима. Искусство мастеров и их трудолюбие превзошли все ожидания Лисицына — скоро весь гарнизон был снабжен двойным количеством годных ружей, сабель, длинных ножей и пик.

Граф часто спрашивал, для чего готовится столько огнестрельного оружия, допытывался у Лисицына, не имеет ли он поручения от правительства укрепиться в Приамурском крае. Когда Лисицын уверял его, что старается обезопасить себя от возможного нападения китайцев, граф с сомнением качал головой и скептически улыбался.

Прошла зима. После Святой недели литейщики и оружейники продолжали свои занятия, а остальные обитатели Приюта принялись за полевые работы, которые скоро были окончены, несмотря на значительное увеличение площади посева хлебов и овощей. Работников было достаточно.

Лисицын заметил, что после праздника граф сделался ещё задумчивее, не принимал участия в общих работах, а больше в одиночестве гулял по острову. Сергей Петрович не раз спрашивал его о причине печали, но граф всякий раз ссылаясь на хандру.

Однажды кто-то из работников подал Лисицыну письмо, спрашивая, не он ли обронил его близ фермы. Развернув большой лист почтовой бумаги, мелко исписанный по-французски, Лисицын хотел было передать его графу, так как узнал его почерк, но пробежав глазами по первой строчке: «Ясновельможный граф Генрих!» — невольно взглянул на подпись: «Вашей ясновельможности нижайший слуга Игнатий Крысинский». В приписке было сказано: «Письмо это пишу с китайского озерного острова, занятого русскими (эти проклятые москали везде запускают свои лапы), но откуда и как отправлю его к вам, ещё и сам не знаю». Этих сведений было достаточно чтоб понять: Крысинский ложно назвался графом и ненавидит русских. Лисицын счел необходимым прочесть всё письмо, пропуская всё то, что лично касалось графа Генриха.

«...Долго блуждал я по снежной пустыне, не находя ничего для утоления голода; защищенный от мороза моим теплым платьем, я

умирал от неимения пищи. Почти стемнело, когда я вдруг встретил двух русских, почти замерзших и так же, как я, голодных; первым моим побуждением было застрелить москалей, но я размыслил, что они и без того умрут в мучениях голода, зачем же оказывать им благодеяние, избавив от тяжких страданий. Сохраняя ещё достаточно сил, я поспешно удалился от несчастных, один из которых был мальчик необыкновенной красоты. Между тем в моем желудке начали делаться мучительные схватки, я едва шел по безграничной пустыне. Наступила ночь... Я то падал, то вставал. Вдруг свет вдали достиг моего потухающего зрения. Я понял, что это или жилище туземца, или спасительный огонь охотника, и поспешил на свет. Но силы изменяли мне всё больше и больше; я полз, как змея, по замерзшему снегу и наконец был замечен. Человек, спасший мне жизнь, оказался русским. Я не мог быть ему благодарным — я ненавидел его как заклятого врага моей отчизны. Умаслив его ласковыми словами, на что мы, поляки, большие мастера, и пробудив в нем рыцарские чувства великодушия (мой спаситель был дворянин), я постарался войти к нему в доверие и возбудить в нем жалость. Во время нашей беседы мне не раз хотелось вонзить кинжал в его сердце, но меня останавливали его колоссальный рост, атлетическое сложение и огромная косматая овчарка, не сводившая с меня свирепых глаз.

Наконец мне пришла в голову прекрасная мысль: удалить его для отыскания замерзших русских, чтобы в его отсутствие завладеть провизией. Москаль тотчас попался на удочку; как рыцарь, покровитель несчастных (это самая слабая струна московитского дворянства, которой мы, поляки, всегда умели пользоваться), он бросился на лыжах по указанному пути, но и салазки с припасами захватил с собой, разумеется, для того, чтобы совать пищу в голодные рты умирающих русских.

Я в душе послал ему вслед проклятье, а чтобы лучше обмануть его, встал на колени и притворился усердно молящимся. Через несколько часов мой избавитель вернулся и принес известие, что спас жизнь не двум, но целой толпе русских. Я вторично проклял его, а также проклял и свою мысль послать его отыскивать погибающих. Если б я

стал жить в его жилище с ним вдвоем или втроем, то нашел бы случай истребить русских, а теперь это невозможно: спасенных оказалось более двадцати человек, а со мной, к несчастью, нет яда...

Жилище Лисицына (фамилия моего спасителя) находится на озерном острове. Оно состоит из превосходной фермы, прочно и красиво устроенной в нижней части острова. Скот здесь такой, какого я и не видывал, а хлеба и травы родятся удивительно...

Вскоре я заметил, что спасенные люди — литейщики и оружейники, вероятно, специально присланные сюда с работниками по распоряжению русского правительства. Это предположение скоро оправдалось, они изготовили много ружей и, вероятно, тайно от меня отлили из меди несколько орудий. О, как я проклиная себя за то, что указал Лисицыну погибающий русский отряд. Но ещё не всё потеряно, я постараюсь исправить свою ошибку. Вы знаете, ясновельможный пан, я очень способен на выдумки, особенно если нужно насолить москалям...»

Прочитав письмо, раскрывшее всю гнусность характера и поступков Крысинского, Лисицын не мог удержаться от справедливого негодования. Он тотчас же вошел в комнату вероломного гостя, собрал все его бумаги и прочел их. Оказалось, что граф Генрих за бунт против правительства был сослан в Якутск, откуда хотел бежать, но в силу многих обстоятельств сделать это не мог. Совоспитанник его, Крысинский, сын инструментального мастера, также участвовавший в заговоре, по особому ходатайству был послан в одно место с графом. Будучи молод, хорошо образован и хитер, он бежал, намереваясь пробраться в Америку и нанять там корабль для принятия графа в случае его побега из Якутска. Крысинский был снабжен переводными бумагами на главные банкирские дома в Перу и Чили.

Углубившись в чтение этой переписки, Лисицын не слышал, как Крысинский подошел к растворенной двери. Звук разбитого пистона заставил его оглянуться. К счастью, Сергей Петрович успел отстранить рукой наведенное ему в голову дуло ружья — пуля, пролетев мимо, ударилась в стену. Крысинский, зная богатырскую силу противника, бросил в него свое ружье с такой силой, что

Лисицын зашатался. Вероломный самозванец поспешил запереть дверь снаружи и спастись бегством.

Оправившись от полученного удара, Лисицын бросился к двери, но она не поддавалась его усилиям. Тогда он выломал окно и спустился на двор фермы. Случилось так, что поблизости никого не было и никто не слышал выстрела. Даже Полкан ушел с Володей. Лисицын успел обыскать ферму, когда пришедший Гедеон сказал, что видел поляка с одноствольным ружьем, вероятно, захваченным в кухне, и с кинжалом за поясом, поспешно идущего к пристани. Друзья бросились к бухте в надежде захватить негодяя, ведь там находились две лодки. Подбежав к причалу, они увидели Крысинского, плывущего около Орехового острова. Вторая лодка была привязана к корме.

— Улизнул, проклятый! — вскричал Гедеон. — Неужели такое вероломство останется без наказания.

— Нет, оно будет наказано. Сам Бог вразумит меня. Прикажите скорее принести сюда челнок с двумя веслами с нашего пруда, а Константин пусть выберет из табуна пару лошадей самых резвых и приведет их к бухте, да захватит хорошее ружье и добрый нож. Я останусь здесь наблюдать за движениями Крысинского. Не забудьте прислать мою двустволку, сумку с порохом и пулями и топор.

Гедеон побежал исполнить просьбу друга, не разделяя его надежд на поимку поляка, а Лисицын в подзорную трубу начал наблюдать за движениями ложного графа. Как ожидал он, так и случилось: Крысинский, не зная дороги к Алмазной реке и никогда не плававший по Архипелажному озеру, принял влево, на северо-восток, а это значило, что он потеряет много времени, прежде чем найдет нужный путь, о котором знал только по рассказам самого Лисицына. Когда была принесена маленькая лодка и явился Константин с двумя оседланными лошадьми в сопровождении Гедеона, принесшего оружие и воинские и съестные припасы, Лисицын сказал:

— Друзья мои, я изменил план преследования: Константин сядет со мной в лодку, а вы, Гедеон, прикажите трем расторопным казакам переехать на барке с заводными лошадьми на южный берег озера и

дожидаться меня у китайского причала, да пусть они поочередно караулят берег, спрятавшись в лесу. Если Крысинскому удастся убежать от меня на южный берег озера, они должны поймать его и доставить к вам.

— Всё будет в точности исполнено. Да поможет вам Бог!

Герои наши выплыли по кратчайшему пути в пролив, соединяющий Глубокое озеро с Архипелажным, держась правой стороны Скалистого острова, к каменной гряде, чтобы таким образом отрезать Крысинскому дорогу к Амуру. Лисицын управлял веслом спокойно; Константин греб торопливо, изо всех сил.

— Незачем так спешить, Константин, — сказал Лисицын. — Гребя таким образом, ты скоро потеряешь силы, а нам нужно сберечь их.

— Поляк, почитай, на два часа впереди нас, Сергей Петрович. Уйдет, проклятый... — Нужно силы беречь, а птица от нас не улетит. Мы умеем грести и управлять лодкой — Крысинский не умеет; я знаю все острова архипелага как свои пять пальцев — он не знает; у него за кормой привязана вторая лодка, что сильно замедляет ход, — у нас легкий челнок, который мчится как стрела; у него нет и куска хлеба — у нас обильный запас съестного; наконец, он гребет один — нас двое. Стало быть...

— А если он спрячется на островах? Тогда нам его не достать, Сергей Петрович!

— От меня не спрячется. Да и у тебя глаза не бабьи. Преследователи проплыли пролив и оказались в Архипелажном озере без всяких приключений. Вдруг Константин вскрикнул от радости:

— Сергей Петрович, мы нагнали полячка! Вон он плывет к Скалистому острову.

— Это пустая лодка, — отвечал Лисицын, взглянув в подозрительную трубу. — Хитрец увидал погоню и нарочно пустил её по ветру к малому мысу, чтобы мы погнались за ним вправо, тогда как он бросился влево. Умен, негодяй, но я выслеживал лисиц и похитрее. Поворачивай, братец, налево, к малым лесистым островкам. Я уверен, мы найдем Крысинского тут.

— Позвольте, Сергей Петрович, высказать вам и мою догадку.

— Сделай милость.

— Я полагаю, полячок поплыл к китайскому причалу, а лодку бросил, чтоб не мешала ему плыть скорей.

— Ты, братец, ещё новичок в таких делах. Если б лодка мешала беглецу плыть, он должен был бы её потопить, а не отдавать в наши руки. Крысинский рассчитывал на русскую простоту, да в расчете ошибся...

Пловцы вскоре вступили в лабиринт Дубовых островов. Покрытые деревьями и кустами острова давали беглецу возможность спрятаться, а узкие проливы, через некоторые легко можно было перескочить, затрудняли преследование. Лисицыну нужно было сперва увериться, здесь ли Крысинский, чтобы приступить к серьезным поискам, иначе он понапрасну потерял бы время. Проплыв по нескольким проливам, Лисицын не нашел лодку. Это заставило предположить, что Крысинский продолжает путь. Но куда? К Соловьиным или Березовым островам? Вдруг Сергей Петрович увидел весло, плавающее в проливе, и место в обрывистом берегу островка, на котором отпечатался рубец, сделанный веслом, вероятно, во время отталкивания лодки. Стало ясно: беглец скрывается на Дубовых островах. — Теперь я уверен, что Крысинский здесь, — шепнул Лисицын. — Чтобы поймать его, надо отрезать ему путь к соседней группе островов. Для этого, Константин, ты должен плавать по южной стороне островов и зорко наблюдать, чтобы изменник не сбежал. Я же пойду отслеживать лисицу по пятам.

Лисицын выскочил на берег, а Константин поплыл в указанном направлении. День был пасмурный. По часам Лисицын заключил, что скоро начнет смеркаться, поэтому удвоил внимание. Добравшись до самого большого острова этой группы, Лисицын увидел следы Крысинского. Герой наш стал осторожно подвигаться, всматриваясь по сторонам... Вдруг он услышал выстрел, а затем отборную русскую брань. Побежав на звуки Лисицын с досадой увидел Крысинского, гребущего изо всех сил к Березовым островам. Константин же вытаскивал на берег продырявленный пулей челнок.

— Как же ты так оплошал, братец?

— Это должно быть черт, а не человек, Сергей Петрович. Я заметил, что он притаился за мыском в своей лодке и поплыл к нему с ружьем наготове. Полячок струхнул, должно быть, и скрестил руки, прося прощения. Я к нему ближе, думаю, сдастся, бесов сын. Стал веревку доставать, чтобы связать подлеца, а он как чебурахнет из своего ружья! Я хотел было пальнуть в отместку, да начал тонуть, не до того стало...

— Поляк ведь в тебя метил, но, к счастью, в лодочку попал. Мы арестованы здесь по крайней мере на ночь, а Крысинский в это время уйдет...

— Из-под ареста-то можно освободиться, Сергей Петрович, кабы только Бог помог переплыть отсюда на Скалистый остров — там я лодку привязал на случай.

— Какую лодку?

— Да ту, что давеча плыла пустая. Ветер переменялся и погнал её к Скалистому острову. Я перехватил и привязал к дереву, чтоб не затерялась.

— Ты настоящий казак, Константин! Теперь авось не уйдет Крысинский.

— Да ведь до лодки с полверсты будет; к тому же ночь...

— Ничего, плаваю я хорошо и берусь доставить лодку. Ты же отплати хитрецу хитростью — разложи костер, чтобы Крысинский думал, что мы здесь ночуем и не в состоянии его преследовать.

Лисицын связал свое платье и белье в узел, прикрепил узел за плечами и решительно спустился в воду, стараясь не производить шума. Там, где было глубоко, он плыл, на бродях отдыхал, идя по дну, и таким образом благополучно добрался до Скалистого острова, где вскоре и отыскал лодку. Для управления ею он срубил длинный шест. Очень скоро он уже сидел с Константином у огромного костра, грелся.

— Всё! — поднялся Лисицын. — Ужинать нам некогда. Садись, Константин, в лодку, нельзя допустить, чтобы поляк убежал на Алмазную реку.

— Я успел заморить червячка, а вы ведь с утра ничего не ели.

— Вот поймает Крысинского, тогда и потрапезничаем. Отплыли. Костер заливать не стали.

— Куда править-то, Сергей Петрович? В десяти шагах ничего не видно.

— Правь прямо к Березовым островам, а там посмотрим...

— Чтоб ему, проклятому, огонь разложить, тогда знали бы, где его брать.

— Вот он спешит исполнить твоё пожелание, — засмеялся Лисицын, указывая на большой столб пламени, поднявшийся над островком.

— Вот дурак-то, — сплюнул Константин.

— погоди ещё. Крысинский может быть и в другом месте. Я тут обман подозреваю. Головой ручаюсь: он теперь бежит или к Гусиному острову, или к Соловьиным островам.

— Как же мы это узнаем, Сергей Петрович?

— Тише, Константин. Ты ничего не слышишь?

— Словно где-то гуси закричали...

— А в какой стороне?

— В правой. У, как всполошились!

— Теперь ошибки не будет — Крысинский скрылся на Гусином острове. Поворачивай! Нам нужно завладеть лодкой Крысинского, тогда он останется пленником на острове. Днём мы заставим его сдаться и привезем на Приют.

— Ночью бы лучше, Сергей Петрович; днём он всадит пулю либо в вас, либо в меня.

— Но ведь зарядов у него не было, поэтому ружье его теперь разряжено.

В это время они подплыли к Гусиному острову сажень на сто. Лисицын разделся и тихо спустился в воду, захватив только кинжал. Он приказал Константину пробраться в темноте к Березовым островам и, проплыв освещенное костром пространство, чтобы быть замеченным, причалить к берегу.

Сам же Сергей Петрович, не производя никакого шума, поплыл на спине. Достигнув Гусиного острова, он опустился на дно так, чтобы над водой была одна голова. Счастье ему благоприятствовало: он

двигался к той части берега, которая находилась против пылающего костра на Березовом острове, предположив, что беглец занимается здесь наблюдением. Действительно, Лисицын скоро увидал лодку, привязанную к дереву, и Крысинского, не спускавшего глаз с Константина, который в это время проплывал светлое пространство.

Лисицын, отойдя к лодке, перерезал кинжалом веревку и, прикрываясь суденышком, медленно повлек его в озеро, придерживаясь самого темного места. Крысинский не заметил похищения лодки. Отойдя подальше от берега, Лисицын влез в лодку и полетел по тихим волнам к освещенному острову, но только с темной его стороны, заросшей густым лесом.

Когда Константин, услышав его голос, принес Сергею Петровичу его платье, он весело сказал товарищу:

— Вот теперь мы и поужинаем и крепко выспимся. Крысинский сейчас смеется над нами — завтра мы над ним посмеемся.

— А что, если полячок убежит с Гусиного?

— Побоится утонуть. Озеро вокруг острова глубоко, а местами имеет опасные водовороты. Хотя в этом случае он избавил бы нас от труда судить его и повесить. На другой день солнце озарило землю и напомнило товарищам, что пора покончить с Крысинским. Ночные размышления успокоили гнев Лисицына, и в душе его не осталось ожесточения. Предоставить свободу этому двойному изменнику наш герой не мог, потому решил взять его и заключить в надежном месте, откуда поляк не мог бы вредить обитателям Приюта.

Лисицын и Константин отправились на большой лодке к Гусиному острову. Крысинский, увидав своих преследователей, спрятался в чаще кустарника. Остров был довольно открытым, потому не представляло труда угадать, где скрывается беглец. Лисицын оставил Константина в лодке, приказав крейсировать поблизости, а сам вскочил на берег.

Крысинский пришел в ужас, когда понял, что теперь ему не поможет никакая хитрость. Выбежав из своего убежища на поляну, он всё же приложил ружье к щеке, грозя выстрелом.

— Бросьте, Крысинский, — сурово сказал Лисицын. — Вам не удастся меня обмануть. Ваше ружье не заряжено, иначе вам гораздо удобнее было бы выстрелить в меня из кустов.

— Ошибаетесь! Мое ружье заряжено двумя пулями. Если я ещё не застрелил вас, то единственно из благодарности за ваше гостеприимство и спасение моей жизни.

— Я так невежлив, что этому решительно не верю, и так невеликодушен, что застрелю вас, если не бросите ваше оружие и не сдадитесь добровольно. Крысинский с досадой бросил ружье, но обнажил кинжал.

— Ну, попробуйте взять меня! — вскричал он надменно.

— Ещё минута — и я разможу вам пулей голову. Вы знаете, я промаха не делаю, — прибавил Лисицын, наводя ружье на противника.

Эта спокойная речь и зловещий блеск вороненого ствола произвели ожидаемое воздействие на труса.

— Остановитесь, ясновельможный пан! Я сдаюсь, сдаюсь, — пролепетал беглец, дрожа от страха.

— В таком случае бросьте ваш кинжал и не шевелитесь, пока Константин не свяжет вам руки.

Константин исполнил поручение Лисицына. Вместе они накормили врага и привезли на Приют. Лисицын приказал поместить его в пустой амбар под строгий надзор часовых. На другой день был назначен суд.

Лисицын подробно рассказал Гедеону и Володе о вчерашних похождениях. Володя пришел в восторг, а Гедеон с уважением пожал руку друга. В то же время Константин удовлетворял любопытство остальных, собравшихся близ фермы, не упуская случая блеснуть красным словцом и преувеличить опасности, каким подвергались они с Сергеем Петровичем. Одобрительные восклицания храбрых, но суеверных людей часто прерывали рассказ казака.

На следующий день, в семь часов утра, прибежали с фермы объявить Лисицыну, что Крысинский бежал из-под запора, где содержался связанным. Многие верили, в том числе и Константин, что Крысинский колдун и при помощи ведьмы улетел с острова на

помеле. Лисицын приказал тщательно обыскать остров, а когда одной лодки в бухте не обнаружилось, сыскать её у берегов. Однако лодки с беглецом нигде не нашли. Наконец были допрошены все, а в особенности часовые, осмотрена местность вокруг тюрьмы, самая тюрьма — ничего!

В последствии, когда дело это было совсем забыто, часовые признались в своей оплошности, ничего не скрывая, поэтому подробности этого чудесного исчезновения записаны в дневнике Лисицына и я могу рассказать моим читателям все обстоятельства происшествия.

Крысинский, сидевший в амбаре крепко связанный, впал в отчаяние, что характерно для человека со слабой душой и трусливым сердцем. Он беспрестанно упрекал себя, зачем не решился утопиться, забывая, что даже и для этого нужно хотя немного мужества. А при мысли о виселице все его члены колотились, как в лихорадке. Болезненная фантазия напомнила ему о пытках, которым его, вероятно, подвергнут перед повешением, — ужас его превзошел все пределы. Узнику оставалась одно — молиться. После долгих усилий ему удалось освободить руки, снять с шеи образок святого Франциска и повесить его на стене. Он упал на колени и начал просить святого заступника о мгновенной смерти. В это время у дверей амбара слышались голоса:

— Что горло-то дерете? Караульте своего арестанта хорошенько. А мы готовим виселицу...

По голосу Крысинский узнал Константина, но казак нагло лгал, чтоб только пострадать пленника.

— Туда ему и дорога, — с хохотом отвечали караульщики.

— Расскажи, как вы его поймали, — вступил чуть картавящий голос.

— Стану я тебе рассказывать, жид! Ты бы точно отпустил поляка. У тебя одни деньги на уме.

— Полно балагурить, расскажи.

Константин сдался, рассказал, а заключил историю так:

— Кабы ему, дураку, вместо того чтобы плыть в Архипелажное озеро, пробраться прямо на южный берег да идти всё опушкой леса до китайского причала на Алмазной реке, мы бы его не взяли.

— Конников бы послали, — заметил жидок.

— Много бы сделали твои конники в лесу! Кроме денег, ничего не разумеешь, а туда же...

Константин ушел, повергнув Крысинского в ещё большее уныние. Он теперь упрекал себя за ошибочный выбор пути. Не зная другого способа спасти себя, как обратиться к доброму сердцу Лисицына, он достал из бокового кармана бумажник с деньгами и прочими ценностями, который не был у него отобран честным Константином, и, вырвав чистый листок из блокнота, начал писать карандашом Лисицыну письмо, в котором старался его разжалобить верным описанием своего душевного состояния, ужаса и отчаяния. Он так увлекся, что не заметил, как настала ночь. В тюрьму вошел один из сторожей.

— Приготовься, пан, к смерти, — сказал он, заметно картавя.

— Езус, Мария! Я готов, пан сторож!

— Нет ли у тебя денег, пан? Чем делить на всю артель, отдай их лучше мне, на помин твоей души, а я за это принесу тебе поесть, чего только душе угодно. Крысинский востепенулся, пристально взглянув на сторожа, и сказал:

— Охотно бы обогатил тебя, пан сторож, да у меня все деньги отобрали. Правда, есть спрятанные на острове, но без меня ты не сыщешь.

— Эка досада. Деньги, значит, пропадут...

— Не пропадут, пан сторож: я объявил вашему начальнику, где зарыл их.

Жидок вышел, глухо ругаясь. Крысинский, заткнув свое письмо в щель бревенчатой стены, снова начал молиться, но опять был остановлен приходом сторожа.

— Послушай, пан, — сказал он шепотом, — отдай деньги мне. Зачем отдавать их начальнику, ведь он тебя поймал и завтра прикажет повесить?

— Ах, пан сторож, я и сам не желаю, чтобы деньги достались этому извергу. Но что я могу сделать, связанный...

— Если дело только за тем, чтобы сводить тебя к месту, где зарыты деньги, так я, пожалуй, свожу. А убежать тебе не удастся — весла с лодок все убраны.

— Куда мне бежать, пан сторож? Я едва ноги передвигаю. Если желаете вырыть мои деньги, приготовьте фонарь, мешок, большой нож, топор и лопату. Только не увидал бы нас другой пан сторож...

— Это уж мое дело.

— Я готов служить вам, пан сторож.

Через четверть часа жидок пришел к заключенному, развязал ему ноги и осторожно вывел из амбара. Товарищ его спал крепким сном и не слышал, как задвинули наружный запор тюрьмы и как искатели клада перешагнули через него.

— Я и забыл спросить, много ли зарыто деньжонок у пана? — поинтересовался сторож.

— Думаю, вам не унести в один раз. Всё золото.

Вскоре Крысинский привел сторожа к гроту, где у Лисицына хранились меха, приказал отодвинуть железную задвижку и отворить массивные дубовые двери. Когда жидок вошел в грот и начал зажигать фонарь, Крысинский быстр и захлопнул дверь и запер её снаружи задвижкой. Дверь была так толста, что ругательств алчного сторожа почти не было слышно.

Арестант поспешно вынул из мешка нож, заткнул его за пояс на случай обороны. Побежал к съестной кладовой, где наполнил мешок припасами. С лопатой в руках он беспрепятственно достиг бухты и, вскочив в лодку, поплыл прямо к южному берегу. Выйдя на берег, он затопил лодку и пустился прямо к Алмазной реке. Утром охранник у амбара проснулся и, не видя своего напарника, заглянул в арестантскую — пленника не было. Он растерялся, испугался и решил наконец объявить о случившемся Лисицыну, но не застал его на ферме и пошел отыскивать на Сторожевой скале. Проходя мимо грота, услышал крики товарища, освободил его и с трепетом выслушал признание. Вместе они решили, что об этом деле надобно молчать, иначе их обоих повесят вместо пропавшего Крысинского.

Мстительность поляков была известна Лисицыну и исторически, и фактически, поэтому он решил заняться укреплением гавани и острова, а до того содержать в бухте караул днем и ночью.

Вход на остров находился в конце небольшой бухточки. Сам же залив на расстоянии ружейного выстрела от входа образовывал узкое горло. В этом перешейке, имевшем каменистое дно, Лисицын придумал устроить оборонительную башню с воротами для входа барок и лодок. На самом входе на остров он планировал построить ещё одну небольшую башню с железными воротами для проезда подвод с тяжестями, расположив её таким образом, чтобы она защищала гавань, если б неприятель в нее прорвался.

У нашего героя появилась мысль, ещё смутная, об основании на Приюте поселения, которое могло бы послужить ядром будущих русских колоний в этом крае, богатом всеми дарами природы. Русское правительство конечно же снабдит крепость достаточным гарнизоном.

Собрав товарищей на совет, Лисицын сказал:

— Вы уже слышали от меня, друзья мои, что китайцы не раз пытались овладеть Приютом и только недостаток их военных познаний и храбрости помогал защитникам острова успешно вести с ними войну. Но при новом нападении неприятеля нет никакой возможности защищаться в деревянном блоклаузе. Поэтому я считаю полезным: во-первых, укрепить вход в пролив с озера, во-вторых, на острове устроить такое прочное укрепление, которое могло бы выдержать огонь артиллерии. По милости Божией нас собралось здесь довольно. Мы можем, если захотим, сделать остров неприступным.

— Готовы работать, только укажите, что нужно делать, — отвечали обитатели Приюта.

— Как же вы полагаете укрепить остров? — спросил Гедеон.

— В проливе я хочу устроить из кирпича двухэтажную со сводами оборонительную башню, с воротами для прохода лодок и небольших барок. Тогда остров сделается неприступным, потому что пролив есть единственное место для высадки на него. На Приюте считаю нужным устроить цитадель, в которой все мы могли бы безопасно

укрыться в случае крайности. Местом для цитадели полагаю избрать Сторожевую скалу, которая господствует над окрестностями. Там можно устроить и просторный жилой дом.

— Ваша мысль прекрасна, Сергей Петрович, только на Сторожевой скале в случае осады мы не будем иметь воды, а это главное условие для отдельного укрепления. — Воду мы непременно найдем не глубже десяти саженьей. На этой скале бьют несколько ключей. Можно даже не рыть колодца. Стоит только расчистить ключ, выложить резервуар камнем — мы обеспечены. Неприятельские стрелки с озера не смогут помешать нам пользоваться водой.

— Что ж, место там славное. Только позвольте сделать ещё одно замечание: изготовление кирпича займет много времени и будет стоить больших трудов; притом кирпич от попадания неприятельских ядер будет крошиться и осколками поражать защитников укрепления. Нельзя ли заменить его другим материалом, столь же прочным, но не имеющим недостатков кирпича?

— На берегу Глубокого озера я видел мягкий белый камень, твердеющий на воздухе, нисколько не уступающий одесскому. Из этого камня легко напилить большие плиты, которые не будут рассыпаться от действия ядер. Кроме того, мы выиграем времени при заготовлении материалов.

— Если вы уверены, что этот белый камень не уступает одесскому, мы должны им воспользоваться! Только хватит ли найденной вами залежи на возведение предполагаемых построек? Это нужно прежде исследовать.

— Залежи камня огромны, в этом я вам ручаюсь.

За работу принялись с особенным прилежанием. На Приюте, кроме Володи, было двадцать два трудолюбивых работника, потому постройка шла очень успешно. К середине июня окончили обе оборонительные башни.

Первая, в проливе, четырехугольная, имела два этажа с толстыми сводами и прочную зубчатую стенку для защиты стрелков. На каждом этаже было по две бойницы для пушек, обращенные к озеру.

Ворота запирались массивными железными решетками. Вторая башня, на берегу бухты, круглая, имела один этаж с прочным сводом и одной бойницей против пролива, сверху тоже была зубчатая стенка для стрелков. Двое железных ворот служили для сообщения бухты с островом.

Большую башню вооружили четырьмя пушками, на верхней её площадке под прикрытием зубчатой стенки поместили две мортиры. Малую башню вооружили пушкой, а сверху мортирой.

Окончив покос, который на лугу был не слишком обилен, а на засеянных десятинах дал баснословный сбор, обитатели Приюта приступили к постройке цитадели.

На самой оконечности Сторожевой скалы было выбрано место, удобное для укрепления. Стены цитадели расположили бастионной системой, состоящей из одного полного бастиона, двух полубастионов и двух куртин. Для обстреливания внутренней площадки укрепления в случае взятия неприятелем стен была устроена посередине круглая двухэтажная башня с четырьмя бойницами для пушек в верхнем этаже. В нижнем этаже находились одни ружейные бойницы. Стены цитадели выстроили из двух рядов каменных плит, промежутки между которыми засыпали землей, вынутой из рва, прикрывавшего всю линию укреплений. Стена образовалась такой толщины, что на ней удобно было поставить пушки. Для прикрытия стрелков наружную каменную стенку возвели несколько выше внутренней и устроили с зубцами, отчего всё здание снаружи получило красивый вид Московского кремля в миниатюре.

Внутренняя башня имела толстые стены, прочные своды и сверху такую же зубчатую стенку для стрелков. Покатости рва одели дерном, а из укрепления в ров сделали тайные выходы с дубовыми, окованными железом дверями. Для удобного втаскивания на стены орудий и тяжестей устроили бревенчатые въезды на прочных дубовых подставках. Для стрелков в нескольких местах имелись подставные лестницы. В самой башне, названной Сторожевой, выкопали колодец; здесь же соорудили пороховой погреб с прочным сводом.

Строительство, прерванное на короткое время уборкой хлеба, продолжалось до осени. Не забыли выстроить и красивый одноэтажный дом со службами. Все здания возвели из белого камня, а крыши покрыли по тесу мелкой черепицей, искусно сработанной Янси. Дом делился коридором на две половины: в одной поместились Лисицын с Гедеоном и Володей и находилась обширная кладовая; в другой была кухня и большая спальня для гарнизона на зимнее время. Летом спали в сарае.

Окончив постройки, приступили к вооружению крепости: на каждый бастион поставили по пушке; на куртину — по две мортиры. Под легкой крышей башни была установлена подзорная труба для постоянного наблюдения за окрестностями Приюта.

Как-то в сентябре Лисицын и Гедеон отправились на охоту, избрав на этот раз местом своих исканий лес, примыкавший к реке, — там китайцы приставали со своими джонками. Доплыв до китайского причала уже на закате, охотники расположились ночевать на берегу. Лисицын крепко спал и был крайне удивлен, когда Гедеон разбудил его в половине ночи.

— Что случилось? — вскочил он.

— Плохо дело, Сергей Петрович. Слышите? Другой.

— Что — другой?

— Пушечный выстрел, — сказал Гедеон. — А вот и третий.

— В какой стороне был слышен первый выстрел?

Гедеон указал на юго-восток. Лисицын понял: китайцы снова явились разорять Приют.

— Оставайтесь здесь, — сказал он Гедеону. — Да смотрите зорко. При первой опасности спешите на остров. А я схожу высмотреть силы неприятеля.

— Но вас могут взять в плен или убить?

— Не надо забывать, что жизнь двадцати товарищей дороже моей жизни!

Гедеон, видя непреклонность Лисицына, перестал возражать. Сергей Петрович пожал ему руку на прощание, снял с плеча ружье и скоро зашагал по опушке леса. Какие мысли волновали его в это время, из дневника не видно.

В полдень он уже наблюдал за неприятелем. На реке стояли пять речных военных джонок, на них было до восьмисот воинов. Люди суетились: выгружали на берег вещи, перетаскивали по мосткам осадные орудия. Солдатами руководили трое иностранцев. К довершению картины, в толпе начальствующих китайцев Лисицын увидел Крысинского, энергично распоряжавшегося высадкой войск на берег. Именно этот вероломный негодяй привел сюда китайцев, чтобы, по его разумению, насолить русскому правительству, отняв у него владения в Приамурском крае.

Узнав всё, что необходимо, Лисицын поспешил к Гедееву, нетерпеливо поджидавшему его в лодке у китайского причала.

— Какие новости, Сергей Петрович?

— Самые неутешительные. Китайцы прибыли с сильным отрядом, артиллерией и иностранными офицерами. С ними Крысинский.

— Должно быть, он и привел китайцев.

— В этом сомнений нет. Плохо то, что он знает численность нашего гарнизона, все наши военные средства и местность.

— Но построенные нами укрепления будут для него неприятной неожиданностью. Он может предположить, что на Приют пришло сильное подкрепление.

— Дай-то Бог. Поспешим к товарищам, — заторопился Сергей Петрович.

С прибытием на Приют Лисицын объявил гарнизону о предстоящей осаде и предложил не надеющимся на свое мужество укрыться от неприятеля в Кедровой долине. Но все захотели остаться, преисполненные решимости умереть на стенах кремля, но не сдаться китайцам.

— Помните, товарищи, — растрогался Лисицын, — мы будем защищать здесь не ферму нашу, не дом наш, не имущество наше, а русскую землю, которую мы завоевали нашей кровью, русский кремль, сооруженный нашими руками, и честь русских воинов!

Громкое «ура» было ответом на такие слова.

Однако Янси со всем скотом и лошадьми отправили в Кедровую долину, оставив только восемь лошадей для перевозки тяжестей. Вход в пещеру заделали как можно тщательнее, следы арб и скота по

всему пути ликвидировали. Эти меры были приняты на тот случай, если Крысинский выведет дорогу к Долине роз.

В этот день успели перевезти в кремль все вещи и съестные припасы и уничтожить мастерские. Трехфунтовый единорог поставили на лафет и запрягли в него пару лошадей, чтобы во время осады быстро подавать помощь сильно угрожаемым пунктам. Я забыл сказать, что блокада на берегу бухты был уничтожен после окончания постройки оборонительных сооружений.

Только через два дня после появления китайцев на Алмазной реке со Сторожевой башни увидели защитники Приюта дым на отдаленном берегу озера, где китайцы и прежде спускали на воду и грузили свои лодки. Лисицын предложил своей дружине сесть в лодки, вооружив их пушками, и не допустить погрузку неприятеля, а если удастся, то и истребить его флотилию. Но недальновидные храбрецы нашли это предприятие очень опасным и убедили Лисицына остаться на острове, где будет удобнее защищаться от многочисленных врагов.

Китайцы грузились на озере четверо суток и только на пятый день к вечеру заняли Ореховый остров. Защитники Приюта в эти дни тоже не были праздными: они заложили мины против исходящего угла бастиона, а против куртин — по несколько фугасов; заготовили большое количество патронов, пушечных зарядов, корзин с камнями. Лисицын приготовил из листового железа гильзы для дюжины ракет и снарядил их зажигательным составом. Для метания ракет устроили принятые в русской артиллерии станки.

В день прибытия китайцев на Ореховый остров, литейщик Николай принес Лисицыну длинную винтовку с сошками, сделанную из лучшего железа. Это ружье по величине входящей в него пули и по его тяжести для охоты не годилось, но для обороны стен превосходило все обыкновенные ружья, поэтому Лисицын назвал его крепостным. Выстрел, сделанный на расстоянии ста сажень, убедил его в верности и силе удара.

Когда китайцы заняли Ореховый остров, Гедеон предложил открыть пушечный огонь с башни перешейка, но Лисицын решил

подождать, когда они свезут на остров побольше вещей и вышлют осадные лодки атаковать Приют.

На следующий день китайцы начали уже известным нам образом громить башню, но вскоре испытали превосходство русской артиллерии. Не прошло часа, как четыре лодки были потоплены, пять повреждены, а все остальные отвернули за Ореховый остров, на который Лисицын приказал направить теперь все орудия гавани.

Надобно было видеть ужас и беспорядок в толпах неприятеля! Китайцы старались спасти съестные и боевые припасы, а потом спешно ретировались на ближайший северный берег озера, куда не достигали выстрелы с укреплений Приюта. При этом было ранено и истреблено много людей. Этот успех давал надежду если не совсем отбиться от врагов, то затянуть осаду на долгое время — до зимы, которая в этих краях всегда бывала суровой.

На другой день китайцы ничего не предпринимали против русских. Это очень подняло дух обороняющихся.

— Ну и задали мы перцу косоглазым! — сказал литейщик Николай. — Всё ещё не могут опомниться. По мне уж лучше бы нападали, чем время попусту тратить.

— Где им нападать? — вторили ему. — С нашими-то пушкарями шутки плохие. В муху попадут, не то, что в лодку.

— Постоят, постоят да и уберутся восвояси, — сказал Константин. — Скоро зима...

— Ну, а как всё же нападут?

— Не бойсь! — хорохорился Константин. — Здесь твердо заперто, а берега неприступны, без крыльев не взлетишь. Да ежели б и укреплений не было, всё ж бы мы их отжарили на обе корки!

— Отжарили бы своими боками, — возразил Николай. — Ну что хвастаешь, словно француз забубённый!

— Где ж я хвастаю, железная ты душа? Пусть попробуют косоглазые ещё раз на приступ пойти — угощу я их черносливом, а вы чугунными мячиками. Не полюбится им наше угощение!

Все громко засмеялись.

Лисицын, слышавший почти весь разговор, подошел к товарищам:

— Не хвастайтесь, братцы, а Бога благодарите за победу. Не надейтесь на оплошность неприятеля. Видите, он не отступает, а значит, хочет островом овладеть. К тому же с китайцами несколько искусных иностранцев, и предатель Крысинский с ними.

Крысинский действительно не дремал. Китайцы на пятые сутки, пользуясь темнотой ночи, с двух сторон атаковали Приют на больших лодках с высокими вышками и опускающимися мостами. Они причалили к слабейшим пунктам, которые указал Крысинский.

Лисицын, по счастью, услышав приближение неприятеля, успел подоспеть к одному угрожаемому пункту с несколькими храбрецами и единорогом и удачным выстрелом разрушил вышку. Гедеону же не посчастливилось: китайцы его опрокинули, и он был вынужден со своим отрядом спасаться бегством. Если б неприятель был предприимчивее, половина защитников Приюта и орудие могли бы достаться ему в добычу. Только из-за медлительности и нерешительности китайцев осажденные успели затвориться в кремле, оставив в руках неприятеля укрепления гавани с их орудиями и всю флотилию Приюта.

На следующий день весь китайский отряд вступил на остров и расположился лагерем на отдаленном южном конце его, куда не достигали выстрелы русских орудий. Все эти распоряжения китайских начальников доказывали, что между ними присутствуют люди, хорошо знающие военное дело, а это было неутешительно для Лисицына.

День прошел в бездействии со стороны атакующих. Однако ночью они выслали отряд штурмовать Сторожевую скалу. Враг был прогнан осажденными с большим уроном. Защитники крепости видели беспрестанно подвозимые на Приют орудия и приспособления для осады. Было очевидно, что китайцы решили непременно овладеть кремлем.

Ещё два дня прошли в бездействии.

Наконец китайцы многочисленными толпами бросились на приступ, прикрываясь от русских пуль фашинами. Видя невозможность защищаться на скале, Лисицын дал сигнал к отступлению в крепость. На этот раз враги, ободряемые Крысинским,

преследовали русских и истребили бы у тесных ворот большую часть гарнизона, если б Лисицын не успел охладить пыл наступающих бомбой. Так он спас свой единорог и товарищей, отделавшихся легкими ранами. Лисицына утешало, что неприятель в этой схватке потерял много людей убитыми и ранеными. Отступавшие от кремля китайцы были угощены ещё и картечью. Началась правильная осада. Знаете ли вы, мои читатели, что такое правильная осада? Я объясню вам это в нескольких словах, чтобы вам не наскучило меня слушать.

Если крепость невозможно взять приступом, осаждающие подвигаются к ней постепенно, устраивая земляные рвы и насыпи, за которыми прикрываются от выстрелов осажденных. Подвигаясь ежедневно вперед и устраивая на удобных местах пушечные и мортирные батареи, осаждающие сбивают орудия осажденных, разрушают их стены и насыпи, а дойдя до самого рва, сосредоточенными выстрелами из артиллерийских орудий обсыпают валы так, что по этим осыпям могут ворваться в крепость.

Эта медленная война истощает обороняющихся: они постоянно должны бодрствовать; постоянно чинить повреждения под убийственным огнем неприятеля; стаскивать с валов подбитые орудия и втаскивать новые; делать ночные вылазки для уничтожения неприятельских работ, часто сопряженные с потерей людей; нередко они нуждаются в боевых и съестных припасах. При невозможности пополнять убыль людей оборона с каждым днем делается труднее. Вот причины, вследствие которых нет крепости, которую невозможно было бы взять правильной осадой. Нужно иметь много мужества и геройской решимости, чтобы успешно сопротивляться правильной осаде.

Лисицын хорошо знал это и все надежды возлагал единственно на Бога. Двадцать дней гарнизон геройски бился с многочисленным неприятелем, часто разрушая его батареи и земляные насыпи в молодецких вылазках. Но на место подбитых и испорченных орудий китайцы ставили новые, в том числе и те, что были на оборонительных башнях гавани. На место убитых и раненых воинов присылали новых солдат и саперов.

Пять защитников кремля были ранены, но могли стрелять из ружей. Две пушки и две мортиры подбиты, стены во многих местах разрушены. Однако по распоряжению Лисицына на дне рва приготовили легковоспламеняющиеся материалы, чтобы зажечь фашины неприятельских саперов, когда они начнут заваливать ров.

Крепостное ружье оказалось для осажденных большим подспорьем. Сергей Петрович никому не давал пощады. Он отправил на тот свет двух иностранных инженеров, управлявших осадными работами. Третий иностранец и Крысинский избегли этой участи лишь из-за их чрезмерной осторожности.

Как ни плохи были дела осажденных, но мужество и уверенность выйти победителями из отчаянной борьбы ни на минуту не оставляли малочисленный гарнизон.

— Никогда бы китайцы не взяли наш остров, если б не измена, — досадовал Константин. — Это полячишка указал, где приступные берега! Недаром бездельник всё шатался по острову.

— Вестимо, недаром, — поддержали его. — Ведь он, чай, и кремль теперь высмотрел. Укажет китайцам, как его взять...

— Полно хныкать, — подошел Николай. — Пока жив наш командир, бояться нечего. Он нас из беды выручит... Берегитесь! Бомба! — закричал он, ударив по плечу товарища.

Все попадали. Бомба шлепнулась в нескольких шагах и разорвалась с оглушительным треском. Черепки и камни полетели во все стороны, однако все остались целы.

— Пошлем-ка супостатам в гостинец мешок грецких орехов, — сказал Константин, зажигая фитиль двухфунтовой мортиры, заряженной корзиной с камнями.

В неприятельских траншеях слышались крики и стоны.

— Я чаю, братцы, — продолжил Николай, — командир придумал что-то важное: два дня больно угрюм был, а нынче повеселел.

— Дай-то Бог!

Но и мужественный Лисицын терял надежду отстоять кремль. Он думал, как бы в последний день обороны спасти жизнь и свободу своих товарищей. Вспомнил: если спуститься по веревке из цветника на двадцать сажень вниз по обрыву утеса, там находится узкая

площадка, с которой, цепляясь за кусты, можно без большой опасности пробраться на остров. Итак, запасшись веревками, обороняющиеся могли ночью оставить цитадель, потом окольными тропинками дойти до гавани, овладеть там лодками и скрыться на каком-нибудь отдаленном острове Глубокого или Архипелажного озера.

Когда неприятель ворвется в кремль, уже невозможно будет исполнить это намерение. Надо предупредить штурм, а чтоб врагам нечем было поживиться, взорвать все укрепления и строения. Своими планами Лисицын поделился с Гедеоном. Они решили в ту же ночь привести их в исполнение. Надежда спасти товарищей возвратила спокойствие Лисицыну. Вот почему Николай заметил в нем перемену.

Когда совершенно стемнело, Лисицын встретился с Гедеоном в подвальном этаже Сторожевой башни, где хранился порох.

— Надо на день отложить наш план, — сказал Лисицын. — У меня появилась идея, как ещё принести пользу обороне кремля.

— Конечно, лучше бы обойтись без разрушения наших построек.

— Без вас я решительно ничего не смогу исполнить. Но прежде вы должны поклясться, что исполните в точности все мои распоряжения.

— Я даю вам такую клятву.

— Благодарю, — сказал Лисицын, горячо пожимая руку Гедеону. — Теперь слушайте. В эту ночь я проберусь в китайский лагерь и сожгу их порох, без которого осада невозможна. Мы тогда будем иметь преимущество над неприятелем. И многое может случиться: упадок мужества, терпения, недостаток в продовольствии и все ужасы зимы, всё это, взятое вместе, может заставить китайцев удалиться до весны, а мы подготовимся их встретить с запасом новых средств.

— Так я и подумал: в этом смелом предприятии опасность угрожает только вам.

— Не могу сказать, что нет опасности, но, принимая в соображение темноту, мое знание местности, беспечность китайцев, я надеюсь благополучно окончить мое предприятие. Если же Богу угодно,

чтобы я попался в плен или лишился жизни, да будет на то его святая воля!

— Что мы тогда будем делать без вас?

— Если через три часа после моего ухода вы не услышите взрыва, это будет значить, что я для вас более не существую. Тогда соберите товарищей и приведите в исполнение наш первый план. Когда же китайцы, удовольствовавшись победой, оставят край, вы опять можете занять Приют, а при благоприятных обстоятельствах возвратиться на родину.

Гедеон от сильного волнения ничего не ответил. Лисицын вышел из подвала. Привязав длинную веревку к дереву, росшему на самом краю скалы, он ловко спустился на узкий уступ, потом, хватаясь за кустарник, благополучно сошел к подошве скалы и тихо проскользнул в лес, росший на западной стороне Приюта. Чтобы не быть узнанным в случае встречи, хорошо было бы иметь китайское платье. Но вся китайская одежда хранилась в гроте с мехами, вход в который был завален землей и хворостом. Лисицын пожалел о своей непредусмотрительности. Более половины пути он прошел благополучно, но при повороте тропинки он лицом к лицу столкнулся с двумя китайцами. Увидав русского, они тотчас бросились на него с обнаженными кривыми ножами. Чтобы не произвести шума выстрелом, Лисицын ударил одного пинком в живот так сильно, что тот растянулся на земле, с другим китайцем вступил в борьбу, парируя удары ножа кинжалом. Скоро враг лежал у ног нашего героя бездыханный. В это время первый китаец, собравшись с силами, хотел было нанести смертельный удар Лисицыну. Но он вовремя заметил намерение врага и успел отскочить. Ловким ударом в сердце Сергей Петрович положил и этого бойца.

Несмотря на победу, положение Лисицына было критическое. Всякую минуту могли подойти враги и произвести тревогу. Он поспешил оттащить тела подальше в кусты и завладел шляпой и халатом одного из противников.

В эту экспедицию злая судьба, видно, преследовала нашего героя. Поблизости от лагеря, на открытом месте, он был встречен толпой

китайцев, обратившихся к нему с непонятным для него вопросом. Только случай и находчивость спасли его: он промычал что-то и шатнулся в сторону, прикинувшись пьяным. Китайцы разразились хохотом и пошли своей дорогой. Лисицын, сделав несколько шагов, нарочно упал, чтобы подсмотреть, не наблюдает ли кто за ним. Уверившись в полной своей безопасности, он начал осмотр лагеря. Наконец нашел груды готовых зарядов и бочки с порохом. Поблизости часовых не было. Всюду царствовали тишина и спокойствие. Лисицын вставил фитиль в пороховую бочку, зажег его и поспешил удалиться.

Китайский халат мешал ему идти скоро. Он бросил его и устремился к кремлю окольными тропками. Вдруг он услышал шум в том месте, где сражался с китайцами; там был виден свет фонарей. Это обстоятельство сильно его обеспокоило. Китайцы, вероятно, догадались, что из крепости выслан русский шпион, пробравшийся с западной стороны острова. Теперь на всех тропинках этой стороны могли быть засады. Шум всё нарастал — надобно было действовать. Теряться в минуты опасности было не в характере Лисицына, он рассудил так: если путь прегражден с западной стороны Сторожевой башни, он беспрепятственно проберется с восточной. Густота леса, темнота ночи и совершенное знание местности ему благоприятствовали. Сильно уставший от поспешной и трудной ходьбы, он наконец по веревке взобрался на скалу, где его с нетерпением ждал Гедеон.

— Слава Богу, вы живы! — вскричал он.

— Цел и невредим, только предприятие мое едва ли удастся. Кажется, следы мои открыты, и фитиль в порохе, вероятно, потушен. Однако мы должны быть готовы. Сейчас я вернусь...

Лишь только Лисицын вступил во двор кремля, как весь остров осветился зловещим светом, а следом раздался такой оглушительный взрыв, что защитники цитадели не смогли устоять на ногах. Эхо понесло перекаты грома по горам, лесам и долинам.

Осаждающие, забыв осторожность, густыми толпами высыпали из траншей на возвышения, желая разобраться, что же случилось. Лисицын в этот момент дал сигнал зажигать мины и фугасы — все

взрывы слились в один неумолкаемый гул. В стане врага началась паника. Китайцы побежали, перегоняя друг друга. Тогда Лисицын приказал открыть огонь по бегущим, чтобы не дать им опомниться от испуга. В неприятельский лагерь он пустил несколько ракет. Эти ужасно гремящие и изрыгающие пламя ракеты и довершили дело. Утром весь остров был очищен от китайцев.

Защитники кремля с благоговением упали на колени и возблагодарили Бога за неожиданную победу.

Гедеону с несколькими товарищами было поручено осмотреть траншеи, а Лисицын с остальными людьми бросился к гавани, где нашел целыми обе свои лодки и одну барку. Опустив решетки в воротах, чтобы никто не мог ворваться в бухту, Лисицын осмотрел остров. Неприятельский лагерь был совершенно истреблен взрывом. В одном месте Сергей Петрович насчитал до двадцати исковерканных орудий. Много было оставлено разного имущества. По острову в испуге бегали лошади... Не отыскав ни одной живой души, Лисицын возвратился со своим отрядом в кремль. Здесь Гедеон объявил ему, что в траншеях нашел Кры- синского.

— Может, пора наконец его повесить? — ожесточился Гедеон.

— Прикажете пока запереть его в подвал. После вместе обдумаем, что с ним делать. Сколько ещё взято пленных?

— Тридцать шесть человек. Все раненные.

— Пусть перевяжут им раны, свезут на берег и сдадут китайскому начальству.

— Бедняки будут рады возвратиться к своим. Крысинский уверил их, что русские добивают пленных.

Лисицын, отдав лодки в распоряжение пленных, руководил захоронением погибших и приведением в порядок всего разрушенного войной на Приюте. Наступила ночь. Гарнизон в упоении победы не смыкал глаз. Перед рассветом Гедеон напомнил о Крысинском. Лисицын приказал привести его в сарай, ярко освещенный факелами. Там же собрался весь гарнизон. Крысинский вошел бледный как полотно.

— Игнатий Крысинский, — начал допрос Лисицын. — Зачем вы предали нас китайцам? Разве мы не обращались с вами, как с товарищем?

— Я не предавал! Китайское правительство распорядилось истребить ваше поселение, построенное на его земле.

— Как же вы очутились с ними здесь?

— Меня схватили на дороге, пан генерал.

— Но если вы были пленником, как оказались в рядах осаждающих?

— Меня заставили силой, пан генерал...

— Он лжет, — сказал Константин. — Я не раз видел, как он распоряжался атакой и наводил против нас орудия.

— А я видел, — добавил Николай, — как он палкой подгонял китайцев, чтоб проворней работали.

— Что вы на это скажете, Крысинский? — спросил Лисицын.

— Неправда! Они хотят меня погубить.

— Мне рассказывали пленные китайцы, — объявил Гедеон, — что именно Крысинский уговорил их главного мандарина воевать с нами и вызвался быть провожатым до Приюта. Он же указал и доступные места для высадки на остров. — Они бессовестно лгут, пан Гедеон! — вскричал Крысинский.

— Игнатий Крысинский, — продолжал Лисицын, — сознайтесь в ваших преступлениях, и вам будет дарована жизнь. Иначе...

— Да кто дал вам право осуждать меня на смерть? Вы такой же подданный императора Николая, как и я.

— Разница в том, что я верный подданный, а вы изменник, беглец, предатель. Государь даровал вам жизнь, несмотря на тяжкое преступление против государства. Чем же вы отплатили за его милосердие? Новой изменой.

— Что с ним толковать? — зашумели присутствующие. — Сбросить его со Сторожевой скалы — пусть в озере рыбу ловит.

Поляк задрожал, упал на колени, стал умолять о милости.

— Встаньте, — приказал Лисицын. — Будете откровенно отвечать на мои вопросы?

— Я готов исполнить вашу волю.

— Кто командует китайцами?

— Командовал мандарин первой степени Шаоли, но он погиб при начале осады; теперь командует мандарин третьей степени Чиньян, если только не погиб при взрыве.

— Как велика китайская армия?

— Она состояла почти из восьмисот человек, но до вчерашнего дня едва ли оставалось триста здоровых. Теперь, должно быть, ещё меньше.

— Много ли осталось у неприятеля орудий?

— Ни одного, пан генерал, в траншеях были поставлены последние.

— Вы сказали, что вас заставили силой сражаться против нас. Если б я предложил вам сражаться против китайцев?

— О, пан генерал, я почел бы за счастье сражаться в рядах русских.

— Довольно! Товарищи, какое наказание считаете вы справедливым для этого изменника?

— Расстрелять его, — сказал один.

— Повесить.

— Сбросить со скалы в озеро!

— Только сперва руки-ноги отрубить.

— Зарыть живого в землю!

Крысинский, как бы чувствуя предстоящие муки, всё ниже склонялся к земле и наконец стал ползать, как пресмыкающееся, прося каждого о милости, но суровые воины отталкивали его ногами, как презренную тварь.

Утомленный этим зрелищем, Лисицын попросил товарищей:

— Не делайте меня судьёю, а себя палачами этого негодяя. Давайте отошлем его в китайский лагерь. Пусть там его судят.

— Я не изменял китайцам, им не за что меня судить! — вскричал Крысинский, обезумевший от страха.

Лисицын взглянул на поляка с глубоким сожалением:

— Не вы ли сейчас объявили мне о слабости китайской армии и о желании вашем сражаться против нее? Разве это не измена?

Защитники Приюта громко рассмеялись.

— Пусть, пусть эту собаку судят китайцы! А нам нечего поганить об него руки. Крысинского связали и повели для передачи китайцам.

Вскоре явился китайский парламентар с толмачем. Неприятель просил позволения беспрепятственно удалиться, за что предлагал: оставить русским всё холодное и огнестрельное оружие; возратить все суда, захваченные в гавани Приюта, а по переправе через озеро отдать все свои лодки; дать торжественную клятву сохранять с русскими мир в течение трех лет.

С согласия товарищей Лисицын подписал этот договор, заявив, что верит честности китайцев и будет сам наблюдать за исполнением ими условий. В тот же день неприятель сел на суда и начал отступление. Русская флотилия из трех лодок с пушками под начальством Гедеоны провожала разоруженных китайцев во время их пути по Архипелажному озеру, а Лисицын с восемью удалцами, привычными к верховой езде, скакал берегом, чтобы в случае обмана дать китайцам памятный урок. Для охраны Приюта остались Николай, Константин и Володя.

При преследовании неприятеля была принята предосторожность, чтобы скрыть от китайцев малочисленность сухопутных и морских русских сил: кавалерия гарцевала, то появляясь, то скрываясь в лесу, а флотилия плыла на таком расстоянии, что неприятель мог видеть одни флаги лодок, которых было шесть, но три шли пустыми на буксире за вооруженными. Неудавшаяся осада ещё более увеличивала число русских в воображении неприятеля.

Китайцы на этот раз добросовестно выполнили свой договор и отплыли на джонках домой.

По возвращении на Приют первым делом вернули Янси с его стадом и табуном. Опасения Лисицына, что Крысинский будет отыскивать стадо, оправдались: он водил китайцев в Долину роз, это доказывали разрушенный литейный завод и множество конных следов по разным направлениям.

После кратковременного отдыха все дружно принялись за поправку разрушенных стен. Превосходство белого камня над кирпичом при сопротивлении ударам ядер было столь очевидно, что стены исправляли этим же камнем. В тех двух пунктах, где неприятель с помощью вышек ворвался на Приют, построили

небольшие оборонительные башни. Таким образом, к зиме не осталось и следа губительной войны.

Обитатели Приюта провели эту зиму не скучно: каждый занимался своей любимой работой. Лисицын и Гедеон часто ходили на охоту и нередко кроме пушных зверей приносили крупную дичь. Солдаты иногда ловили рыбу неводом, подводя его подольдом сквозь ряд маленьких прорубей и вытаскивая в одну большую прорубь, сделанную у берега.

Это случилось в один из отдаленных выходов на охоту. Лисицын и Гедеон избрали для ночлега пещеру, развели в ней огонь, чтобы приготовить ужин. Лисицын ушел за хворостом, а Гедеон остался в пещере, исполняя обязанности повара. Вдруг в пещере появился огромный медведь. Зверь встал на задние лапы и, угрожающе рыча, пошел на человека. Гедеон в ужасе, подчиняясь лишь инстинкту самосохранения, забежал за костер и вооружился головней. Жертва и палач ходили вокруг костра, пока за недостатком дров костер не начал угасать. Гедеон понимал: как только погаснет огонь, его участь будет решена, потому что зверь всё больше ярился. К счастью, возвратившийся Лисицын избавил Гедеона от врага метким выстрелом.

Святую неделю обитатели Приюта встретили весело и совершенно по-русски. Полевые работы закончили дружно; исправили и расширили ферму; исправили орудия, лафеты, множество холодного оружия и вооружили все башни и стены кремля несравненно лучше прежнего. Не находя больше дела, но не любя праздности, товарищи Лисицына пожелали построить церковь во имя Спаса Нерукотворного в память своего избавления от неминуемой гибели. Лисицын обрадовался этой мысли и взял на себя обязанности архитектора, столяра и живописца. Место избрали на южной оконечности Сторожевой скалы. К работе приступили с особенным усердием. Даже Володя выпросил позволения участвовать в общих трудах.

В четыре месяца был сложен из белого камня теплый храм с деревянным потолком, оштукатуренным известкой, с красивым деревянным куполом и колокольней. Храм имел форму креста и

освещался красивыми узкими окнами. Пол сделали из чугунных плит. Крышу покрыли мелкой черепицей, а купол с главами и шпиль колокольни — листами красной меди. Кресты над храмом также были медными. Это придавало церкви замечательно нарядный вид, особенно при солнечном освещении.

Литейщики отлили большие колокола, медные, с примесью китайского серебра. Колокола имели звук густой, чистый, гармоничный. Были отлиты по рисункам Лисицына и с помощью Янси, лепившего формы, массивные оклады для образов. А Лисицын писал образа. Для этого емугодились краски, долго лежавшие без употребления.

В этих занятиях время прошло незаметно. Уборку хлебов закончили весело. Обилие копен радовало.

В один из праздничных дней Лисицын ушел на охоту. Геден с Володей оставались в крепости, а прочие обитатели Приюта расположились в тени поблизости от фермы — чай пить, толкуя о привольной жизни.

— Дался вам этот Приют, — говорил один казак. — Оно правда, строения чудесные и место отличное. Да что в том толку? Захолустье, глушь — не наши привольные слободы с красными девушками. Ни посиделок, ни вина зелена... — Вишь, чего захотел, — ухмылялся Константин. — Мы здесь как сыр в масле катаемся, и командир у нас что родной отец. Поди-ка к прежним — узнаешь, почем хрен с чесноком.

— Кабы наш командир был военный. А то живет себе барином, припеваючи. — Полно зубы-то точить, — перебил Николай. — Разве Сергей Петрович не работает вместе с нами? Разве он хуже кого с китайцами дрался? Жалел ли он себя? Да если бы не он, пили бы мы сейчас чай в тенечке!

— Что ж, разве я корю командира? Только Бог его знает, кто он? А если ссыльный какой? Сам-то не может воротиться и нас держит. Вот что я вам, братцы, скажу: пусть остается здесь в покое, а нам на родину пора. Неужели не стосковались по ней?

— Как не стосковаться, стосковались! — отвечали несколько голосов.

— Так за чем же дело стало? Помолимся — и марш в поход.

— Да как же мы дорогу найдем?

— Эко диво — дорогу найти. Доберемся до Амура, а по реке до Нерчинска доплывем.

— Вспомните, мы на царскую службу присягали, а не церковь строить Сергею Петровичу.

— Разве он неволил нас церковь строить? — возразил Константин.

— Сперва предложим командиру вести нас в Нерчинск. Если откажется, тогда и думать будем.

— Это дело! — заговорили разом.

Янси слышал весь разговор и передал его Гедееону.

— Братцы, — подошел к чаевничавшим Гедееон. — Мне не меньше вашего хочется на родину возвратиться и службу продолжить, но теперь идти невозможно: мы не приготовились к пути, и время года позднее.

— Всё ждать да ждать... — загудели солдаты. — Вам бы, Гедееон Михайлович, следовало торопить нас в Нерчинск, а вы поперечите царской присяге?

— Неправда, — с достоинством отвечал Гедееон. — Я лучше других понимаю свои обязанности. Рисковать своей головой я волен, но подвергать команду безрассудной опасности не могу. Что пользы будет, если я половину людей растеряю дорогой. Вспомните, как мы погибали в снегу, а спас нас Сергей Петрович, которому мы присягнули повиноваться. Он обещал при первой возможности доставить нас в Нерчинск. Объявим ему наше желание — пусть он и ведет нас.

— Пусть ведет! — решили единодушно.

Лисицын возвратился с охоты поздно вечером. Гедееон передал ему желание команды оставить Приют.

— Давно я размышлял об этом, — отвечал Лисицын. — И если б не осада, сам предложил бы добровольцам отправиться со мной в Нерчинск за помощью для удержания в русской власти этого важного пункта. Оборонять остров до моего возвращения хотел поручить вам. Потому так усердно и старался укрепить и вооружить

Приют, заготовить достаточно съестных припасов. Но теперь отправляться в поход поздно. Нужно дождаться весны.

— Я уже говорил об этом товарищам, но они не хотят ничего слушать.

— Соберемся завтра. Я переговорю с людьми.

На другой день толпа шумела больше прежнего, но, завидя Лисицына, солдаты смолкли и сняли фуражки. Лисицын поздоровался и начал:

— Я узнал, что вы всё желаете возвратиться в Нерчинск этой же осенью...

— Точно так! — выдохнула толпа.

— Теперь отвечайте по совести, чья та земля, которую русский подданный оружием отнял у неприятеля?

— Царская, — отвечали несколько голосов.

— А кому принадлежит построенная на царской земле крепость и её вооружение? — Государю!

— Честно ли оставлять царскую землю и царскую крепость без боя, в добычу неприятелю?

— Не честно!

— Теперь слушайте, братцы, что я вам скажу. Я — бывший русский офицер, заблудился в этой пустыне и избрал Приют для своего временного жительства в надежде пробраться на Амур и по нему приплыть в Нерчинск. Появились у меня товарищи. Но Богу было не угодно исполнить мое желание: сперва мешали обстоятельства, а потом началась война с китайцами за эту землю, которую мы отстояли с оружием. Чтобы удержать эту землю за русским государством на вечные времена, мы построили здесь укрепления и выдержали две осады до вашего прибытия, а третью — с вами. С вами мы укрепили этот остров так, что самый ничтожный гарнизон может защищаться в нем от нападения китайцев, если они нарушат мирный договор. Поэтому я хотел оставить в нем половину гарнизона под начальством Гедеона Михайловича, а с остальными отправиться в Нерчинск, где передать остров правительству. Основавшись в этом неприступном и хлебородном месте, русские легко могут покорить весь Приамурский край.

На Амур единственный путь — Алмазная река. Плыть на маленьких лодках в такой далекий путь — опасно, потому что на Амуре бывают сильные бури. Нужна шлюпка, которая могла бы вместить нас со значительным количеством боевых и съестных припасов и хотя бы два орудия на случай нападения китайских военных джонок. Приступить к постройке такого судна теперь — поздно. Потому, товарищи, дорожа вашей жизнью, я вынужден отложить поход наш до весны.

— В самом деле, братцы, не подождать ли до весны? Начальник дело говорит, — слышались голоса.

Люди разошлись. Но через два дня опять все, за исключением Гедеона и Константина, пришли просить Лисицына, чтобы вел их теперь же в Нерчинск. Не слушая увещаний Лисицына, они объявили, что пойдут одни, если он не захочет ими командовать.

— Братцы, — терял терпение Лисицын. — Прежние мои товарищи, нарушив добровольно данную мне клятву, отправились в Нерчинск без меня и все погибли. Вы поступаете точно так же и тоже погибнете, потому что не хотите слушать голос благоразумия, не знаете хитростей китайцев, неосторожны и самонадеянны. Идите с Богом! Берите с собою всё, что только захотите. Если же случится с вами несчастье, вспомните тогда слова мои и вините себя и ваших подстрекателей.

На следующий день Николай и ещё два товарища пришли к Лисицыну депутатами просить, чтобы он принял над ними начальство. Только с ним надеются они счастливо достигнуть Нерчинска.

— Сергей Петрович! — горячились депутаты. — Почти все мы согласны с вами, что лучше дожидаться весны, но что же делать, если всем так крепко захотелось поскорей увидеть родину?! Бог будет вам судья, если мы попадем в засаду или погибнем под ножами китайцев или от голода.

— Сергей Петрович, — заключил Гедеон. — Глас народа — глас Божий.

— Вижу, ничем вас не образумишь, братцы, — печально сказал Лисицын. — Я не хочу вашей гибели. Не ожидаю успеха от

осеннего похода, однако ж иду с вами. Депутаты поспешили объявить товарищам решение Лисицына. Все с криками радости прибежали благодарить командира.

Оставив Янси главнокомандующим и защитником Приюта и дав ему необходимые наставления, Лисицын со всеми людьми отправился на Алмазную реку, где, расположившись в шалашах, работники, умеющие владеть топором, приступили к постройке большой шлюпки с парусами, которую предполагалось вооружить четырьмя орудиями. Место для постройки шлюпки выбрали удобное; сухого лесу оказалось достаточно. Все нужные материалы доставлялись с Приюта. Усердие строителей было выше всякой похвалы. Все хорошо понимали, что от работы зависит успех похода.

Оснастив и вооружив шлюпку, нагрузив её достаточным количеством съестных и военных припасов и привязав к корме две легкие лодки, отряд пустился в путь. Люди были вооружены исправными ружьями и абордажным оружием, а Лисицын не забыл захватить свое крепостное ружье.

Ветер дул попутный. Погода стояла теплая и ясная. Места были разнообразны и живописны. Если бы Лисицын не был занят исключительно мерами осторожности и соблюдением строгого порядка, то восхищался бы зеленой равниной, вековым лесом, прихотливо сбегавшим к реке, очаровательными холмами, дикими скалами, грозно нависавшими над зеркальной поверхностью вод. Воспользовавшись попутным ветром, путешественники плыли на всех парусах, которыми, впрочем, управлять не умели. К тому же шлюпка имела тяжелый ход и плохо слушалась руля. Несмотря на это, после двухнедельного плавания они достигли Амура.

Эта река-море изумила Лисицына и его спутников. Зная, что правый берег населен китайцами, Лисицын держался левого, необитаемого, берега, чтобы избежать неприятных встреч.

С выходом на Амур ветер переменился. Пришлось убрать паруса и плыть на веслах против течения. В продолжение целого дня путешественники не встречали ни одной живой души. На следующий день мелькнула маленькая китайская лодка с двумя пассажирами. Она сначала было приближалась к шлюпке, но потом круто

отвернула и быстро скрылась из глаз. В полдень подплыла большая китайская лодка, в которой сидели мандарин, десять воинов и переводчик.

— Кто вы? — спросил мандарин через толмача.

— Русские, — отвечал Лисицын, не останавливая шлюпки.

— Откуда и куда плывете?

— Пробираемся в русский город Нерчинск с острова Сахалина, где потерпели крушение.

Мандарин, сомневаясь, покачал головой, ответы Лисицына записал в книжку. Записал также число людей и орудий на шлюпке и отбыл.

Ночью на китайском берегу Амура видны были пылающие костры на всём протяжении пути. Вероятно, это были сигналы, предостерегающие подданных Поднебесной империи от нечаянного нападения русских варваров. Люди, составлявшие экипаж шлюпки, гребли посменно. Лисицын ночью сам стоял у руля.

Через день опять подошла лодка. В ней сидел мандарин третьей степени с двадцатью воинами. Он задал те же вопросы. Ответы были прежние, без малейших изменений. Лисицын знал, что китайцы очень подозрительны, потому старался быть точным.

— Если вы русские, спасшиеся от крушения, — заявил мандарин, — начальник края приглашает вас явиться к нему. Он прикажет снабдить вас всем необходимым и отправит к вашему начальству.

— Благодарим начальника края, но мы ни в чем не нуждаемся и сами доплывем до русской границы.

— Вы не сдаётесь мне? Вы решаетесь послушаться приказания начальника края? — Русские подданные не обязаны повиноваться китайскому начальству.

— Так я заставлю вас повиноваться! — закричал разгневанный мандарин. — Неужели вы думаете, что я поверил вашим сказкам? Платье на вас не матросское, и лодка не похожа на корабельную.

— Заставите? — спокойно спросил Лисицын и приказал навести два бортовые орудия на китайскую лодку.

Это распоряжение охладило пыл мандарина. Его лодка поспешила удалиться из-под выстрелов.

На следующее утро путешественников встретили четыре лодки. Начальствующий мандарин грозно приказывал русскому отряду остановиться, но Лисицын продолжал плыть, не обращая на это внимания.

— Я прикажу стрелять! — погрозил мандарин.

— Тогда и мои пушки молчать не будут, — отвечал Лисицын.

Одна из китайских лодок перегородила русским дорогу, но ходом тяжелой шлюпки была опрокинута. Впрочем, и лодка осталась цела, и люди успели спастись. Происшедшая при этом суматоха дала Лисицыну возможность уплыть несколько вперед, однако недалеко. Китайские лодки скоро нагнали шлюпку и сопровождали её на расстоянии ружейного выстрела.

Вечером к неприятельской флотилии присоединилось несколько лодок с вооруженными людьми. Ночью Лисицын, удвоив бдительность, выплыл на середину реки, чтобы не попасть в засаду. Утром подул попутный ветер, которым Лисицын немедленно воспользовался, приказав распустить паруса. Китайская флотилия, приметив это, дала по русским залп из ружей. Но экипаж пуль не заметил. Гedeону очень хотелось ответить картечью из кормового орудия, но Лисицын это решительно запретил, доказывая, что гораздо лучше уйти без шума. После этого два дня русские не видали неприятеля. Они миновали устье большой реки, впадающей в Амур. Ночью поднялась буря. Гром не умолкал, потрясая небо и землю, а молнии были до того яркими и частыми, что казалось, будто всё небо пылает. Порывистый ветер вздул на реке высокие валы, которые по прихоти своей кидали шлюпку то в одну, то в другую сторону.

Лисицыну очень трудно было управлять судном как по собственной неопытности, так и по совершенному незнанию его товарищами морского дела. Он каждую минуту ожидал крушения. Особенно ему жаль было Володю, сидевшего в ужасе у его ног.

К утру буря стихла, но сильный встречный ветер вынуждал идти на веслах. Днем подплыла китайская речная военная джонка, вооруженная пушками, на которой кроме матросов находилось шестьдесят стрелков. Командующий мандарин приказал русским следовать за собой. Когда же Лисицын отказался это исполнить,

начал грозить потопить шлюпку. Видя, что русские продолжают плыть, не обращая внимания на угрозы, китайцы, пропустив их вперед, повернули свою джонку бортом против кормы и дали залп из двух орудий. Ядра запрыгали около шлюпки.

Лисицын приказал выстрелить из кормовой пушки картечью. Выстрел был так удачен, что остановил разворот джонки на другой бок. В это время от китайского берега отчалили четыре лодки, и Лисицын поспешил вперед, оставив джонку исправлять полученные повреждения. Гребцы так усердно налегли на весла, что скоро китайская флотилия скрылась из глаз.

Однако торжество русских продолжалось недолго: с правой стороны на расстоянии ста сажень шли две китайские джонки, вооруженные пушками, в сопровождении целой флотилии лодок. Они поравнялись со шлюпкой, но не нападали на нее. Проплыв таким образом три часа, русские увидели впереди ещё три джонки, тоже с лодками.

Лисицын понял, что без генерального сражения не обойдется. Зная, что с их неповоротливым судном выиграть его будет трудно, он собрал военный совет, на который пригласил всех своих товарищей.

— Друзья мои, — сказал Лисицын, — неприятель постоянно увеличивает силы, чтобы преградить нам путь и овладеть нашей шлюпкой. Китайцы имеют огромный перевес в числе людей и орудий и, вероятно, ещё получают подкрепления, поэтому сражение неизбежно. Лучше напасть на врага теперь, нежели когда он усилится вдвое. Не скрою, что наша шлюпка построена дурно: она медленна на ходу и тяжела на поворотах, а эти недостатки дают неприятелю важное преимущество. Обсудите все обстоятельства и решите большинством голосов, атаковать ли неприятеля или, обманув его ложным маневром, высадиться на пустынный левый берег Амура и берегом продолжать наш путь в Нерчинск. В этом случае мы должны будем потопить или взорвать нашу шлюпку, а в пути терпеть нужду в съестных припасах. Мстительные китайцы будут преследовать нас своими отрядами и устраивать засады. Наконец, последнее средство избежать боя — это воспользоваться ветром и на всех парусах плыть назад, к Алмазной реке. Изберите

любой способ, и тогда общими силами постараемся привести его в исполнение.

— Я полагаю, нам лучше пробиться сквозь китайскую флотилию, — сказал Геден. — Если не победим, то дорого отдадим свои жизни. Пойдем берегом — без славы пропадем или от неприятельских пуль погибнем, от голода, от зимних морозов...

— Я согласен с Геденом Михайловичем, — сказал Николай. — Мы уже испробовали зимний поход.

— По-моему, всего лучше отретироваться на Приют, — сказал Константин. — А там, что Бог даст.

— Зачем домой? — стали возражать со всех сторон. — Пойдем берегом, ведь до Нерчинска рукой подать.

— Как бы не так, — были несогласные. — До Нерчинска больше тысячи верст будет. Зимой туда не дойдешь. Ворочаться назад тоже незачем. Пусть попробуют напасть китайцы — мы их отделаем!

— Пусть решит командир, — проговорили остальные.

— Я повторяю, — сказал Лисицын, — выгоднее нам самим напасть на неприятеля, а если не удастся победить, распустить паруса и возвратиться на Приют. Весной построим более удобное и надежное судно, лучше вооружим его и снова попытаемся плыть в Нерчинск. Если же Бог дарует нам победу, устрешенные китайцы перестанут нас преследовать.

— Пусть будет так! — согласились спутники Лисицына. — Приказывайте.

— Благодарю вас, друзья, за это смелое решение. Русские никогда не считали врагов, но сражались мужественно, твердо уповав на Бога.

Лисицын приказал изготавиться к бою и раскрепить паруса так, чтобы в одну минуту можно было их распустить. Всё делалось без торопливости и в тишине, чтобы не дать неприятелю повода к подозрению. Лисицын рассчитывал напасть на вражескую флотилию ночью, устремясь сперва на джонки, плывшие сзади, а разбив их, напасть на среднюю флотилию и постараться уничтожить её до прибытия передовых джонок. Словом, он хотел воспользоваться растянутостью неприятельских отрядов и разбить их по частям.

Наступила ночь. Противный ветер всё крепчал и усиливал качку. Лисицын приказал развернуться назад, чтобы исполнить свой план атаки, но в это время неприятельская флотилия начала быстро окружать шлюпку, и прежде чем русские успели атаковать ближайшую джонку, прогремел общий залп с китайских судов. Пули жужжали, подобно пчелиному рою, а ядра прыгали по воде рикошетами. Но благодаря сильной качке эти выстрелы нанесли мало вреда.

— Руль влево! Картечью! Пали! — скомандовал Лисицын, прицеливаясь в мандарина.

Последовал выстрел. На неприятельских судах слышались стоны и крики, и ближайшие из лодок поспешили отвернуть. Началось упорное сражение. Русские стреляли ядрами, сберегая картечь. Китайцы употребили особую тактику: в то время как джонки действовали артиллерийским огнем, лодки бросились атаковать шлюпку. Против них русские применяли ручные гранаты, картечь и крепостное ружье, из которого Лисицын поражал начальников.

Битва кипела более двух часов. Одна из неприятельских джонок и четыре лодки были потоплены, ещё одна джонка сильно повреждена. Но и русские понесли огромный урон: четыре человека были убиты, четверо ранены, два орудия подбиты, все весельные шканцы раздроблены, наконец, в шлюпке обнаружилась течь от полученных пробоин. Оставаться дольше под огнем было безрассудно. Лисицын приказал распустить паруса. Шлюпка устремилась назад, увлекаемая сильным попутным ветром.

Все встретившиеся на пути неприятельские лодки были опрокинуты, а преследующие получали картечь из кормового орудия. Китайцы не ожидали такого маневра русских и проиграли им расстояние более чем в три версты. На шлюпке распустили все паруса, а чтобы облегчить её бег, побросали за борт подбитые орудия и часть боевых снарядов.

Потеряв из виду неприятеля, Лисицын начал уже успокаиваться, но случилась новая беда: течь усилилась, и для отливания воды потребовались усилия всего экипажа. Не починив судна, плыть стало невозможно, а чинить — не допустит неприятель. Оставалось одно:

спасаться на уцелевших лодках. Лисицын приказал нагрузить лодки теплой одеждой и съестными припасами, захватить патронные сумы, бочонок пороху, ящик пуль и людям разместиться в них поровну.

В одну лодку сел Лисицын с Володей и шестью товарищами, двое из них были ранены; в другую — Гедеон и семь человек, включая также двух раненых. Сражаться на двух лодках без пушек было бы безумием. Лисицын думал теперь только о спасении людей, вверивших ему судьбу свою.

Он вспомнил, что поблизости видел реку, впадающую в Амур. Она могла послужить спасением от погони. Поравнявшись с её устьем, русские направили в него свои лодки, а чтобы ввести китайцев в заблуждение, пустили шлюпку на всех парусах по течению Амура.

Начинало светать. Лодки плыли по широкой неизвестной реке, не имея за собой погони. После нескольких часов плавания Лисицын приказал причалить к берегу и оказать помощь раненым. Они просили напоить их чаем, но Лисицын вынужден был отказать им в этом, чтобы дымом не указать китайцам место своей стоянки. Перевязав раненых и уложив их сколь возможно покойнее в лодки, поплыли далее.

Эта поспешность не была лишней: при повороте реки влево, огибая выдавшийся мыс, Лисицын увидел в подзорную трубу две большие военные лодки, плывшие по реке. Это обстоятельство тотчас прекратило ропот раненых и заставило здоровых налечь на весла.

К несчастью, на реке не было ни одного островка, за которым можно было бы укрыться. Скоро в прямом течении реки неприятельские лодки стали видны невооруженным глазом. Следовательно, и китайцы видели русских.

Лисицын не спускал глаз с врагов: одна лодка повернула назад, а другая старалась не приближаться к русским. Нашему герою стало ясно: китайцы, обнаружив русских, послали уведомить о том флотилию. Его искушала мысль напасть на лодку и истребить её, но, рассчитав, что это только замедлит их ход, он не решился на сомнительное сражение.

Смеркалось. С левой стороны открылась глубокая речка, впадающая в большую реку, которая в этом месте образовывала

острый скалистый мыс, поросший густым лесом и частым кустарником, сбегавшим к самой воде. Лисицын поспешил повернуть в эту речку. Проплыв с четверть версты, он приказал остановиться, вытащить лодки на берег и спрятать их в кустарнике. Всё было исполнено в полной тишине.

Прошло по крайней мере два часа тоскливого ожидания, пока Лисицын удостоверился, что хитрость его удалась: он услышал плеск воды и рассмотрел силуэты четырех лодок, проплывших мимо их убежища вверх. Когда китайцы отошли на большое расстояние, Геден шепнул Лисицыну:

— Теперь нам бы поскорее вернуться в реку. Пока неприятель будет отыскивать нас в этой речонке...

— Если б нас было только двое, мы сумели бы оторваться, но имея на своей ответственности весь отряд, раненых и Володю, я не могу поступать опрометчиво. — Что же может быть опасного в моем предложении?

— В устье речки могут находиться другие лодки, стерегущие выход. Китайцы — очень неглупый народ. Но можно извлечь пользу из вашей мысли. Я пойду лесом до оконечности мыса. Если устье речки свободно, мы пустимся в поход по реке. Лисицын осторожно пошел вдоль берега, прикрываясь чащей леса от любопытных глаз. Взойдя на самую высокую точку мыса, он увидел в устье реки военную джонку, стоящую на якоре. Поблизости от нее две лодки промеряли глубину. Сама местность подсказала Лисицыну план действий. Река возле мыса делала изгиб, поэтому от места убежища отряда до берега большой реки по прямой было не более шестидесяти саженей. Если бы русским удалось перенести лодки на большую реку, не будучи замеченными неприятелем, они на эту ночь были бы спасены.

Возвратясь к товарищам, Лисицын сообщил им свои открытия. Все согласились выполнять его распоряжения. Раненые, опираясь на палки, могли пройти до берега без посторонней помощи, но для перенесения каждой лодки требовались силы всех здоровых людей. Первую лодку перенесли благополучно и осторожно спустили на воду. Но лишь только люди подошли ко второй лодке, на речке,

почти рядом, слышался шум. Села на мель китайская джонка. Китайцы, бросившись в воду, старались сдвинуть её. Не более десяти шагов разделяло врагов. Русские оставались недвижимы, пока джонка не снялась с мели. Когда она отплыла на значительное расстояние, другую лодку перенесли и спустили на воду. Разместившись, как прежде, храбрецы поплыли вверх по большой реке, гребя всю ночь до изнеможения.

Наступило великолепное утро. Солнце освещало землю до малой травинки. Природа, казалось, радовалась спасению горсти смельчаков. К довершению удовольствия встретился на реке лесистый островок. К нему причалили, но огня разводить не стали.

После нескольких часов отдыха, лодки снова пустились в путь, плывя на таком близком друг от друга расстоянии, что можно было разговаривать. Лисицын часто прибегал к подзорной трубе, но неприятеля видно не было.

— Должно быть, мы всё же надули китайцев, — весело сказал Гедеон.

— Хорошо бы, чтобы они подольше не напали на наш след, — отвечал Лисицын. — А вы полагаете, что китайцы отыщут наш след?

— Я в этом совершенно уверен. Проплывя несколько верст по речке и ничего не обнаружив, они оставят несколько лодок выслеживать нас, а главными силами поплывут по этой реке и не оставят без исследования берегов её. Мы лишь выиграли немного времени до нового нападения. Правда, я надеюсь, что у нас есть несколько дней, а за это время раненые будут способны следовать за здоровыми. Тогда в случае крайней опасности мы бросим наши лодки и пойдем на Приют через лес.

К общей радости, в этот день и в следующую ночь неприятель не показывался. Когда причалили к берегу для перевязки раненых, Лисицын влез на высокое дерево с подзорной трубой. Он увидел две джонки, шедшие на парусах; каждая джонка буксировала по три лодки; расстояние, по его прикидке, могло быть не более десяти верст. Он молча передал трубу Гедеону, также взобравшемуся на дерево.

— Досадно, — вздохнул служака. — Вижу, нам не уйти.

— Нужно попытаться ещё раз обмануть китайцев, — отвечал Лисицын. — И я почти уверен в успехе, если в точности исполнят мои приказания.

— Будьте в этом уверены.

— Пройдя в глубь леса саженой сто, разложите огонь на какой-нибудь поляне так, чтобы с реки был виден дым, а людям прикажите пошире протоптать след. Пусть китайцы думают, что мы спрятали лодку и выжидаем в лесу, когда они удалятся. Я сделаю то же самое на другом берегу. Потом мы сядем в лодки и поспешим плыть, а там что Бог даст.

— Вы полагаете, что неприятель будет этим обманут?

— Во всяком случае, он должен исследовать причину дыма и употребит на это немало времени, а для нас каждая выигранная минута драгоценна. Поспешите исполнить эту проделку да не забудьте оставить у костра остатки пищи. Людям прикажите идти к лодке босиком по мху, чтоб не видно было обратных следов. Пусть китайцы поломают голову — куда мы провалились?..

Гедеон и Лисицын почти в одно время зажгли костры в лесной чаще и, возвратившись в лодки, быстро отплыли, стараясь укрываться то за изгибом реки, то возле кустов, сбегавших в воду, то под нависавшими скалами.

Прошло несколько часов, а неприятеля в подзорную трубу видно не было. Наконец и солнце село. Погони всё не было. Ночью Лисицын не позволил остановиться, а приказал безостановочно грести, чаще сменяясь у весел. Утром, во время перевязки раненых, он опять увидел в трубу паруса джонок. Объявив товарищам о погоне, Сергей Петрович приказал плыть. Он решил при первом удобном случае высадиться на берег, потопив лодки.

Прошел час самой усиленной гребли. Неприятель был уже не далее трех верст. Вдруг Лисицын увидел с правой стороны обширное болото, поросшее частым кустарником и высоким тростником. Уверившись, что река с ним соединяется и что между кочками есть каналы, удобные для прохода лодок, он ввел в это убежище свою маленькую флотилию и, пройдя около версты, причалил к лесистому возвышению, на которое высадился весь отряд. Возбравшись на

дерево с подозрной трубой, Лисицын увидел китайцев — две джонки и шесть лодок, — остановившихся перед болотом. Обе джонки бросили якорь, а лодки вошли в тростники отыскивать русских.

Лисицын не опасался быть захваченным: его лодки и люди были хорошо укрыты на берегу. Если бы его отряд и открыли, он надеялся без потерь отступить в лес, куда китайцы едва ли решатся следовать. Неприятельские лодки обследовали все места, казавшиеся подозрительными, и, пройдя близко от берега, где скрывались русские, повернули назад. Вскоре джонки снялись с якоря и в прежнем порядке поплыли далее.

Сергей Петрович вновь собрал военный совет. Необходимо было решить, что предпринять: плыть назад, отправиться вперед за джонками или оставаться на месте, пока неприятель вернется, окончив бесполезные поиски. Мнения были различны: некоторые предлагали вернуться на Амур и по воде плыть до Приюта; большая часть отряда предпочитала плыть вперед, надеясь открыть сообщение с озерами Приюта; только Лисицын настаивал оставаться на биваке и ждать, пока неприятель откажется от своих поисков.

На этот раз мнение его не было уважено. Ему возразили: китайцы могут плыть по реке до её истоков, на что потребуется немало времени, а между тем наступит зима, и придется зимовать или на этом месте, или на пути к Приюту. Лисицын возражал: плыть к Амуру — безумие. Там, вероятно, собрана большая китайская флотилия для их встречи. Плыть вперед тоже очень опасно: китайцы, пользуясь парусами, быстро пройдут большое расстояние и, не нагнав лодок, вернутся отыскивать их на обратном пути. Встреча с многочисленным неприятелем будет неизбежна. Тогда для них останется одно средство: высадиться на берег и искать спасения в лесу, оставив лодки в руках неприятеля.

Большинство товарищей сошлись на том, чтобы всё-таки плыть вперед. Лисицын вынужден был подчиниться.

Едва занялась утренняя заря, беглецы выплыли из своего убежища и направились по следам китайской флотилии. В течение суток они не видели неприятеля. Между тем раненые уже настолько поправились, что могли действовать веслом, но Лисицын не

позволял им утомляться. Прошло ещё два дня спокойного плавания. — Что вы теперь скажете? — спросил Гедеон, подплыв к Лисицыну. — Если бы китайцы вздумали вернуться, нам пора бы их встретить. Вероятно, они нашли сообщение с озерами Приюта.

— Дай Бог, чтобы они не повстречались с нами на невыгодной для нас позиции или внезапно. Тогда мы не успеем высадиться на берег. Что же касается возможного сообщения этой реки с озерами, то Глубокое озеро имеет сообщение только с Алмазной рекой. Уж вы мне поверьте.

— В таком случае мы напрасно подвергаем себя опасности...

— Тратим дорогое время и истощаем силы. Боюсь, скоро мы получим урок за свое легкомыслие.

В это время с правой стороны показалось озеро, соединяющееся с рекой глубоким каналом. Люди возрадовались — наконец они достигли цели своего плавания! Однако это был лишь лабиринт маленьких озер, соединенных между собой протоками. Берега их были покрыты местами частым лесом, местами густым кустарником. Первым побуждением Лисицына было укрыться здесь на время, но, вспомнив обыск китайцами тростников, он побоялся попасть в засаду.

Когда Лисицын спустился с дерева, служившего ему для осмотра местности, один из товарищей обратил внимание на плававший в проливе обломок китайской деревянной посуды. Этого было достаточно, чтобы увериться, что неприятель, не нагнав русских, на обратном пути отыскивает их в озерах.

Итак, дорога вперед открыта, благоприятный случай помог нашим беглецам. Теперь они могут плыть вперед. Опасности преследования для них кончились. Даже Лисицын охотно признал, что план большинства оказался удачным.

— Теперь мы с каждой минутой будем удаляться друг от друга, как поссорившиеся соседи, — шутя говорил Лисицын. — Китайцы будут спускаться вниз по реке, выйдя из лабиринта озер, а мы...

Он не закончил фразы — за скалистым мысом стояла на якоре у берега вся китайская флотилия. Это доказывало, что неприятель

осмотрел озера во время пути вверх и потому потерял так много времени.

— Вы опять правы, — печально сказал Гедеон. — Что будем делать? Нас, вероятно, уже заметили.

— Скорее в озера, пока неприятель не снялся с якоря! Я буду прикрывать вас. Лодки быстро повернули, но было поздно: две неприятельские джонки, дав сигнал тревоги, погнались за русскими.

Подпустив на верный ружейный выстрел ближайшую из неприятельских джонок, Лисицын из крепостного ружья свалил рулевого, вторым выстрелом ранил начальника. Эти потери уняли храбрость преследующих, и герой наш успел соединиться с Гедеоном.

Вторая китайская джонка, очень легкая на ходу, начала настигать отступающих, оставив далеко позади всю флотилию. Лисицын этим немедленно воспользовался, приказав своим лодкам разойтись на дистанцию и подвергнуть китайцев перекрестному огню. Мера эта вполне удалась — русские столько наделали вреда неприятелю, что он немедленно отступил под прикрытие прочих судов, которые в это время успели принять людей с берега и спешили на помощь своему храброму авангарду.

Лишь только русские успели проплыть первое озеро и скрыться в одном из многочисленных проливов, как китайцы появились на озере. Они остановились, не зная, в какой пролив отступили русские. Одна из джонок бросила якорь у выхода из озера в реку, а лодки бросились осматривать ближайшие проливы. Вторая джонка вошла в озеро, смежное с тем, в котором скрылись русские. Такое соседство было слишком опасно.

Лисицын с величайшей осторожностью незаметно для китайцев провел свои лодки в соседнее озеро, где они укрылись в частых кустах. Когда опустилась ночь, он переменял место стоянки. Китайская джонка вскоре заняла оставленное русскими озеро. Таким образом, русских от неприятеля отделял узкий гребень земли саженей в сорок шириной, поросший частым молодым лесом. Лисицын, приказав товарищам соблюдать полную тишину и осторожность, отправился осматривать берега, чтобы узнать, имеет ли озеро сообщение со смежным. Берега оказались очень извилисты.

Осмотр требовал большой наблюдательности, поэтому Сергей Петрович продвигался медленно.

Он удостоверился, что озеро не имеет другого выхода, кроме того, через который они проплыли. В западном углу он нашел перешеек не шире десяти сажень, через него можно было перенести лодки в соседнее озеро. Нужно было поспешить. Вернувшись к товарищам, Лисицын был очень огорчен, узнав, что Гедеон позволил себя уговорить двум храбрецам и отправился с ними на лодке к неприятельской джонке, чтобы сжечь её. Поневоле пришлось ждать последствий этого неблагоразумного поступка.

Только успели смельчаки набросать в джонку горючих материалов, как часовые, проснувшись, начали стрелять из пушек, призывая на помощь другие суда. Гедеон хотел было уплыть, но был встречен двумя китайскими лодками, которые тотчас погнались за ним. Между тем экипаж джонки начал тушить пожар.

Лисицыну было достаточно минуты, чтобы понять все обстоятельства этого несчастного дела. Сознывая опасность, угрожавшую его другу, он всеми средствами постарался ему помочь. Чтобы не дать возможность китайцам потушить пожар на джонке, он расставил по опушке леса десять лучших стрелков, приказав им целиться, не торопясь, в людей, заливающих огонь. Потом, взяв с собой Константина как более сильного и ловкого в рукопашной схватке, побежал с ним по перешейку, разделявшему озера, а лодке с остальными людьми приказал двигаться вслед за ними поблизости от берега. Сергей Петрович подал сигнал, хорошо знакомый Гедеону. К счастью, друг его понял и, отстреливаясь от наседавших врагов, направил лодку к тому месту, где ожидал его Лисицын.

У самого берега китайская лодка нагнала лодку Гедеона — завязался рукопашный бой. Когда Лисицын с Константином подоспели к месту схватки, то одного товарища нашли убитым, другой сражался с двумя противниками, а Гедеона трое рослых китайцев тащили к своей лодке. Предоставив Константину спасать стрелка, Лисицын бросился на выручку друга. Выстрелом из ружья он разmozжил голову одному китайцу, ударом приклада поверг на землю другого, а третий бросился наутек. Однако пуля Лисицына

догнала и его, когда он, вскочив в лодку, уже взялся за весло. Подхватив обеспамятевшего Гедеона, Сергей Петрович притащил его к своей лодке. Вскоре явился Константин, не спасший товарища, но разделавшийся с убившим его китайцем.

Между тем к горящей джонке спешили все неприятельские суда. Лисицын, уверившись, что джонку потушить невозможно, принял оставшихся в живых в лодку и поплыл к узкому перешейку озера. В это время вошла в озеро, освещенное пожаром, большая неприятельская лодка, наполненная воинами. Нужно было решать: отступить или принять бой. Бежать под выстрелами значило потерять много людей и открыть китайцам перешеек. Лисицын решил вступить в борьбу. Укрыв Гедеона и Володю на дне лодки, он приказал плыть навстречу неприятелю. Озадачив китайцев ружейным залпом почти в упор, русские сошлись бортами и начали рукопашный бой штыками. Лисицын пробивал топором отверстие в неприятельской лодке. Кто знает, как мастерски русский солдат владеет штыком, тот не удивится, что половина китайцев была переколота, прежде чем остальные начали тонуть. Тогда русские поспешили к перешейку и, благополучно перенеся через него лодку, спокойно поплыли по водам соседнего озера.

Оглушительный взрыв возвестил им о гибели китайского военного судна. Сгустился мрак, под прикрытием которого отряд Лисицына продолжал плыть на северо-восток, пользуясь проливами, а где их не было, переносил лодку через перешейки.

Когда наступил день, герой наш осмотрел местность с высокого дерева и нигде неприятеля не увидел. Перевязали раненых. К счастью, ни одного тяжелого не оказалось, а раны Гедеона были ничтожны.

— Слава Богу, мы отомстили китайцам! — сказал Гедеон Михайлович, с признательностью пожимая руку своему избавителю.

— Тут нечему радоваться. Конечно, китайцы потерпели большой урон, но и мы лишились четырех храбрых товарищей. Без этой губительной вылазки мы все могли бы незаметно переправиться через перешеек и доплыть до теперешней стоянки. — Стало быть, я поступил неправильно?

— Вы поступили как благородный и храбрый воин, идущий на подвиг. Но сожжение джонки не принесло нам существенной пользы. Следовательно, товарищи наши погибли даром, а могли быть сохранены отечеству. Несколько лет назад я поступил бы так же, но лесная жизнь и уединение научили меня размышлять...

Русский отряд, подкрепившись горячей пищей, поплыл по принятому направлению. На третьи сутки, в полдень, он пересек последнее озеро и высадился на берег. Товарищи поспешили разложить костер и полакомились свежей рыбой, во множестве водившейся в озере. На следующий день Лисицын собрал совет.

— По милосердию Божию большая часть из нас спаслась от преследования китайцев, — начал Сергей Петрович. — Однако мы лишены возможности пробраться на Амур и доплыть до русских границ. Зимовать здесь также невозможно. Остается одно средство — возвратиться на Приют и там готовиться к новому походу. По моим расчетам, нас отделяют не более четырехсот верст от Алмазной реки, а берегом Алмазной реки мы доберемся до нашего жилища. Сухопутной дороги нам бояться нечего. По рассказам Василия, осматривавшего Приамурский край, на этом пути мы не встретим гор и значительных рек. У нас исправные ружья — значит, мы всегда найдем пропитание. Топоры помогут нам преодолевать препятствия. На случай зимы у всех есть теплая одежда. Словом, товарищи, я советую идти на Приют, а там решайте...

— Позвольте нам хорошенько всё обдумать, — заговорили кругом. — Соберемся к ужину — дадим ответ.

Только Гедеон уверил Лисицына, что во всяком случае последует за ним вместе с Володей. Поговорив со своим другом о направлении пути, герой наш отправился в лес, чтобы добыть к ужину крупную дичь. Уже солнце село в пурпурных облаках заката, когда он возвратился к биваку с козой на плечах. Его изумлению не было предела: он не нашел ни лодки, ни товарищей. Напрасно громкий его голос раздавался в округе — никто не откликался. Он несколько раз выстрелил, но только эхо и пронзительные крики испуганных птиц отвечали на эти сигналы. Итак, Лисицын был вторично оставлен людьми, которых своим благоразумием и мужеством только что спас

от верной гибели. Он вторично ошибся в привязанности друзей — Василий и Гедеон изменили ему. Измена Гедеона особенно уязвила его сердце. Даже милый мальчик Володя бросил своего наставника, как ненужную больше игрушку. Лисицын, правда, тотчас признал несправедливость этого упрека, ведь Володя не мог противиться дяде. Приближалась ночь. Нужно было подумать о спокойном убежище. Лисицын только теперь заметил шалаш из еловых ветвей, сложенный его товарищами. Войдя в него, он нашел мешок сухарей, свой топор, свою теплую обувь и одежду. Вероятно, Гедеон позаботился о нем. В надежде, что кто-нибудь вернется, Лисицын всю ночь поддерживал огонь возле своего убежища и заснул только с рассветом.

Пробуждение убедило его, что он опять одинокий странник. Однако герой наш не упал духом. У него было теплое платье, компас, подзорная труба, топор и дуствольное ружье с достаточным количеством зарядов, мешок сухарей. Всего этого было достаточно лесному охотнику. Помолясь усердно Богу, он бодро пошел на восток, прямо к Алмазной реке.

Из дневника нашего героя видно, что во время этого странствования с ним не случилось ничего необыкновенного. В пище он не имел недостатка, добывая повсюду дичь. Он не встретил ни широких рек, ни глубоких оврагов, ни высоких гор и через две недели добрался до Алмазной реки. Выпал снег, ударили морозы, но это не помешало ему через пять дней достигнуть Архипелажного озера. Я не в состоянии описать его радость и благодарность Творцу за милостивое покровительство. Лед на озере был так крепок, что Лисицын мог идти по нему к Приюту, не опасаясь провалиться.

Считая себя дома, Сергей Петрович повеселел. Он скоро очутился перед Сторожевой башней, защищавшей вход в гавань. Решетки были опущены. После нескольких сигнальных выстрелов Янси не появился. Проведя три часа перед решеткой, герой наш заключил, что Янси или умер, или оставил остров.

Мысли его теперь сделались мрачны: остров так укреплен и неприступен, что на него невозможно проникнуть, поэтому зимовка в теплом доме теперь была лишь мечтой. Перед глазами Лисицына

величественно вставал кремль, высоко к небу стремился блестящий шпиль колокольни, горел пожаром церковный купол, виднелась на скале Сторожевая башня...

Лисицын попробовал поднять решетку толстым шестом, но она либо сильно обмерзла, либо была заперта — усилия оказались тщетными. Сергей Петрович вспомнил, что в Долине роз осталась неразрушенная постройка при литейном заводе, в которой можно сложить печь, а следовательно, прожить зиму по-человечески. Обрадованный возможностью иметь теплое убежище, он поспешил туда, бросив горестный взгляд на Приют.

Подымаясь с озера на берег, Лисицын приметил снежный бугор странной формы. Раскопав его, он увидел лодочку с Приюта. Стало ясно, что Янси оставил остров ещё до морозов, когда можно было свободно плавать по озеру. Лисицын размышлял так: если Янси не умер — что доказывает найденная лодка, — он должен был выплыть через гавань, а значит, не мог запереть решетку, но решетка заперта, следовательно, китаец нашел другой путь сойти с неприступного острова. Но если один человек сумел сойти, то другой может тем же путем взойти на остров. И тут Сергей Петрович забеспокоился: Янси мог уплыть из гавани, не опустив решетку, а в его отсутствие кто-то завладел островом, заперся на нем и с умыслом не отвечает на его сигналы.

Проспав под лодкой всю ночь, Лисицын решил обойти остров и попытаться найти ключ к разгадке. Подойдя с южной стороны, он увидел бревно, выдававшееся из бойницы каземата оборонительной башенки, к которому была привязана толстая веревка с узлами, видимо служившая лестницей для спуска. Правда, высота была более восьми саженей, но Лисицын умел лазить, обладал крепкими мускулами и не знал головокружения. Он немедленно решился на воздушное путешествие. Уверившись в крепости веревки, Лисицын полез вверх. Он без труда проник в башню и тогда только понял, почему бревно выдержало тяжесть его тела: другой, толстый, конец бревна был пропущен под лафет тяжелого крепостного орудия и крепко привязан к нему веревками. Всё это доказывало

осторожность и сметливость Янси, если именно он спускался с этой высоты.

Скотный двор Лисицын нашел растворенным настезь. Исхудавший скот бродил в нем, укрываясь от холода, или толпился у стогов с сеном и скирд с соломой. Впрочем, падежа не было — зима настала совсем недавно.

Прежде всего Лисицын затопил печь в одном из флигелей и вскипятил свеженадоенного молока, которым согрелся и несколько утолил голод. Потом загнал скот и лошадей в теплые помещения и задал им корму. Осмотр крепости и дома показал, что на острове не было посторонних. Янси, соскучившись жить один, вероятно, ушел на родину.

В первые дни чувство одиночества отнимало у Лисицына охоту к занятиям. Он бродил по острову без цели, горько сожалея, что нет с ним умного Гедеона, нет ласкового Володи, нет трудолюбивого Янси, не было и верного Полкана — все его оставили.

И вот он вошел в храм, снаружи совершенно законченный. Перед ним был красивый иконостас, но без икон, без царских врат и позолоты. Множество икон, большей частью оконченных, но без окладов, были расставлены вдоль стен. Лисицын припомнил, что взял на себя внутреннюю отделку храма. Этому обету, быть может, он обязан сохранением своей жизни во время минувших опасностей. Он пал на колени и, проливая теплые слезы, исповедал Богу свое горе, прося душевного подкрепления. Молитва помогла Лисицыну — сердечная тоска утихла, и он искренне пожелал закончить внутреннее убранство храма. С этого дня в часы вдохновения он писал начатые им образа, а в остальное время исполнял прочие работы.

В кладовых оказалось много красной меди. Лисицын решил царские врата, ризы на образа, покровы на престол и украшения иконостаса отлить из этого металла, что было бы гораздо прочнее дерева. Вся отливка удалась превосходно. Предстояло теперь всё это вызолотить. Лисицын вспомнил о найденном им золотом приiske. Однако техники золочения огнем он не знал. Оставалось только прибегнуть к опытам.

Расплавив золото в плоские дощечки и пропустив их через валики, на которых прокатывали медь, Сергей Петрович получил золотые листы. Накладывая их на медные изделия, раскаленным углем он сплавлял золото с медью. Первые опыты были неудачны от неровного нагревания, но постепенно Лисицын приобрел нужную сноровку и вызолотил все церковные вещи.

К первому февраля все работы в церкви были окончены. В день Сретения Господня Лисицын праздновал создание храма. Полчаса он звонил во все колокола. Густой и приятный звук повторялся в древесной чаще и резвым ветром неся на восток, перебегая с острова на остров и замирая вдали. Потом Сергей Петрович через двойные стеклянные двери вошел в храм и зажег все свечи. Красивый чугунный пол; лепнина на потолке и стенах, украшенных живописью; со вкусом написанные иконы в вызолоченных ризах и окладах; белый, под мрамор, иконостас с вызолоченными металлическими карнизами и рельефными изображениями; литые густовызолоченные царские ворота и множество свечей, горящих в вызолоченных шандалах и паникадилах... Всё это наполнило душу Лисицына душевным трепетом и умилением. Он молился долго и искренне. Прошло несколько дней. Заняться Сергею Петровичу было нечем, и на него опять напала тоска, на этот раз такая сильная, какой он ещё не испытывал. Его стала ужасать мысль умереть здесь одному, далеко от родины, от родных. Ему стало казаться, что, привыкнув к лесной жизни и трудам охотника, он в силах добраться до российских границ. Целый месяц Лисицын боролся с этими мыслями и наконец решился.

Разложив вокруг фермы в разных местах корм в небольших копнах и растворив ворота, скотные и конные дворы, Лисицын, по примеру Янси, спустился по узловатой веревке на ледяную поверхность озера и отправился прямо на запад, рассчитывая непременно встретить юрты тунгусов. Это случилось первого марта. Не ЭКВЛЭЯ обременять себя лишней ношей, Лисицын надел лишь дубленку. С ним было оружие, топор, компас и довольно разнообразная и обильная провизия. Он вез эти вещи в маленьких салазках вместе с

несколькими переменами белья, парой хорошего платья и бумажником с деньгами.

Расположился ночевать в долине у огня и вдруг вспомнил, что это как раз то место, где он спас Крысинского. Как захотелось ему увидеть человеческий образ, услышать родную речь! В эту минуту он обнял бы как брата самого презренного каторжника.

Когда путник собрался спать, поднялась метель, превратившаяся в ураган. Лисицын поспешил в горы, предполагая укрыться от непогоды в пещере. Утопая в снегу, он всю ночь проплутал по обширной долине. День не много помог ему отыскать нужный путь — он потерял компас. Только к вечеру, когда утихла метель, Сергей Петрович увидел горы, к которым дошел, совершенно выбившись из сил. Орудя топором, с помощью огнива и серных спичек он развел большой костер, отогрелся чаем. Сидя у огня, задумался: неудачи, преследовавшие его почти с первого шага из дома, как будто предостерегали...

Встал Лисицын рано. Внимательно осмотрелся. Местность была незнакомая. Теперь он уверился, что зашел слишком далеко. Повернул так, чтобы горы находились с левой руки.

Пройдя трое суток и не найдя знакомого грота, Лисицын опять повернул, потом опять. Через несколько дней открыл пещеру, совершенно ему не знакомую. Вход был узкий, зал небольшой. В углу он заметил узкий проход в глубину горы. Лисицын разложил огонь и, когда пещера нагрелась, в первый раз за время похода обсушил свое обмерзшее платье.

Здесь герой наш серьезно обдумал свое положение. Съестных припасов у него оставалось всего на неделю, а в пути не встретилось никакой дичи. Без компаса он легко может заблудиться и погибнуть. Одежда его не была рассчитана на мартовские метели. При самом горячем желании поскорее возвратиться на родину он вынужден был признать, что эти препятствия непреодолимы. Сергей Петрович решил возвратиться на Приют и после половодья снова пуститься в странствование, но уже верхом, имея нужные вещи и припасы, навьюченные на заводной лошади.

Зная, что, идя вдоль гор и имея их с левой стороны, а потом держась опушки леса, он непременно достигнет Глубокого озера и издалека увидит кремль, герой наш пустился по этому направлению. Однако, пройдя восемь дней, он озера не нашел. Повсюду был необозримый океан леса — с правой стороны — и причудливые очертания гор — с левой. Лисицын продолжил путь в том же направлении в надежде добраться до верховьев Алмазной реки.

Вскоре Сергея Петровича опять застигла жестокая пурга. К счастью, ветер дул сзади и, так сказать, подталкивал его. Сколько времени он шел таким образом — Лисицын не мог дать себе отчета. Вокруг крутился снег, под ногами чувствовался лед. Силы его оставляли, холод оковывал члены... Он всё шел и шел, пока, совершенно выбившись из сил и почти замерзший, не упал в снег, мысленно прощаясь с жизнью.

ЧАСТЬ IV

Когда Лисицын пришел в себя, то с удивлением увидел, что лежит он на сухих древесных листьях, прикрытый волчьими шкурами. Вокруг царствовала глубокая тишина, и полумрак окружал его. Сначала Лисицын подумал, что сейчас ночь, но, взглядевшись в темноту, понял, что находится в небольшой пещере с отдушиной наверху, через которую проникает слабый свет. Напротив его постели была другая постель, никем не занятая. В углах пещеры были свалены какие-то вещи. Лисицын хотел было встать, но сильная боль во всем теле и холод заставили его опять улечься и укрыться мехами. И вот ещё странность: на нем не было ни белья, ни платья, ни обуви.

Куда же он попал? К ворам, которые обобрали его? Но они не позаботились бы о сохранении ему жизни. К сострадательным людям? Зачем же они лишили его даже белья? Больной долго ломал голову над этими вопросами и, утомленный напрасными усилиями, начал было погружаться в сон, но слабый шорох, послышавшийся в пещере, заставил его открыть глаза. Сергей Петрович увидел мальчика в дубленке, длинных сапогах и куньей шапке, осторожно

подходящего к его постели. С каждым шагом незнакомца, Лисицыну всё больше казалось, будто он где-то видел его милое лицо. Когда мальчик подошел и нагнулся к изголовью больного, тогда из груди Лисицына вырвался радостный крик. Он оттрнул боль и изнеможение, привлек голову мальчика на свою грудь и начал осыпать его горячими поцелуями.

— Володя, милый Володя! Ты ли это?

— Сергей Петрович, я так рад, что опять вас вижу! — отвечал мальчик, то плача, то улыбаясь.

— Где же твой дядя? Жив ли?

— Жив, слава Богу! Он здесь, но не может подойти к вам — он болен.

— Болен?..

— Мы живем в землянке, а вас оттерли снегом и положили здесь, чтобы тепло вам не повредило. Если вы в силах встать, я принесу ваше белье, обувь и платье. Они теперь совсем высохли.

— Неси скорей, Володя! Я хочу обнять твоего дядю. Мальчик хотел что-то сказать, но не решился и выбежал из пещеры. Лисицын набожно сложил на груди руки и в молитве возблагодарил Бога за соединение с друзьями.

Через несколько минут прибежал Володя с вещами, помог Лисицыну одеться. Герой наш чувствовал сильную боль в суставах, но не показывал своих страданий, чтобы не испугать своего юного друга. С трудом одевшись, Лисицын понял, что не может двигаться без посторонней помощи, но Володя был слаб, чтобы вести его. К счастью, Сергей Петрович заметил в углу пещеры толстую палку. Мальчик подал ему этот посох.

— Теперь, Володя, показывай дорогу, а я потихоньку за тобой. Да скажи, как вы спасли меня и цело ли мое ружье?

— Всё цело, Сергей Петрович. Вещи в нашей землянке, а как мы вас спасли, расскажет дядя.

— Как вы сами-то здесь очутились? Я был уверен, что вы ушли с товарищами. — Грешно было вам так думать!.. Мы пришли, входите осторожнее.

Перед Лисицыным обнаружилась низенькая продолговатая крыша из мха и хвороста, утвержденного поверх земли; под нее вели вырытые в земле ступени, упирающиеся в грубую плетеную дверь, неплотно притворенную.

— Сергей Петрович, вы опять с нами! — радостно закричал Гедеон, лежащий на постели из листьев. — Слава Богу милосердному!

— Да, слава и благодарение Богу! — Лисицын бросился обнимать старого друга. — Не трясите его так. Дядя очень болен!

— Простите, дружище, я совсем забыл, обрадовавшись свиданию. Что с вами? — Сегодня хотел застрелить дикую козу — взобрался на крутогорье да и поскользнулся, упал в овраг, должно, ногу переломил. Теперь пошевелиться не могу без невыносимой боли.

— Много прошло времени после этого несчастья?

— Больше часа будет. Чтобы остановить воспаление, я всё время прикладывал снег к больному месту.

— Это прекрасное средство. Но если не дать ноге правильное положение и не сросить её в лубках, можно навек остаться калекой. Покажите мне вашу ногу. Володя, достань из моих салазок мыло и полотенце — я постараюсь сделать, что умею. Жаль только, нет лубка.

— Лубок есть, — сказал Володя, подавая Лисицыну мыло и полотенце. — Ваши салазки выложены лубком.

— Отлично! Оторви же, душа моя, лубок и принеси сюда.

Лисицын осмотрел ногу Гедеона — это был не перелом, а вывих. Благодаря снежным компрессам опухоль мало распространилась. Когда Володя вышел, Сергей Петрович сказал:

— Благодарение Богу, нога цела, но придется перенести сильную боль, когда я буду вправлять вывих. Вы уж кричите, это, говорят, облегчает боль.

— Постараюсь стерпеть, а ежели придется невтерпёж, стану кусать палку. Лисицын, намылив ногу больного, принялся вправлять вывих. Через несколько минут ему посчастливилось поставить ступню на место. Он обвязал ногу полотенцем. Сергей Петрович так был занят делом, что ни разу не взглянул на страдальца. Окончив же свой труд, увидел, что Гедеон лишился чувств, лежал бледный как полотно.

Только он привел в чувство больного, в землянку вбежал Володя с лубками. Гедеон встретил мальчика улыбкой, а Лисицын, показывая ногу, сказал:

— Благодарю Бога, Володя, твой дядя не будет хром.

Мальчик бросился к Гедеону, но Лисицын удержал его. Больному нужно совершенное спокойствие. Он сейчас перевяжет ногу в лубки, и шесть недель дядя должен лежать в постели. У Володи закапали из глаз слезы, но Гедеон постарался утешить мальчика.

Окончив перевязку, Лисицын сам почувствовал изнеможение и принужден был прилечь на постель Володи. Как ни сильна была натура нашего героя, но, проведя больше суток без пищи, постоянно борясь с метелью и чуть не замерзнув, он, естественно, чувствовал себя нездоровым. Запретив Гедеону говорить, пока не соберется с силами, Лисицын попросил Володю затопить печь, согреть воды и заварить чаю. Этот живительный напиток подкрепил силы больных и развеселил Володю, напомнив о житье на Приюте.

На другой день Лисицын проснулся с возобновленными силами, был бодр душой и телом. Гедеон тоже проспал ночь спокойно — боль в ноге стала утихать.

— Знаете, Сергей Петрович, если бы Бог не привел вас к нам, я или умер бы от моего вывиха, или сделался калекой, и тогда мы с Володей могли умереть с голоду. Господь услышал наши сердечные молитвы и бесконечно утешил нас. Вы не можете себе представить, как я и Володя скорбели душою, когда потеряли вас!

— Напротив, могу представить. Я сам сходил с ума от печали, разлучившись с вами. Мне горько было, что и вы оставили меня, увлекшись примером товарищей. — Конечно, вы могли усомниться в нашей привязанности, не найдя нас в шалаше, — начал рассказывать Гедеон. — Это вот как случилось. Вы ушли на охоту. Товарищи опять собрались и постановили плыть к Амуру, а чтобы вы не отговорили их, они отправились немедленно. Уговаривали и нас, но мы решили остаться с вами. Тогда они выделили нам долю провизии, порошу и пуль и, отдав наше и ваше теплое платье, поспешно скрылись из глаз в обширных озерах.

Мы сделали на берегу шалаш и, сложив там вещи и провизию, стали поджидать вас. В сумерках вы не вернулись. Мной овладел страх — вдруг с вами случилось несчастье? Не в силах более владеть собой, мы пошли вас отыскивать.

Мы так были заняты нашими поисками, что сбились с пути. Что делать? Ночь холодная, но, к счастью, мы были одеты тепло и ночевали под сосной. С рассветом начали отыскивать путь к озеру. Долго мы бродили наудачу, и тут Володя вспомнил, что у него в кармане компас, который он позабыл отдать нашим товарищам. С помощью этой чудесной иглы в четвертом часу пополудни мы отыскали нашу стоянку.

Вас в шалаше уже не было, хотя всё ясно говорило о вашем недавнем присутствии. Впрочем, подумал я, могло случиться, что и другой кто похитил платье и припасы. Помня ваши слова, я постоянно держался одного направления — на северо-восток. Овраги и быстрые реки принуждали нас отклоняться от пути, и только с наступлением зимы мы добрались до здешних гор.

Я не решился подвергать здоровье Володи лишениям зимнего пути, близ речки устроил эту землянку с печкой. Речка и небольшое озеро поблизости снабжают нас рыбой. Дичь я не стрелял, сберегая заряды на особенный случай. Вчера вечером, когда поутихла метель, пошел я на речку за водой и увидел недалеко от проруби занесенного снегом человека. Кликнул Володю. Перетащили замерзшего в пещеру. Сняв верхнее, совсем оледеневшее, платье, мы узнали вас. Горе наше было велико при мысли, что Господь привел нас только похоронить вас; зато и радость была безмерна, когда увидели, что жизнь в вас ещё теплится. Мы тотчас принялись растирать вас снегом и совершенно восстановили кровообращение, только в чувство привести не смогли. Тогда, покрыв волчьими мехами, оставили вас на волю Божью... Лисицын рассказал всё, что приключилось с ним.

— Пока вы совершенно выздоровеете, — закончил он, — мы встретим здесь лето и с помощью компаса направим путь наш к озерам, а оттуда я поведу вас на Приют.

— Чем на Приют, не лучше ли сделать лодку и спуститься на Амур, а там доплывем и до Нерчинска?

— Чтобы быть с вами вместе, я на всё согласен, — отвечал Лисицын. — Топоры у нас есть, ручная пила, долото и буравы, так что в построении лодки затруднений не будет.

Через несколько дней наступила весна, вместе с праздником Пасхи, выпавшим в этом году на начало апреля. Лисицын занялся исправлением глиняной печи, которая нестерпимо дымила. Потом устроил окно, затыкавшееся обрубком дерева, и таким образом пустил в землянку солнечный свет. Наконец, переделал дверь, чтобы она плотно притворялась, и тем избавил обитателей землянки от сквозняков. Благодаря его искусству плести верши и стрелять без промаха товарищи имели запасы хорошей пищи. Нога Гедеона с каждым днем делалась лучше, но Лисицын раньше шести недель не позволил ему вставать с постели. По прошествии этого срока Гедеон сперва ходил на костылях, потом с палкой, а когда уверился в совершенном исцелении ноги, начал упражняться в ходьбе, увеличивая каждый день расстояние.

— Я чувствую, что совершенно здоров, — однажды сказал Гедеон. — Пора нам в путь.

— Теперь и я скажу: пора! А ты, Володя, как думаешь?

— Я считаю дни и часы!

— В таком случае, друзья, уложим нынче наши вещи, а завтра, помолясь Богу, отправимся к озерам.

Товарищи двинулись на юго-запад. Компас был истинным благодеянием в лабиринте дремучих лесов, пересеченных потоками, болотами, оврагами, холмами. Магнитная стрелка верно указывала им направление. Лисицын понял теперь, почему не попал на Приют. Заплутавшись в первый день во время метели, он пришел к южным горам вместо северных и, обходя их прихотливые отроги, оказался у зимовки Гедеона.

На двадцатый день странники увидели с возвышенности зеркальную поверхность озер и, исполненные радости, забыли все трудности пути. Однако при всей поспешности они не могли выйти на берег до наступления ночи.

— Слава Богу! — сказал Гедеон. — Мы не ошиблись в направлении. Теперь можно разложить огонь и отдохнуть, а завтра примемся строить лодку или вы поведете нас к Приюту.

— Завтра будет то, что Богу угодно...

Друзья разговаривали тихо, чтобы не разбудить Володю, заснувшего от усталости на траве. Они нарубили валежника. Гедеон начал разводиться огонь, а Лисицын пошел с чайником на озеро за водой. Через несколько минут он прибежал к костру и быстро залил огонь.

— Что это вы? — спросил удивленный Гедеон.

— Исправляю нашу ошибку: лесным странникам всякую минуту нужно быть настороже. В полуверсте я увидел большую лодку, освещенную пламенем костра. Значит, у нас есть соседи. И что всего хуже, они видели наш огонь.

— Что же теперь делать? Ежели, не дай Бог, возле нас китайцы? Как мы спасем Володю?

— Прежде всего надо уйти отсюда, чтобы нас не захватили врасплох. Но с нашими вещами трудно пробираться в темноте, а оставить их здесь — значит, отдать в чужие руки и указать наш след.

— Поблизости отсюда я видел овраг, в котором мы можем укрыть наши вещи.

— Так поспешим туда, для нас дорога каждая минута. Будите скорее Володю — и в путь!

Бедный мальчик проснулся на руках Гедеона и хотел было, по своей привычке, громко спросить, что случилось, но осторожный Лисицын вовремя успел зажать ему рот и шепнуть: мы в опасности. Умный Володя послушно последовал за дядей. Гедеон нашел овраг, поросший кустарником, на дне которого с шумом бежал ручеек. Беглецы спустились в овраг и в частом кустарнике спрятали вещи.

— Здесь мы совершенно укрыты от чужих глаз, — сказал Гедеон. — В такую темную ночь мудрено нас найти.

— Согласен, ночью мудрено, а днем легче нас будет поймать здесь, чем в лесу. Если наши соседи — враги, отыскав кострище, они, естественно, предположат этот овраг нашим убежищем. Мой совет — поспешнее удалиться отсюда и направиться туда, где я видел лодку.

Там нас искать не будут, а между тем мы сами высмотрим, с кем имеем дело.

— Тогда мы рискуем навсегда оставить здесь наши вещи. Обстоятельства могут сложиться так, что мы не сможем возвратиться сюда.

— Да, это может случиться, но лучше потерять вещи, чем свободу.

— А как же мы будем тогда строить лодку, не имея ни топоров, ни плотницких инструментов?

— Топоры мы возьмем с собой.

— А провизия, порох, пули?

— Провизией и военными припасами мы наполним наши сумки. Прочие же вещи и теплое платье пусть остаются. Теперь лето, а до зимы, Бог даст, доберемся до надежного убежища.

Лисицын наполнил котомки провизией, пулями, порохом и дробью. На свою долю он взял более поклажи, не забыв компас и подзорную трубу.

— Право, Сергей Петрович, лучше бы нам остаться здесь. Я боюсь подвергнуть опасности Володю, — сомневался Гедеон.

— За меня не беспокойтесь, — отозвался мальчик. — В лесу я меньше буду бояться, чем здесь.

— Тише! — шепотом сказал Лисицын. — В лесу со стороны нашего бивака подозрительный шорох. Это шпионы, посланные открыть, кто разводил огонь. Все затаили дыхание и с напряжением стали прислушиваться, устремив пристальные взгляды в непроницаемый мрак, но совершенное безмолвие царствовало повсюду.

— Вам почудилось, — шепнул Гедеон.

— Нет, я ясно слышу. Выйдем на противоположный берег, тогда, вероятно, и вы услышите.

Все осторожно поднялись из оврага.

— Я слышу отдаленные голоса, — сказал Володя.

— Из тебя выйдет хороший охотник, — похвалил мальчика Лисицын. — Они нашли потушенный костер и совещаются. Если бы ветер не дул прямо на нас, мы бы ничего не услышали. Сейчас начнутся поиски. Поспешим

Лисицын повел товарищей лесом к тому месту, где видел лодку, — не на восток, к Алмазной реке, а в противоположную сторону. Ночь, как я уже сказал, была темная. В лесу на расстоянии пяти шагов ничего не было видно. Зато совершенная тишина позволяла далеко слышать. Лисицын, опытный в охотничьих экспедициях, шел с уверенностью, что его не захватят врасплох. Иногда крик птицы, порыв ветра, скок зайца или белки, заставляли его останавливать своих спутников и пережидать. В эти минуты Володя, охваченный детским страхом, крепко прижимался к своему наставнику. Так они медленно продвигались вперед. Вдруг Сергей Петрович стал озираться с беспокойством, схватил за руки Гедеона и Володю и отвел их в сторону, к ближайшему кустарнику. Сам же с топором в руке встал за деревом поблизости. Вскоре слышались голоса и совсем рядом прошли четверо. У каждого на плече было ружье. Поговору Лисицын сразу определил — китайцы.

— Теперь о плавании нам нечего и думать, — тихо сказал Гедеон, когда китайцы отошли на достаточное расстояние. — Не лучше ли нам известными вам тропами пробираться к Приюту?

— Я вижу, Володя устал, сделав с нами продолжительный и трудный переход. К тому же у него на левой ноге ссадина. Нам не убежать от преследования настойчивых китайцев. Мой план — найти убежище на несколько дней поблизости от их бивака, где нас искать не станут, а когда Володя отдохнет и поиски утихнут, отправимся к Алмазной реке. Пойдемте же с надеждой на Бога, здесь опасно оставаться.

Лисицын пошел вперед. Гедеон с племянником последовали за ним. Как только они вырвались из чащи, увидели на поляне пылающий костер. Несколько китайцев варили рис в медных котелках. Путники отступили в чащу и, обойдя бивак, остановились по другую его сторону, близ озера.

— Здесь мы в безопасности, по крайней мере, на эту ночь, — сказал Лисицын. — Нужно подкрепиться и отдохнуть. Мы, двое старших, будем спать по очереди. Володя, проглотив несколько кусков вареного мяса, с беззаботностью детства заснул. Лисицын с Гедеоном держали совет: идти ли вдоль берега озера и постараться каким-

нибудь способом переправиться на противоположную его сторону и пуститься к Алмазной реке или отыскать надежное убежище, в котором выждать, когда китайцы удалятся. Решили, дождавшись рассвета, идти берегом озера и, если Володя не в состоянии будет продолжить путь, искать безопасную стоянку.

Разговаривая, они услышали поблизости от берега плеск весла. Оставив Гедеона охранять Володю и условившись в сигнале, Лисицын тенью скользнул к воде и увидел на озере двух китайцев, плывущих в челноке; они скользили во мраке, не произнося ни слова.

Возвратись к Гедеону, Сергей Петрович рассказал о своем открытии: вероятно, на южном берегу озера находится другая партия китайцев, и потому пути им туда нет. Прежде чем решиться на что-то окончательно, Лисицын решил проследить пловцов и высмотреть китайский бивак, а также местность вокруг.

Герой наш поспешил берегом озера вслед за челноком. Пловцы гребли медленно — Лисицын успевал за ними без большого труда. Неподалеку от бивака китайцев челнок остановился. Пловцы сложили в него весла и привязали к дереву, росшему у самой воды. Потом они подошли к костру и были встречены со знаками уважения. Одного разведчика повели в шалаш к начальнику отряда. Его товарищ что-то бойко рассказывал окружившим его воинам. Они и сами говорили без умолку, указывая в ту сторону, где наши путники имели неосторожность развести огонь. Лисицын очень пожалел, что так и не выучился у Янси говорить по-китайски, но по некоторым словам догадался, что прибывшие китайцы присланы от другого китайского отряда, производившего поиски в южной части озера. Лисицыну очень захотелось похитить большую лодку и на ней спастись с товарищами, но она была освещена пламенем костра, и подойти к ней незамеченным было невозможно. Он решил довольствоваться челноком. Челнок оказался так мал, что в нем с трудом могли поместиться двое, зато чрезвычайно легок на ходу.

Желая убедиться в намерениях неприятеля, Лисицын поплыл вдоль бивака китайцев, держась в тени. Тут он заметил позади себя черную массу, которую сперва принял за лесистый мыс восточного берега, далеко вдававшегося в озеро, но при ближайшем осмотре

понял, что это островок длиной около версты, поросший хвойным лесом. Обрадовавшись такой находке, Сергей Петрович решил перевести сюда своих спутников, будучи уверен, что близость островка к китайскому биваку послужит им ручательством в безопасности.

Он поспешил к Гедеону, которого застал спавшим сладким сном возле своего юного племянника. Разбудив обоих, Сергей Петрович рассказал им о результатах своей разведки и поторопил плыть на остров, где они могли укрыться в чаще от поисков неприятеля. Володя первым встал, чтобы идти к челноку, но от сильной боли в ноге едва удержался от крика. Гедеон поспешил поддержать и свести его на берег.

— Потерпи немного, мой милый, — тихо сказал Лисицын. — Промоем рану, приложим целебных трав — дня через три всё пройдет, и ты снова будешь скакать как белка.

Челнок мог поднять только двоих, потому решили сперва переправить на остров Володю, а Гедеону дожидаться очереди в прежнем убежище.

— Вы меня оставите на острове одного? — заволновался Володя, когда отплыли от берега.

— Иначе невозможно. Ты не бойся, душа моя, на острове зверей нет, кроме зайцев и белок.

— Да если б там и водились звери, я не буду бояться. Я ведь могу спастись на дереве. Только нет ли там китайцев?

— На этот счет будь спокоен: китайцы все на берегу, копошатся вокруг огня. Вот мы и прибыли.

Вскоре показался мыс, острой косой вдававшийся в озеро. Лисицын причалил к самой его оконечности, помог Володе выйти на берег и вскарабкаться на сосну, густо прикрытую ельником.

Только Лисицын причалил к материку, как Гедеон показался на берегу и назвал своего друга по имени.

— Можно ли быть таким неосторожным? — укорил его Сергей Петрович.

Гедеон хотел было ответить, но Лисицын зажал ему рот рукой. Оба услышали в лесу шум приближавшихся шагов. Первой мыслью

Лисицына было броситься в челн и поскорей отплыть от берега, но в предрассветных сумерках неприятель мог заметить беглецов и днем стал бы искать их на озере. Тогда остров перестал бы служить для них надежным убежищем. Эти соображения молнией мелькнули в уме нашего героя, и он решил выждать. Оба друга приготовились к обороне. Между тем шаги приближались, и по прошествии нескольких томительных минут показались два темных силуэта. Геден осторожно пригнулся за куст, чтобы не быть замеченным, а Лисицын, не меняя позы, тихо сказал:

— Слава Богу! Эти враги не опасны. Скорее спускайтесь в челнок, и поспешим к Володе — он, наверное, нас заждался.

— Но если китайцы увидят нас и передадут товарищам?..

— Пусть видят, — улыбнулся Лисицын. — Это же два лося! Сев в челнок, друзья благополучно пристали к островку. Всё было тихо, в лесу царствовал непроницаемый мрак, только набегавшие на берег волны нарушали безмолвие.

— Где же Володя? — шепотом спросил Геден, не забывший недавнего урока.

— Сейчас найдем. Только прошу вас не говорить ни слова, а то он не выйдет из своего убежища.

Лисицыну хотелось испытать своего любимца. Он осторожно начал подвигаться к известной ему сосне. Мальчик, если только он был ещё на дереве, соблюдал совершенную тишину. Лисицын уже собрался назвать его по имени, но мысль, что Володя может быть похищен китайцами, стеснила горло. Этот твердый человек, сохранявший самообладание в минуты величайшей опасности, дрожал при одной мысли о похищении сироты и о том горе, какое должно было испытать сердце его честного друга. Наконец, собравшись с мужеством, он тихо окликнул Володю. Получив ответ, поспешил снять мальчика с дерева и радостно прижал к груди. Начинало светать. Лисицын предложил удалиться с мыса и сперва отыскать место для челнока, а потом и для себя найти надежное убежище. Он пошел берегом, а Геден с Володей поплыли по озеру на близком расстоянии. Наконец отыскалась бухточка, поросшая высокой травой, крутые берега её были густо прикрыты плакучими ивами,

купавшими в воде свои ветви. Володя и Гедеон высадились на берег, а Лисицын отвел челнок в бухточку и надежно спрятал его от проницательных глаз.

Для себя они нашли убежище на южной стороне острова в небольшом распадке, заросшем непроходимым молодым ельником; небольшая промоина служила единственным выходом из их бивака и сообщением с озером. Убежище это едва вмещало троих, зато беглецы вполне могли быть уверены, что отыскать их здесь невозможно. Они же, спустившись в промоину и раздвинув ветви густого ивняка, могли видеть всё, что делалось на этой стороне озера.

— Здесь мы спокойно можем выждать удаления китайцев, — сказал Лисицын, — и, благословясь, отправимся на Приют.

— Место действительно отличное! Как вам удалось найти его?

— У охотника, привыкшего выслеживать зверей, есть особое чутье. Такие ли чащобы случалось открывать мне в окрестностях Приюта? Впрочем, нас и здесь легко отыщут, если не будем осторожны.

— Кто же может отыскать нас в этом месте, Сергей Петрович? — удивился Володя. — Если бы какой китаец и забрел, так у нас есть глаза и уши.

— Услышать шаги человека в лесу можно только при совершенной тишине. Прошу вас говорить шепотом, а ещё лучше общаться знаками.

Оставив Гедеона с племянником в убежище, Лисицын ушел в лес набрать мха для постели Володе. Нога у мальчика покраснела и опухла. Вместе с мхом ему посчастливилось найти целебные травы, пользу которых он испытал на себе в своих охотничьих странствиях.

Уложив мальчика на мягкую постель, Сергей Петрович промыл рану и приложил компресс из целебных трав. После этого спокойно заснул.

В полдень друзья услышали на озере шум. Спустившись в промоину, увидели большую лодку, медленно плывущую вдоль берега их островка, а в ней вооруженных людей. Обогнув южный берег островка, они поплыли вдоль восточной его стороны и скрылись из глаз.

— Они ищут нас? — спросил Гедеон.

— Не думаю. Вероятно, они отыскивают пропавший челнок, предполагая, что его унесло ветром. Но ведь не нашли — и это меня радует.

Только село солнце, с западного берега озера до слуха беглецов донеслись неистовые крики китайцев. Лисицын поспешил узнать причину. Убежище, избранное беглецами, находилось в восточной части излучины, образуемой озером в береге островка, так что с помощью подзорной трубы можно было обозревать почти две трети южной части острова, мыс, на котором прятался ночью Володя, и весь западный берег озера. Наблюдатель увидел группу китайцев именно на том месте, где они скрывались ночью до отправления на остров. Не было сомнения, что они нашли какую-то вещь, неосторожно оставленную кем-то из них, которая сделалась причиной переполоха.

— Что там такое? — спросил Гедеон возвратившегося друга.

— Китайцы обнаружили наши следы на ночлеге.

— А как они узнают, что это были русские, а не китайцы или лесные звери?

— По оставленной вещи, например. Осмотритесь хорошенько, не потеряли ли вы что? Это для нас чрезвычайно важно.

Гедеон не нашел пистолета, обыкновенно затыкаемого им за пояс.

— Вы не могли забыть его там, — покачал головой Лисицын. — Пистолет обронен или в челноке, или на мысу, где вы ждали Володю.

— Нет, охраняя сон Володи и борясь с дремотой, я вынул пистолет из-за пояса и держал его в руках, чтобы быть готовым немедленно защищаться. Проклятый сон одолел меня — и я, вероятно, выронил его из рук...

— Что ж, сделанного не воротишь. Но теперь мы в большой опасности. Остров, вероятно, будут обыскивать. Хорошо, если ночь будет темная, тогда мы можем отплыть на восточный берег. Иначе спасение наше без особой милости Божьей невозможно.

С наступлением ночи на восточном и западном берегах озера во многих местах вспыхнули сторожевые огни. Товарищи убедились, что китайцы приняли все меры, чтоб их захватить.

— А всему виной моя несчастная неосторожность, — печально сказал Гедеон.

— Не стоит впадать в уныние, дружище. С нами Бог! А пока вот мой план. Китайцы нашли один пистолет. Они не могут знать, что нас трое. Чтобы не допустить обыска всего острова, я притворюсь спящим на видном месте, подальше отсюда. Взяв меня, они оставят вас в покое. Я разными сказками и выдачей наших вещей в овраге уведу их отсюда, а вы, переплыв на восточный берег озера и держась по компасу на восток, дойдете до Алмазной реки и берегом её до Приюта.

— Отличная мысль! Только не вы, а я её выполню. Вы же спасайте Володю и будьте ему братом и другом. Под вашим руководством он вырастет полезным для отечества.

— Нет, друг мой, сама природа назначила вас заменить Володе отца. Вы должны свято исполнить обещание, данное умирающей сестре, его матери! Меня же не связывают никакие обязательства. Я привык к трудам и лесной жизни. При случае я могу убежать и соединиться с вами на Приюте...

— А я не допущу от вас обоих такой жертвы, — прервал Лисицына мальчик, утирая наворачнувшиеся на глаза слёзы. — Даю вам слово: ежели кто из вас вздумает сдать китаям, то и я сдамся. Придумайте другой способ к спасению. На это я решительно не согласен.

Как ни старались Гедеон и Лисицын склонить Володю на исполнение их плана, мальчик остался непреклонен. Решили действовать по обстоятельствам. Чтобы быть готовыми каждую минуту оставить свое убежище, товарищи надели на себя сумки с припасами, положили возле оружие.

Ночь, как нарочно, выдалась светлая. Полная луна обливала серебром воды озера. О побеге с острова невозможно было и думать. Китайские сторожевые огни отражались в зеркальной поверхности воды, а оклики часовых давали жизнь всей картине.

Лисицын, страстный любитель природы, не мог, однако, восхищаться, ибо опасность, угрожавшая его друзьям, разрушала очарование. Он ломал голову, придумывая средство перехитрить

китайцев, но тщетно. Спустившись в промоину для наблюдений, заметил китайскую лодку с вооруженными людьми, обогнувшую мыс и с соблюдением тишины плывшую вдоль острова. Лисицын и Гедеон приготовились к обороне. К удовольствию своему, Сергей Петрович заметил, что Володя спокоен, и в душе похвалил мальчика.

Прошел почти час. Лодка поравнялась с их убежищем, потом, обогнув излучину, скрылась из виду. Гедеон хотел что-то сказать, полагая, что опасность миновала, но Лисицын остановил его, и вовремя. Беглецы слышали шорох, производимый людьми, пробирающимися через кусты. Сначала китайцы были очень близко, потом удалились в глубину острова.

Лисицын отправился на очередную разведку. Неслышно соскользнул сперва в воду, потом устремился в лес. Опытный слух и острое зрение убедили его, что поблизости никого нет. Он нашел лодку, её стерегли двое, беззаботно развалясь на дне и созерцая небо. Удостоверясь, что в окрестности нет ни одного шпиона, Лисицын возвратился к товарищам.

— Не хотите ли, дружище, потягаться с китайцем в рукопашной схватке? — спросил он Гедеона.

— Я на всё готов, только бы спасти Володю.

— Так поспешите оба за мной. Мы можем захватить неприятельскую лодку, если Бог поможет. Этим лишим китайцев возможности преследовать нас, ведь другой лодки у них нет. Только идти нужно тихо и нападать мгновенно.

Гедеон и Володя старались ступать осторожно, чтобы не производить даже шороха. Соскочить в лодку и вступить в борьбу было делом одного мгновения. Но китайцы стали громко призывать на помощь товарищей, и прежде чем кончилась схватка, люди, бывшие на островке, уже бежали к берегу. Большого труда стоило нашим удалцам выбросить из лодки раненых противников и оттолкнуть лодку от берега.

Тут они заметили, что Володи с ними нет. Не было его и на берегу. Гедеон, от отчаяния потерявший рассудок, готов был выскочить из лодки и броситься на приближавшихся врагов, но Лисицын удержал его и стал изо всех сил грести от берега. Лисицын успел отплыть

саженей на тридцать, прежде чем последовал залп. К берегу ещё бежали люди. Трое смельчаков даже бросились в воду, чтобы вернуть лодку, слишком большую и тяжелую для управления одним человеком. Гедеон рвал на себе волосы и проклинал судьбу, не обращая ни на что внимания. Чтоб остановить дерзких пловцов, Лисицын выстрелил по ближайшему — двое других прекратили преследование. Между тем все китайцы высыпали на берег и открыли стрельбу по беглецам, не разбирая расстояния. Некоторые пули долетали до лодки. Надо было плыть скорее, но одному выполнить это было трудно. Сергей Петрович попросил Гедеона о помощи:

— Стыдно, дружище, так предаваться отчаянию. Чтобы помочь Володе, нужно действовать.

— Мы ничего сделать не можем. Они убили его! Замучили бедного мальчика... А я? Я ещё жив!

— С чего вы взяли, что он убит? Китайцев ещё не было на берегу, когда Володя исчез. Он, вероятно, где-нибудь спрятался. Его отыщут, но пыл мщения уже пройдет. Они не сделают мальчику вреда.

— Зачем вы утешаете меня? Вы и сами знаете, что он убит.

— Клянусь вам, я уверен, что он жив! Чтобы спасти его, нам прежде нужно спасти себя. Если вы не поможете мне, то нас или убьют, или захватят в плен.

Гедеон с неистовством схватил весло. Они скоро вышли из-под выстрелов и поплыли на середину озера. Лисицын был уверен, что китайцы не убьют безоружного мальчика, а напротив, сберегут его как трофей для передачи начальству, пославшему отряд отыскивать русских. Но прежде нужно было узнать, действительно ли Володя находится в плену или ему удалось спрятаться.

Для этого надо было объехать кругом островок. Но тогда китайцы заподозрят, что был третий, тщательно обыщут остров и найдут Володю, найдут челнок. Сергей Петрович повернул на юг.

— Куда вы? А как же Володя?! — Гедеон перестал грести.

— Даю вам честное слово, что в течение трех дней я привезу к вам Володю, — отвечал Лисицын.

— Согласен ждать три дня, но не более. — Гедеон принялся снова грести.

Чем дальше подвигались они на юг, тем озеро становилось шире. Наконец островок, где остался Володя, скрылся из глаз. Они плыли до восхода солнца. Светило указало зоркому Лисицыну лесистый берег на южной оконечности озера, куда они и направились. Сергей Петрович не высадился сразу, а поплыл вдоль берега на расстоянии ружейного выстрела, изучая в подзорную трубу местность. В результате Лисицын понял, что перед ним не материк, но большой лесистый остров, как будто необитаемый.

Пройдя узкий, едва заметный пролив, они высадились в песчаной бухточке. Гедеон молча лег под деревом и не отвечал ни на какие увещевания своего друга. Сочувствуя несчастью Гедеона и тоже сильно беспокоясь о мальчике, Лисицын всё же старался казаться спокойным. Он застрелил пару уток и, разложив костер, принялся их жарить, обдумывая план дальнейших действий. Гедеон отказался от пищи. Лисицын с трудом глотал куски вкусного мяса, убеждая себя, что должен быть бодрым и сильным для предстоящих трудов.

Гедеон от горя впал в полное отупение. Нечего было рассчитывать на его содействие. А управлять большой лодкой одному было невозможно. Надо было что-то придумать.

Лисицын спустился в лодку, долго соображал, потом приделал шканцы, в которых лыковыми веревками закрепил два весла так, чтобы они не могли сами выпасть из своих гнезд. В кормовой части он соорудил нечто вроде руля, мог действовать, наклоняя корпус вправо или влево.

Окончив работы, вечером Лисицын испытал в бухте придуманный им механизм и остался им очень доволен. При этом он заметил, что нос лодки зарывается в воду от перевеса его над кормой и от этого лодка имеет тяжелый ход. Он исправил и этот недостаток, погрузив в кормовую часть лодки несколько больших камней, — носовая часть приподнялась, и лодка сделалась легка и послушна.

Гедеон не обращал никакого внимания на работы Лисицына. Для него ничто не существовало. Тяжелые вздохи и отрывистые слова

«бедный Володя», «три дня» иногда вырывались из его истерзанной груди. Он не пил и не ел целый день.

— Послушайте, дорогой друг, если вы так проведете назначенные мной три дня, то мне придется похоронить вас и некому будет наказать китайцев за Володю. Будьте мужчиной! Я обещал привезти к вам Володю, но каково ему будет застать вас умирающим?

Гедеон свирепо взглянул на товарища, молча схватил несколько кусков мяса, молча проглотил их и снова улегся под деревом. Лисицын устроился под другим и проспал до зари.

Туман, как дымка, поднимался к небу. Вот и утреннее солнце весело заиграло золотыми лучами по зеркальной стихии. Крики водяных птиц разбудили безмолвие. Повсюду царила радость пробуждающегося дня. Но сердце Лисицына давила тоска, его то обуревали сомнения, то рождалась надежда. Приблизившись к острову на два ружейных выстрела, он направил лодку сперва к западному берегу, делая вид, что высматривает неприятеля, потом повернул назад и проплыл поперек озера в виду островка, пристально всматриваясь в его берега.

Здесь он увидел нескольких китайцев, наблюдающих за его движениями, и только Володи не было. Чтобы дать о себе знать, он выстрелил в караульного китайца. Тот завыл от боли. Враги ответили ему выстрелами. Но их плохие ружья не причинили ему вреда.

Было видно, что китайцы удивлены скоростью хода лодки, которой управлял один человек с непонятной для них легкостью, гребя одновременно двумя веслами.

Осмотрев южный берег острова, Лисицын направился к восточному берегу озера. Сердце его всё больше сжималось страхом: неужели мальчик и в самом деле убит? Если же он взят в плен, то в какой части острова содержится под караулом? Лисицын решил объехать островок кругом, плывя тихо на таком расстоянии, чтобы неприятельские выстрелы не могли вредить ему. На острове человек шесть варили рис — Володи между ними не было. На берегу озера у шалаша начальника толпились человек пятнадцать. Завидя лодку, они начали палить из ружей. Осмотрев северный и западный берега

островка, Лисицын опять поплыл вдоль южного, наводя иногда ружье на караульных китайцев, которые спешили скрываться в лесной чаще. Поравнявшись с излучиной, где находилось их прежнее убежище, он заметил колебание кустов в промоине. Навел подзорную трубу — вот оно, осторожно выглянувшее личико Володи!

Вы не можете себе представить, какая радость наполнила сердце Лисицына при взгляде на мальчика! Он решился на отчаянное средство: увезти его с острова на виду у неприятеля, но показавшиеся на излучине вооруженные китайцы заставили его отложить это намерение до ночи.

Чтобы уведомить Володю о близости китайцев, он сделал по ним безвредный выстрел — враги ответили, обнаружив себя. Лисицын же, поспешил к Гедеону, чтобы обрадовать его доброй вестью и вместе придумать план спасения Володи. Когда Лисицын оказался в бухточке, было уже шесть часов пополудни. Он застал Гедеона спавшим тревожным сном. Не желая нарушать покой товарища, Лисицын ушел поохотиться, а возвратясь с дичью, принялся готовить ужин. Первое слово Гедеона, как только он открыл глаза, было:

— Что?

— Всё хорошо, любезный друг. Я же говорил, что мальчик жив. Так оно и есть!

— Жив? Вы говорите, Володя жив?

— Я видел его, как теперь вижу вас.

— Господи, чем я возблагодарю тебя за безграничное ко мне милосердие! — Гедеон бросился обнимать друга.

— Одной только покорностью его святой воле мы можем благодарить Господа, — сказал Лисицын. — Скажу вам больше: он не в плену.

— Может ли это быть? Я не вынесу столько счастья!

— Должны вынести, дружище, иначе мы не спасем нашего мальчика. Без вашей помощи я ничего не смогу.

— Где же вы его видели?

— Я видел его в промоине нашего убежища. И он меня тоже видел. Я специально затеял перестрелку с китайцами.

— Володя, поняв бесполезность вашей попытки, может потерять надежду, впасть в отчаяние, сдаться китайцам!

— Опять сомнения и тревога? Володя не так глуп, чтобы добровольно сдаться в плен. Он видел меня, и этого для него достаточно, чтобы иметь надежду на спасение. Он рассудительный и смелый мальчик.

Наконец нетерпеливо ожидаемая ночь спустилась на землю. Помолясь усердно Богу, товарищи поплыли к островку. Оба вполне понимали важность своего предприятия, неуспех которого мог только увеличить опасность для Володи. На половине пути начал накрапывать редкий теплый дождь. Когда остров сделался виден, Лисицын перестал грести.

— Итак, я сейчас разденусь и, спустившись в озеро, буду держаться за кормю лодки так, чтобы меня не могли увидеть с острова, — тихо сказал он Гедону. — Вы начнете управлять лодкой и, не доплыв саженей тридцать до излучины, передадите мне ружье. На таком близком расстоянии от берега не может быть глубоко. Я поплыву к острову, вы же повернете налево и поплывете вдоль острова на расстоянии ружейного выстрела. Посильнее шумите веслами, чтобы обратить на себя внимание неприятеля. Когда поравняетесь с песчаным мысом, сделайте первый выстрел и поддерживайте с китайцами, находящимися на острове, перестрелку. Так мне легче будет увезти Володю.

— Всё исполню в точности. Не теряйте больше времени — я сгораю от нетерпения!

Лисицын разделся, затянул на талии ремень с кинжалом и без всякого шума спустился в воду. Значительная глубина озера заставила его держаться за борт лодки, когда же стали приближаться к острову, он почувствовал под ногами землю. Получив ружье, Сергей Петрович остался стоять в воде, которая доходила ему до подбородка. Дав Гедону отплыть на ружейный выстрел, он начал медленно двигаться к излучине, прикрываемый тенью прибрежных деревьев, далеко ложившейся на воду.

Вскоре, услышав треск, он остановился и напряг зрение. Два воина вышли на утесистый берег излучины и, разговаривая между собой, указывали на лодку Гедеона, видневшуюся вдали неясным пятном. Через минуту они скрылись. По шороху в кустах и треску сучьев Лисицын понял, что оба китайца побежали следить за лодкой.

Тогда Сергей Петрович подкрался к промоине и поднялся в убежище Володи. Здесь царствовали совершенный мрак и тишина. Он нащупал тело Володи, оставшееся почему-то неподвижным. Мысль, что бедный мальчик убит, поразила его. Несколько минут Лисицын оставался в оцепенении, наконец приложил руку к сердцу Володи — оно билось с перебоями. Мальчик был в обмороке или притворился мертвым на случай, если нашел его враг.

— Володя, это я! — шепнул Лисицын, наклонившись к уху мальчика.

Мальчик схватил его руку и открыл глаза.

— Я пришел за тобой. Приготовься: ты должен вскочить ко мне в челнок.

— Где дядя? Где лодка?

— Дядя твой в лодке. Он сейчас завяжет перестрелку с китайцами, а я приведу сюда челнок. Бог даст, мы будем вместе.

Лисицын березовым кустарником пошел к тому месту, где был спрятан челнок. Колючие ветви порядком нахлестали его обнаженное тело. Челнок оказался на месте и в совершенной исправности.

Между тем дождь перестал. Стали слышны отдаленные раскаты грома. Частая молния освещала местность. Теперь Лисицын не мог исполнить свой план под прикрытием ночи. К довершению всего ружейные выстрелы на мысу начали стихать. Всегдашняя находчивость помогла ему и на этот раз: он сошел в воду и, прикрываясь челноком, медленно повел его к убежищу Володи, стараясь держаться в береговой тени.

Выстрелы совсем прекратились. Послышались шаги людей, бежавших от мыса. Не понимая, что всё это значит, Лисицын решил, что теперь только от его поспешности зависит спасение Володи. Он вскочил в челнок и поплыл кратчайшим путем. Китайцы, бежавшие

близ берега, увидели его и начали стрелять. Несколько пуль просвистели над головой смельчака.

Лисицын продолжал грести изо всех сил. Его мучило беспокойство и за Володю, и за Гедсона — неужели он ранен или взят в плен? Оборачиваясь назад, он не видел за собой погони, стало быть, лодка была не у врагов. Китайцы опередили Лисицына. Герой наш напрасно старался быть с ними на одной линии. Вот показался на утесе излучины китайский воин с готовым для выстрела ружьем. Нужно было или отступить, или пробиваться силой. Сам Володя принудил его решиться на последнюю меру: смелый мальчик, ожидая своего спасителя у самой воды, хорошо видел всё происходившее на озере и решил плыть навстречу челноку. Лисицын, увидев спешившего к нему Володю, метким выстрелом ранил китайца в руку, прежде чем тот успел приложить фитиль к затравке. Володя невредимым был принят на челнок.

— Bravo, Володя! Ты оправдал мое хорошее мнение о тебе. Бери весло. Нам надо поскорее отплыть — китайцы сейчас начнут стрелять с утеса.

— С вами, Сергей Петрович, я не могу быть трусом! — гордо сказал мальчик. Лисицын повернул челнок и поплыл к Гедсону, мысленно благодаря Бога. Тут же китайцы показались на утесе. С дикими криками и проклятиями они открыли огонь по пловцам, но Бог сохранил беглецов. Когда они отплыли на значительное расстояние, Лисицын опустил весло, улыбнулся:

— Благодарение Богу, мы теперь вне опасности. Дай обнять тебя, милый Володя! Яркая зарница осветила атлетического мужчину и белокурого мальчика, прильнувших друг к другу в дружеском объятии. Необыкновенно трогательна была эта картина: мужество и юность плывут на утлом челноке, под ними черная бездна, над ними вспыхнувшее небо, вокруг пустынная даль воды и лесов... Лисицын опять принялся грести. Мальчик усердно помогал ему. Они ещё не поравнялись с мысом островка, как крики с берега озера и с острова потрясли воздух. Это были крики торжества, крики победы. Лисицын напряг зрение и при блеске зарницы увидел между берегом и

островом пустую лодку; её медленно относил ветром от берега. А на берегу шла борьба. Стало ясно: Гедеон попал в засаду.

— Что там случилось? — встревожился Володя.

— Скверное дело... Вот теперь тебе придется доказать на деле, что ты достойный мой ученик!

— Даю слово не бояться китайцев.

— Дядя твой сейчас попал в руки китайцев. Мы пока не можем ему помочь. К счастью, лодку ещё есть надежда захватить. Тогда мы найдем способ выручить твоего дядю.

Володя так был поражен этим известием, что выронил из рук весло и не мог произнести ни слова.

— Ободришь, душа моя, возьми весло, — ласково сказал Лисицын.

— Дорога каждая минута.

Мальчик, глотая слезы, начал грести. Когда челнок приблизился к лодке на ружейный выстрел, Лисицын увидел, как связанного Гедеона вели берегом двое китайцев, а к лодке спешил искусный пловец. Трое китайцев с берега ободряли его криками и жестами. На мысе островка стояло до дюжины вооруженных воинов.

— Лодки тебе не видать, косоглазый храбрец. — Лисицын прицелился. — Она мне самому очень нужна...

Раздался выстрел — китаец скрылся под водой. Дикие крики огласили оба берега, когда китайцы поняли, что не могут завладеть лодкой. Лисицын тоже не мог захватить её, потому что на берегу выстроились китайцы, готовые открыть стрельбу. Даже те, кто вел Гедеона, привязали его к дереву и присоединились к товарищам.

Лодка, отгоняемая ветром, медленно двигалась в озеро, и герой наш надеялся овладеть ею, когда она отойдет от берега на ружейный выстрел. Он только наблюдал, чтобы не подкрался к лодке неприятельский пловец. К несчастью, течение направило её в пролив между берегом и островом. Лисицын последовал за лодкой, держась на самой середине пролива.

Неприятель в азарте начал частую перестрелку с обоих берегов. Наши пловцы двигались буквально между двумя смертоносными стенами, что, впрочем, имело свою выгоду — лодка постоянно была

видна. Так прошло немало времени. Воины с главного бивака прибежали на помощь к товарищам и усилили огонь.

Володя вел себя мужественно: ни разу не выказал страха и греб без торопливости. Лисицын опасался, чтобы лодка не причалила к материку, однако это его опасение не оправдалось. Когда лодка вышла из пролива, береговой ветер сдвинул её с течения, чем поспешил воспользоваться Сергей Петрович. Он поплыл наперерез и ловко остановил лодку, зацепившись веслом за борт.

Бесполезные выстрелы посыпались градом, крики и вой сделались оглушительнее прежнего, а Лисицын с Володией спокойно перешли в лодку. Привязав к корме челнок, обогнули северную сторону острова, быстро проплыли через восточный пролив, никем не охраняемый, и скрылись из глаз своих врагов. В лодке Сергей Петрович нашел в целости свое платье, сумку с зарядами, а также разряженное ружье и сумку Гедеона.

Потеряв из виду островок, Лисицын остановился и надел платье. Начинало светать, ветер становился холоднее, но усиленная гребля скоро согрела удалого стрелка. Володя плакал, уронив голову.

— Полно, Володя! Мы выручим дядю. Не сегодня, так завтра.

— Я боюсь, что китайцы станут его мучить.

— С чего ты это взял? Китайцы считают себя самым образованным народом... День прошел в поисках надежного убежища для Володи, где он мог бы оставаться в безопасности во время отсутствия Лисицына. Наконец нашли просторное дупло. Володя поместился в нем спокойно и удобно. При нем оставался заряженный пистолет и съестные припасы. Мальчик дал слово терпеливо дожидаться возвращения Сергея Петровича из ночной экспедиции. Лодка также была надежно спрятана в прибрежных кустах.

Как только наступила ночь, Лисицын уселся в челнок и поплыл по мрачным водам озера к китайскому биваку. Размыслив хорошенько, он решил, что дорога по восточному берегу хотя и длиннее, зато безопаснее, поэтому он поплыл вдоль восточного берега, высматривая, где можно спрятать челнок. Наконец в полуверсте от островка, служившего тюрьмою дюжине китайцев, Лисицын отыскал подходящее место.

Спрятав челнок и запомнив ближайшие деревья, он отправился берегом к цели своего путешествия с обычной осторожностью. Ночь была так темна, что он с трудом различал ближайшие предметы. Островок, находившийся от берега не дальше ста саженей, не был виден. Наконец он увидел огни и, двигаясь на этот маяк, скоро достиг китайского лагеря.

Укрывшись в частом кустарнике, Лисицын начал наблюдать за происходящим в лагере. Китайцы — человек десять — готовили ужин. У самого берега лежал совершенно готовый к спуску на воду плот, который, вероятно, должен был служить для сообщения с голодавшими на острове товарищами. Лисицын решил постараться поджечь плот и в суматохе спасти Гедеона.

Но где же его друг? Неужели его отправили в южный отряд? В таком случае... Лисицын вдруг заметил, что один из воинов, наложив в деревянную миску рис, понес еду к шалашу. Просунув миску в небольшое отверстие, возвратился к товарищам. Шалаш этот не мог принадлежать начальнику — ему не посмели бы подать таким образом кушанье. Вероятно, в нем содержался пленник.

Лисицын пополз к шалашу, укрываясь за кустами и деревьями. Он благополучно достиг опушки леса. До шалаша оставалось не больше десяти саженей, но это пространство трудно было пройти незамеченным. Лисицын решил наблюдать и ждать случая. Иногда из шалаша до его слуха долетали горестные вздохи, но не было произнесено ни одного слова. Прошел час тревожного ожидания, а Лисицын так ни на что и не решился.

Китайцы поужинали. Три человека улеглись спать у входа в шалаш, остальные — возле пылающего костра. Один, по-видимому пользовавшийся некоторой властью, сказал что-то караулившим пленника, и его вывели из шалаша. Начальник проверил, хорошо ли связаны у несчастного руки и ноги, и, оставшись доволен, отошел к костру, где расположился на ночлег.

Лисицын удостоверился: пленником был Гедеон. Сергей Петрович готов был броситься на врагов и вырвать из их рук своего друга. Однако, рассудив, что одному не справиться с десятью противниками, удержался от безрассудного поступка. Нужно было

дать знать Гедeonу о своем присутствии. Но как это сделать? Шалаш сверху и с боков был весь плетеный, наподобие огромной корзинки, а перед единственным выходом из него расположились караульщики. Оставалось попытаться отвлечь внимание часовых и если не освободить Гедeона, то хотя бы переговорить с ним.

Когда воины на биваке заснули и огни стали затухать, герой наш опушкой леса прокрался к озеру, потом, прикрываясь высоким берегом, к плоту, находившемуся теперь в темноте. Подложив с наветренной стороны побольше стружек и щепок, в изобилии валявшихся вокруг плота, он закопал в них кусок горящего трута и, никем не замеченный, возвратился на прежнее место за шалашом.

Ветер сделал свое дело: сперва показался едва заметный огонек, потом огонь усилился, зажег все щепы и стружки, наконец запылал сосновый плот. Ветер дул от потухших костров, поэтому не могло возникнуть подозрения в умышленном поджоге. Пожар заметил часовой, карауливший Гедeона. Он разбудил товарищей. Все трое бросились будить спавшую команду. Потом общими силами начали тушить пожар.

Лисицын только и ждал этого момента, чтобы пробраться к своему другу, лежавшему в тесном и темном шалаше на сырой земле. Гедeон не верил глазам своим! От радости и страха он не мог выговорить и слова. Наконец поборол волнение и спросил:

— Как Володя?

— Он ждет нас обоих на большом острове. Поспешим, дружище, отсюда, а наговоримся после.

— Меня спасти невозможно! Вон какие крепкие железные кандалы. Спешите сами, пока не заметили вас китайцы, иначе Володя лишится последнего своего защитника.

— Я без вас не уйду. Попробуйте выползти из шалаша. Сначала скроемся в лесной чаще, а если сторожа ваши не заметят побега, отползем дальше и разобьем замок на кандалах.

— Я не могу двигаться. Цепи на ночь стянуты плотно. Оставьте меня, ради Бога, и спасайтесь!

— Хорошо, я теперь оставляю вас. Но сделайте так: объявите начальнику, что вы можете показать ему спрятанные нами в овраге

вещи. Тогда вам дадут возможность свободно идти, а я придумаю средство вас спасти. Прощайте. Я буду близко.

— Прощайте. Не оставляйте Володю.

Лисицын хотел было выйти из шалаша, но близкие голоса возвращающихся караульных заставили его остаться, забившись в угол шалаша. Гедеон застонал от душевной скорби, видя, что друг его должен подвергнуться одной с ним участи. Часовые расположились у входа и, слыша стенания узника, даже не заглянули в шалаш.

Поставьте себя на место нашего героя, и вы, хотя бы отчасти, поймете его душевное состояние. Он не боялся за себя, он свыкся с опасностями, но участь одинокого, беспомощного Володи в случае его плена или смерти заставляла содрагаться его смелое сердце.

Сергей Петрович понимал: короткая летняя ночь скоро кончится и ему придется силой защищать свою жизнь, шансов же на спасение Гедеона практически не останется. Во всяком случае, нужно было на что-то решаться.

К счастью, холодный предрассветный ветерок заставил бодрствующего часового укутаться с головой в свою легкую одежду. Лисицын, не спускавший с него глаз, поспешил воспользоваться случаем и перешагнул через неосторожного воина. Прежде чем часовой, услышав легкий шум, успел обернуться, он скрылся за шалаш. Китаец, не увидев ничего подозрительного, повернулся от ветра и опять закутался в свой плащ. Уверившись, что остался незамеченным, Лисицын беспрепятственно отошел в лес, осмотрев китайский бивак. Его ночное предприятие имело успех: больше половины плота сгорело — врагам придется строить новый плот.

С восходом солнца китайцы засуетились. Начальник так же, как и вчера, осмотрел узы Гедеона, а тот, следуя совету друга, передал знаками желание свое рассказать важную тайну. Немедленно призвали переводчика и, когда поняли объяснения пленника, начальник отправился с докладом к командующему мандарину. И вот трое дюжих воинов повели арестанта к известному ему месту. Когда Гедеон и его конвой тронулись в путь, Лисицын поспешил к оврагу, где были спрятаны вещи, и вынул дубленку Володи, чтобы по ней не узнали о присутствии мальчика. Приведя всё в прежний

порядок, он скрылся поблизости. Послышался звук цепей. Показался Гедеон, бросавший в стороны тревожные взгляды. Вот группа спустилась в овраг. Китайцы бросились с любопытством осматривать найденные вещи. Гедеон опустился на землю — отдыхал от трудного перехода. При каждом шорохе листьев он кидал быстрый взгляд в ту сторону, ожидая увидеть знак, подаваемый Лисицыным. Но герой наш оставался неподвижным на своем месте, опасаясь, что озлобленные китайцы убьют Гедеона при первом его выстреле из засады.

Налюбовавшись вещами, китайцы уложили их в две тележки и приказали одну взять Гедеону, другую повез китайский воин. Впереди шел конвоир, замыкал шествие другой, идя почти по пятам пленника. Гедеон в оковах не мог скоро везти свою поклажу и часто спотыкался. Конвойные решили снять с него кандалы, а чтобы не смог убежать, обвязали вокруг шеи веревку, концы которой держал шедший позади воин.

Лисицын не спускал с процессии глаз и, когда пленник и его стража снова тронулись в путь, неслышно подобрался сзади, на повороте, в узком месте, ударом топора положил на месте конвойного. Приблизившись к другу, Сергей Петрович разрезал веревки, связывавшие его руки, и передал ему оружие пораженного врага. Гедеон отступил за Лисицыным в овраг. По оврагу они побежали к восточному берегу озера.

Китайцы, шедшие впереди, ничего не слышали. Они прошли больше ста шагов, прежде чем заметили, что лишились пленника и замыкающего. Они немного подождали, потом пошли обратно и с ужасом увидели зарубленного товарища. Не понимая, как это могло случиться, они начали стрелять, призывая на помощь. Между тем беглецы всё больше уходили в лес по направлению к востоку. Желание сохранить свободу было так велико в Гедеоне, что он забыл даже боль в ногах от кандалов.

— Надо торопиться, Сергей Петрович. Слышите, китайцы бьют тревогу?

— Зачем нам выбиваться из сил? Если китайцы не нападут на наш след, мы благополучно дойдем до челнока.

— Вчера я пережил тяжелые минуты: скорбел за вас, отчаивался за Володю...

— Слава Богу, опасность миновала. Вы теперь должны согласиться со мной, что человек, уповая на Бога, всегда получит помощь свыше. Вот почему христианин никогда не должен отчаиваться. Пойдите-ка...

Лисицын лег на землю и стал прислушиваться. В отдалении, с правой стороны, раздавались голоса. Гедеон тоже слышал отрывистые звуки.

— Это погоня?! — вскинулся Гедеон.

— Нет, говор спокойный. Не понимаю, как китайцы могли очутиться впереди нас?

— Должно быть, посланы берегом, чтобы отрезать нам путь.

— А, вот в чем дело: мы поравнялись с островком, голоса слышны оттуда. Прокравшись к озеру, товарищи убедились в этом и спокойно отправились к челноку.

Весело поплыли друзья по светлым водам озера, сердца их были переполнены радостью. В бухточке острова они увидели на берегу Володю. Вскоре он уже был в объятиях своего дяди.

— Слава Богу, — не уставал повторять Лисицын, — мы все живы и здоровы, спаслись от смерти и плена. Не грешно отпраздновать нынешний день хорошим обедом. Ты, Володя, набери земляники, вы, Гедеон Михайлович, разложите костер и устройте козлы для жаренья дичи, а я подстрелю кабана. Я уже приметил кабанье лежбище.

Сергей Петрович сел в челнок и стрелой полетел к известному ему месту. Прошло около двух часов. Володя набрал ягод, а Гедеон развел огонь и устроил всё нужное для бивачной стряпни, а Лисицын не возвращался.

— Не случилось ли чего с Сергеем Петровичем? — не выдержал Володя.

— Сохрани Бог! Нет-нет, китайцам не провести такого опытного охотника. — Гедеон тоже беспокоился за друга, но скрывал свои опасения от мальчика. Вскоре, к радости обоих, Лисицын

возвратился с кабаном и распорядился жарить его сочное мясо. За трапезой завязался разговор.

— Что вы теперь думаете предпринять, Сергей Петрович? — спросил Гедеон. — Куда махнуть нам — на Амур или к Алмазной? Признаться, я предпочел бы Амур. Хочется на родину.

— А ты, Володя, что желаешь?

— С вами мне везде хорошо.

— Стало быть, решение зависит от меня. Я тоже хочу поскорее попасть в Нерчинск и передать начальству наш укрепленный остров. Лодка у нас есть. Вот только хватит ли у нас сил перетаскивать её через перешейки, и допустит ли нас беспрепятственно переплыть озера отряд китайцев?

— Вы считаете, лучше идти к Алмазной? Что ж... — вздохнул Гедеон.

— Я полагал бы несколько дней пробыть на этом острове. За это время можно обследовать южную часть озера. Тогда и решим это дело.

День посвящен был отдохновению. Однако время от времени Лисицын влезал на высокое дерево и осматривал окрестные воды озера и отдаленные берега его. Нигде не было заметно присутствия человека. Не желая подвергаться случайности, он перевел свою флотилию из открытой бухточки в укромное место и спрятал в кустах на западном берегу острова. Поблизости устроил ночлег.

Среди ночи Володя разбудил Лисицына:

— Я слышу на озере голоса...

Лисицын, шепнув Володе, чтобы не будил дядю, пошел к тому месту, откуда слышались голоса. Вскоре он увидел две лодки с вооруженными китайцами, которые лениво взмахивали неуклюжими веслами. Одна лодка пошла прямо на север, другая, более тяжелая на ходу, поплыла вдоль берега их острова. Китайцы всматривались в глубь леса. Лисицын разбудил Гедеона и попросил, чтобы они с Володей загрузили в лодку все вещи и запасы и дожидались в ней его возвращения из разведки. Сам же бросился вслед за неприятелем.

Китайцы уже осматривали южный берег острова, не имевший удобных мест для высадки. Когда они плыли мимо подводных камней, высоко выдававшихся из воды, вокруг которых пенились волны прибоя, с лодки бросился в озеро человек и исчез в коварной глубине. Прежде чем лодка остановилась, беглец вынырнул из пучины, потом снова погрузился и вскоре появился между камнями побережья, но не смог взобраться ни на один из них. Китайцы двинулись к незнакомцу.

— Не дамся я вам живой! — закричал он, подхватив увесистый камень.

Сердце Лисицына дрогнуло — русский. Он с трудом начал спускаться к воде с утесистого берега, цепляясь за кусты и ветки деревьев, с искренним желанием спасти пленника.

— Двигайтесь влево, — сказал он громко, скрываясь за камнем от полетевших с неприятельской лодки пуль.

Незнакомец, удивленный русской речью, с минуту оставался в недоумении, потом прокричал:

— Пока не скажешь, кто ты, я с места не тронусь!

— Я — Лисицын. Плыви же скорее влево, Константин!

— Господи! Сергей Петрович! Вот счастье-то! Константин двигался очень медленно. Лисицын догадался, что у него на ногах кандалы. Через минуту казак уже обнимал своего спасителя:

— Вот радость Бог послал, Сергей Петрович. Теперь уж не поймать меня окаянными.

— Здесь со мной Гедеон и Володя. Разбей кандалы камнями — и наверх. Враги не посмеют преследовать нас в лесу.

Казак погрозил мучителям своим могучим кулаком, подложил под кандалы камень и, ударяя сверху другим камнем, скоро освободился от уз.

— Поспешим! — сказал Лисицын. — Чтобы скрыть настоящий след, побежим сперва берегом на восток так, чтобы нас видели. Эта хитрость избавит нас от преследования по пятам.

Китайцы, увидав двух русских, поспешно шедших берегом, не решились выбираться на берег для их преследования. Лодка погналась за русскими, вероятно, с полной решимостью в первом

удобном месте причалить к берегу. Когда Лисицын уверился, что хитрость его удалась, товарищи остановились, потом углубились в лес и кратчайшим путем вышли к Гедеону и Володе. Общая радость встречи была искренней. Удалого казака все любили. Всегда осторожный Лисицын не дал им разговориться. Все уселись в лодку и поспешно отплыли к западному берегу озера. Когда остров стал совершенно невидим, Лисицын перестал грести и решил держать совет.

— Путь на юг теперь нам открыт, — сказал он. — Предлагаю плыть к Амуру. — С Богом! — вскричал Гедеон.

— Оно, конечно, хорошо бы махнуть на реку Амур, — начал Константин. — Но силы нашей не хватит. Передовые озера сообщения не имеют, а в первом проливе, которого не миновать, стоит вооруженная джонка...

— Ты знаешь это наверняка?

— Видел своими глазами. Когда мы вас оставили, перетаскивали лодку четыре раза, а когда прошли пролив, наступила страшная стужа, озеро замерзло и повалил снег. Одна партия наших пошла замерзшими озерами к Амуру. Другая отправилась на восток в надежде попасть на Алмазную, а оттуда на Приют. Я же с двумя товарищами не решился на зимний поход в неизвестной стороне и остался зимовать на озерах, найдя у самого берега в горе небольшую пещеру.

Тут мы сбили из глины печь, в которой постоянно горел у нас огонь. Питались рыбой, ловя её вершами, как вы, Сергей Петрович, учили нас на Приюте. Иногда случалось застрелить и крупную дичь. Зимой один товарищ помер, а другой отморозил пальцы на ногах. Как тут было идти? Бросить товарища — грех смертный. Так захватило нас лето.

Недели две тому сплю себе крепко в нашей пещере... Ещё, помнится, сон пригрезился, что большущий медведь стал ломать и душить меня — от боли даже проснулся да так и ахнул, когда увидел, что на мне сидят пятеро китайцев и руки-ноги веревками скручивают. Я было побросал с себя эту нечисть, да связанный что поделаешь? Осилили.

От них разными манерами узнал я, что вся наша партия, шедшая к Амуру, переловлена. А вчера пришел посланный от их урядника с северного края озера, что, дескать, поймали какого-то человека, по всем приметам русского, не из простых. Вот и снарядили две лодки, а меня взяли вместо переводчика, потому что приноровился разговаривать с ними знаками.

Я напросился грести, надеясь улизнуть при случае. Дураки-то обрадовались, развязали мне руки, весло дали. Я старался работать усердно, забавлял их разными штуками, до них китайцы очень охочи. Они меня хвалили и стеречь перестали, а я про себя думаю, проведу я вас, дураки, уйду, хоть бы и умереть пришлось. Как загляделись они на остров, я заметил место удобное да и нырнул в воду. Кабы не Сергей Петрович, утонул бы, но им не сдался ни за что на свете. — Теперь очевидно, — сказал Лисицын, — дорога на Амур закрыта. Остается направиться к Алмазной реке и по ней к Приюту. Там мы соберемся с силами и придумаем, как добраться до Нерчинска.

— С Богом, Сергей Петрович! — ответил за всех Гедеон. Товарищи поплыли сначала на юго-восток, потом повернули на восток и, достигнув берега, начали подниматься вдоль него на север. Начинало светать. Густой туман клубился над озером и затруднял наблюдение. Лисицын уменьшил скорость из опасения удариться о береговой мыс или подводную скалу. Вдруг ему послышались голоса. Сложив весла, он стал всматриваться вдаль.

— Впереди лодка, — сказал он тихо. — Я её не вижу, но ветерок доносит говор людей. Нам нужно немного выждать, чтобы определить, в каком направлении плывут враги: в одном ли с нами или навстречу. В последнем случае нужно будет отступать под прикрытием тумана.

Говор стал ослабевать — неприятельская лодка шла по одному с ними курсу, на север. Лисицын начал медленно подвигаться вперед. Туман поредел, и беглецы благоразумно скрылись в береговом кустарнике. В подзорную трубу Гедеон разглядел впереди большую китайскую лодку. Она держалась близ берега, вероятно, из опасения оказаться в открытом озере при непроницаемом тумане. Наконец

китайская лодка отделилась от берега и скрылась в водном пространстве.

Через полчаса товарищи достигли залива, углубившегося в материк версты на две в виде узкой и глубокой речки, совершенно скрытой деревьями и кустарником. В конце залива беглецы затопили лодку, а челнок разбили на дрова, запаслись кабаниной и отправились в дальнейшее странствование, руководствуясь компасом и врожденной русской сметливостью.

Прошла неделя благополучного пути. Странники не встречали никаких особенных препятствий. Двигались они большей частью плоской лесной равниной, местами пересеченной болотами, речками и оврагами. Через узкие реки и овраги они перекидывали деревья и переходили по этим мостам. Широкие реки переплывали на плотах. Непроходимые болота и овраги обходили. Лисицын провел свой отряд удобно между горами, а приняв влево, чтобы сократить расстояние от Алмазной реки до Приюта, увидел перед собой кряж гор средней высоты.

— Здесь нужно дня два отдохнуть, — сказал он, бросаясь на траву в тени нависшей скалы.

— Очень вам благодарен, Сергей Петрович, за это распоряжение — я сильно устал, — признался Володя.

— Из-за этих проклятых веревок и кандалов, которыми скручивали меня, почитай, две недели, я едва успевал за вами, — сказал Константин.

— Не могу и я похвалиться крепостью ног, — добавил Гедеон.

— Я принудил вас, друзья мои, целую неделю идти без отдыха, чтобы отделаться от наших врагов. Теперь нас разделяет больше двухсот верст, и мы без опасения можем отдыхать здесь, сколько будет нужно. В здешних гористых местах должна водиться дичь. Надеюсь, мы не будем нуждаться в пище. Я поохочусь, а заодно исследую горную местность, через которую нам придется пройти.

— Неужели вы не устали? — удивился Володя.

— Мне на охоте случалось в иные сутки исходить много верст. Большие переходы укрепили меня. А вот вам не мешает освежиться.

Недалеко отсюда протекает речка. Сами увидите, какую пользу приносит купание утомленному человеку.

На другой день Лисицын ушел в горы и, проблуждав целый день, принес дикую козу, десяток рябчиков, пару тетеревов. Товарищи в его отсутствие устроили для ночлега шалаш. На следующий день Сергей Петрович вновь охотился и возвратился поздно с полным ягдташем мелкой дичи. Он удивился, не увидев на стоянке пылающего костра. Гедеон на это отвечал:

— Володя по ту сторону речки заметил на песке след ноги человеческой. Мы тотчас бросились туда и нашли ещё следы, которые исчезли в траве. Поэтому решили до вашего прихода огня не разводить и соблюдать тишину.

— За это от меня вам большое спасибо! Вижу, горькие уроки не прошли для вас даром. Какие следы — старые или новые — и куда были направлены?

— Следы были самые свежие. Направлены к нашему берегу. Обувь китайская.

— Теперь ночь. Придется отложить исследование до утра. Делать нечего, поужинаем нашими запасами и будем спать попеременно. Беру на себя время перед рассветом.

В полночь Константин, стоявший на часах, разбудил Лисицына и шепнул ему:

— Сергей Петрович, неприятель подкрадывается. Лисицын встал, взял ружье, прислушался.

— Твоя правда, Константин. Сильный шорох в кустах. Только это не человеческие шаги. Человек крадется иначе.

— Но ведь идут, и идут с двух сторон.

— Действительно, с двух. Прыжок... Ну так я скажу тебе, кто к нам крадется — это волки.

— Да слыхано ли, чтобы волки на людей нападали?

— Запах крови вчерашней козы почуяли — пробираются сюда ужинать. Возьми Гедеоново ружье, только не стреляй без нападения.

Отойдя недалеко от шалаша, Лисицын и Константин увидели на поляне двух волков, с жадностью потрошивших козу.

— Может, выстрелить, пугнуть серых?

— А вчерашние следы? Сам же говорил про тишину и осторожность.

— Тогда пусть гуляют серые со своими шкурами. Поносив кандалы, в другой раз надеть их не хочется.

Вернулись в шалаш. Гедеон и Володя даже не проснулись.

Встали рано — солнце ещё не всходило, но было совсем светло. Тонкие струйки пара медленно поднимались из низменных долин. Роса тысячами бриллиантов сверкала на деревьях и траве, отражая багровые лучи утренней зари. Резвые птички пели в чаще гимн разгорающемуся дню. А трава будто ожила от копошащихся в ней насекомых.

Лисицын с Володей пошел осматривать найденные накануне следы. Он долго и пристально их рассматривал и выслеживал на берегу реки и наконец сказал:

— Здесь прошел один китаец, но не вчера, а за несколько дней до нашего сюда прибытия. Следы его идут на юг, а нам путь на северо-восток. Мы с ним не встретимся.

Следопыты возвратились к шалашу. Лисицын о своих выводах рассказал товарищам. Все с облегчением вздохнули, поспешили разложить веселый огонь и принялись стряпать завтрак.

— Далеко ли отсюда до Алмазной реки? — спросил Володя, проворно ошипывая жирного тетерева.

— Мы прошли половину пути, — отвечал Лисицын. — Только теперь будем идти медленнее. В горах больше затруднений, чем на равнине.

— Как бы нам не заплутаться в этих горах, — сказал Гедеон.

— С компасом этого бояться нечего.

Плотно позавтракав, товарищи пустились в дорогу. После шестнадцатидневного странствования они благополучно достигли Алмазной реки. Здесь, упав на колени, усталые путники возблагодарили Бога, приведшего их невредимыми к желанной цели. Теперь, идя берегом, они без труда могли достигнуть Приюта, а там — дом, безопасность, привольная жизнь.

Солнце уже садилось. Друзья, весело поужинав, улеглись спать. Ночной караул несли заведенным порядком. Лисицын считал, что

излишняя осторожность лучше безопасности. Первую стражу ночи стоял Гедеон, вторую — Константин. Казак терпеть не мог темноты. Опасаясь заснуть, он разложил костер. Когда же ему послышалось близкое завывание волков, он начал щедро подбрасывать в огонь дрова, так что пламя сделалось больше похожим на пожар, чем на бивачный огонь. Лисицын и Гедеон проснулись в одно время от яркого света, озарившего их ночлег.

— Горим! — закричал Гедеон, торопливо протирая глаза.

— Экачто выдумали, — засмеялся Константин. — Разве можно сгореть на поле, да ещё возле реки.

— К чему такое пожарище? — удивился Лисицын.

— Потешиться захотелось от скуки, Сергей Петрович. Неужто вам даровой сосны жалко?

— Зарево от твоего костра в такую темную ночь видно верст за двадцать, а это плохо, если поблизости окажутся китайцы.

— Откуда же китайцам быть?

— Неоткуда, если они остались верными договору. Да разве мало бродяг шатается в лесу кроме китайцев? Скоро же вы забыли, друзья мои, бедствия постигшего вас плена...

Оба товарища вместе с Лисицыным и проснувшимся Володей потушили огонь. Отойдя от ночлега верст на тридцать, путники увидели место, где обыкновенно приставали китайские военные джонки. Недалеко отсюда, на самом берегу реки, друзья расположились ночевать. Все были оживлены, зная о близости Архипелажного озера. За ужином весело разговорились. Гедеон беспокоился: как доплыть до Приюта через озеро и попасть на запертый остров? Лисицын объявил: можно вытащить из воды одну из затопленных лодок и починить её. На Приют он брался взобраться по той самой узловатой веревке, по которой спустился, отправляясь в свой тяжелый путь.

— А если веревка оборвалась или сгнила? — спросил Володя. — Придумаем что-нибудь.

— А ежели остров занят китайцами? — не унимался мальчик. — Я даже мысли такой не допускаю.

— И всё же. Куда мы тогда денемся?

— Во-первых, мы постараемся отнять Приют у неприятеля, а если это будет невозможно, поселимся в Кедровой долине до благоприятного случая, когда представится возможность завладеть Приютом.

Располагаясь на ночлег, решили огня не раскладывать, сохранять тишину, караулы соблюдать строго. Володя улегся возле своего защитника, а Гедеон с Константином объединили свои часы, надеясь в следующую ночь выспаться на славу в крепости.

Они завели тихий разговор, поместясь под кустом в трех шагах от Лисицына. Вспоминали о далекой родине, о войне с китайцами, о трудах последнего похода... Так они проговорили больше часа. Мелкий дождь и северо-западный ветер заставил их укутаться. Разговор стал прерываться продолжительными паузами, наконец оба крепко заснули.

Володя сначала тоже крепко спал, но дождь заставил его проснуться. Мальчик лежал и грезил о близком доме. Приют казался ему землею обетованной, крепость — земным раем, где не будет больше ни страха, ни лишений. А если всё же островом завладели китайцы? Нет, не нравится ему Кедровая долина, кругом запертая лесистыми горами. Он упросит Сергея Петровича и дядю избрать другое место для поселка. Эти мысли не давали мальчику спать, и он решил присоединиться к караульным.

Найдя дядю и Константина крепко спящими, Володя побоялся их будить, а между тем бодрствовать одному во мраке ночи ему было страшно. Вдруг он услышал разговор, донесенный ветром. Он хотел броситься будить Лисицына, но, опасаясь сделать ложную тревогу, преодолел свой страх. Через несколько минут ветер донес звуки голосов отчетливее прежнего. Володя разбудил Сергея Петровича:

— Проснитесь. Я слышу голоса с западной стороны. Только не сердитесь, если я ошибся.

— Что бы ни было, ты молодец, что разбудил меня. А где же наши караульные?

— Они спят, а я не решился разбудить их.

— Буди же как можно скорее, но только тихо, иначе нас поймают.

Лисицын припал ухом к земле и напряженно слушал. Володя, Гедеон и Константин застали его в этом положении. Они с нетерпением ждали, что скажет Сергей Петрович.

— Я опасаюсь... Нет, я уверен, что это облава на нас.

— Этого быть не может! Как китайцы могли узнать о нашем приходе сюда?

— А вчерашний пожар? Недаром меня тревожила эта неосторожность. Шорох слышен по берегу реки от китайской стоянки, а говор — впереди и слева. Для нас остается один путь к спасению: по берегу реки на север. Преследовать нас через лесистую гору враги не решатся.

— Так поспешим Бога ради! Я боюсь за Володю, — сказал Гедеон.

— Я пойду вперед показывать дорогу. Володя, ты следуй за мной. Вы, Гедеон Михайлович, прикрывайте его, а Константин с вашим ружьем составит арьергард — он стреляет хорошо и посильнее вас. На случай рукопашной у него есть нож. Ночь была на исходе, но в лесной чаще ещё было темно. Товарищи ступали по мягкой хвое — шаги их были не слышны. Облава была совсем близко, и Лисицын приказал ускорить движение. Скоро преследователи остались позади.

— Слава Богу! — сказал Володя остановившему его Лисицыну. — Теперь мы сможем уйти.

— Дай-то Бог. Тогда мы одному тебе будем обязаны нашим спасением.

— Почему вы остановились? — спросил Гедеон, подошедший с Константином.

— Тише. Впереди засада: я вижу на берегу силуэт китайского воина. Оставайтесь здесь. Если прокричу филином, спешите ко мне.

Подойдя к самой опушке, Лисицын ясно увидел вооруженного китайца, поглядывавшего во все стороны и боязливо прислушивавшегося. Воин стоял на самом краю обрыва. Вероятно, ему было приказано сторожить береговой путь отступления русских.

Пройти мимо него незамеченным невозможно, решил Лисицын. Оставалось убить часового, чтобы спасти свою жизнь и жизни товарищей. Одним прыжком Сергей Петрович очутился возле

часового и, прежде чем тот успел что-то предпринять, схватил его поперек тела и сбросил с обрыва. Это исполнил он с такой быстротой, что китаец не успел вскрикнуть, и только шум от падения его в воду нарушил тишину ночи.

Призвав сигналом товарищей, Лисицын повел их по тропе между берегом и лесистой горой. Не прошло и нескольких минут, как позади раздались крики многочисленной толпы.

— Эк как завывали, словно стая волков, — сказал Константин, замыкавший цепочку.

— Поняли, что птицы улетели, да и часовой, выплыв на берег, вероятно, рассказал, что с ним стряслось...

— Я слышу погоню, — перебил Гедеона Константин. — Позвольте мне, Сергей Петрович, отстреливаться, как завижу их косые рожи.

— С Богом, братец! Только не горячись, чтобы даром пороху не жечь.

Шаги преследующих всё приближались. Лисицын выхватил из-за пояса топор и поспешно срубил два нетолстых дерева — завалил дорогу, развернув сучья в сторону неприятеля. Став с Константином позади этой засеки, он отправил Гедеона с племянником продолжать путь. Как только китайцы показались на тропинке, оба стрелка открыли огонь, стреляя поочередно, чтобы иметь время заряжать ружья. Китайцы тоже открыли пальбу, но очень узкая полоса земли между берегом и утесом горы не позволяла им воспользоваться численным превосходством. Когда они убедились, что каждый, показывающийся из-за поворота, получает пули, преследование прекратили. Пользуясь этим обстоятельством, стрелки соединились с Гедеоном и продолжали путь к нижним порогам.

— Сергей Петрович, китайцы будут нас преследовать? — спросил Володя.

— Получив урок, они не очень будут напирать, но чтобы оставить преследование — я не думаю.

— Как же мы спасемся? С одной стороны горы, на них не взобраться, с другой — река, её не переплыть.

— Скоро взойдет солнце, с реки поднимется густой туман, под его прикрытием я переведу вас через нижние пороги Алмазной.

— Тумана не будет, — возразил Гедеон. — Небо затягивают облака.
— Вы правы. Я не обратил на это внимания. И всё же будем переправляться...

— Остановитесь! — испугался Володя. — Какой-то странный гул впереди.

— Это шум воды, падающей сплошной массой с высоты нескольких саженей. Тут валит вниз вся Алмазная река. Это и есть нижние пороги, через которые я вас поведу.

— Я заранее боюсь... — Голос Володи срывался от страха.

— Счастливое окончание нашей переправы зависит от воли Создателя. Если ему угодно было привести нас сюда и спасти от плена, то не за тем, чтобы мы погибли в водовороте.

Слова эти ободрили всех, и путники ускорили шаг. День наступил пасмурный. Ветер стих совершенно. Только гул воды с каждой минутой делался всё слышнее. Володя шел, прижавшись к Лисицыну. Гедеон и Константин хранили молчание. Наконец глазам их предстала дикая картина: река с шумом, визгом, ревом неслась по крутому спуску между бесчисленными обломками гранитных скал; гневные волны сталкивались, ударялись о громадные камни и, отыскивая новый путь, с оглушительным воем устремлялись в узкие проливы, проточенные в граните. Белая пена разъяренной стихии летела вверх, а вдали, на расстоянии версты, сверкал каскад, образуемый Алмазной рекой во всю её ширину.

— Сергей Петрович, — почти плакал Володя, — я лучше в плен, чем в этот ад!

— Не робей, душа моя. Я перенесу тебя на руках.

— Нужно идти, — поддержал Лисицына Константин. — Лучше умереть, если так рассудит Бог, чем отдаваться китайцам.

В это время с горы раздался ружейный выстрел, по дальности расстояния не причинивший вреда.

— Что ж, друзья мои, надо идти. Чтобы обезопасить себя от преследования, давайте сделаем засеку, а потом запасемся длинными жердями, с их помощью легко будет делать большие прыжки. Я укажу, как ими нужно действовать и где лучше упираться.

Гедеон и Константин остались защищать засеку от показавшихся на тропе китайцев. Лисицын снял с себя оружие, котомку и верхнее платье, заткнул за пояс топор, он на одном конце своей жерди сделал из пояса прочную петлю, в которую свободно могла проходить рука, и, взяв на руки Володю, сделал первый прыжок на ближайшую скалу порогов.

После нескольких прыжков Лисицын остановился перед проливом значительной ширины, в котором с яростью кипела вода.

Он нашел нужным отдохнуть, спустив Володю на широкий камень. Оставалось пройти три четверти пути.

— Зачем мы остановились? — спросил мальчик, не открывая от ужаса глаз.

— Мне нужно перевести дух. А ты посмотри — мы перешли благополучно четверть реки. Бог даст, скоро будем на том берегу.

Володя увидел себя сидящим на плоской скале лицом к сражающимся у засеки. Выстрелов не было слышно от грохота кипящей воды, только белый дымок, струйкой поднимавшийся кверху, указывал на стрельбу. Вокруг скалы яростно клочкотала вода, а справа исполинским каскадом ниспадала река. Володя начал привыкать к проявлениям характера грозной природы, но если б он глянул назад и увидел широкий пролив, то, вероятно, не решился бы двинуться дальше. Лисицын потому и посадил его спиной к проливу.

— Теперь ты видишь, Володя, переправа не так опасна, как представлялось.

— Я понемногу привыкаю к этому аду, а всё равно страшно.

— Так всегда бывает с новичком. Однако нам пора в путь. Прошу тебя, зажмурься.

— Нет, мне хочется смотреть.

— Если испугаешься и дернешься, то помешаешь мне, и я сделаю неверный прыжок.

— Тогда завяжите мне глаза платком.

— Правильно, так будет надежнее.

Завязав Володе глаза и взяв его на руки, Лисицын разбежался, уперся жердью в середину пролива и сделал огромный скачок.

— Боже мой! — закричал Володя.

— Мы перепрыгнули самое широкое место между скалами. Теперь пройдем половину реки без больших хлопот, а потом опять отдохнем.

Действительно, большие камни находились близко один от другого, переход оказался нетрудный, зато саженой за тридцать от берега встретился пролив такой ширины, что и искусный акробат не решился бы на прыжок. Лисицын остановился и развязал Володе глаза.

— Неужели мы прошли так много? Берег — рукой подать. — Мальчик с радостью замахал платком дяде.

Гедеон отвечал ему фуражкой, наброшенной на дуло ружья. Кричать было совершенно бесполезно. Пушечный выстрел едва ли мог перекрыть рев бунтующей воды.

Володя, не сознавая отчаянного положения и видя поблизости берег, перестал бояться. Лисицын же в сильном беспокойстве осматривал пролив и пока не видел средства преодолеть это препятствие. Идти вперед казалось невозможным, возвратиться к товарищам значило отказать им в спасении от плена. Володя с любопытством поглядывал то на разрушительные подвиги крутящихся волн, то на исполинский лес, покрывающий берег, и, к счастью, не замечал смущения Лисицына.

— Сергей Петрович, вы отдохнули? — спросил он.

— Отдохнул и сейчас устрою переправу. Ты должен остаться на этой скале, а я вплавь доберусь до берега...

— Ради Бога, остановитесь! — испугался мальчик. — Вас в водоворот унесет!

— Другого средства нет. Впрочем, за меня не опасайся — я всё обдумал. Видишь, куда устремляется ток воды?

— Он несется прямо на скалу!

— Стоит только попасть в эту стремнину — и она в мгновение донесет меня до камня...

Говоря это, Лисицын перебросил через пролив топор, снял с себя одежду, перекрестился и прыгнул в стремнину. Володя отчаянно закричал, но наш пловец этого крика не услышал, скрывшись в облаке пены. Через несколько секунд Лисицын уже держался за

выступ скалы. Разъяренные валы несколько раз сбивали его с места, руки скользили по мокрому камню, но хладнокровное мужество и необычайная сила помогли ему справиться с грозной стихией. После продолжительной борьбы он взобрался на камень. Изможденный и задыхающийся, упал на колени и возблагодарил Бога, помогшего ему совершить этот чудесный подвиг. Он сознавал, что во всю жизнь свою не был так близко от смерти.

Отдохнув, Лисицын благополучно перебрался на берег, срубил несколько длинных, не очень толстых жердей и перенес их к проливу. Много потребовалось сметливости, искусства и силы и даже помощь Володи, у которого осталась жердь с петлей, чтобы положить первую слегу на пролив, а потом и остальные на близком расстоянии одна от другой. Перевязав концы слег ивняком, Лисицын свободно перешел по утлому мосту к Володе и связал ивняком другие концы слег. Мост этот висел над бездной и, не имея упоров, качался под ногами, однако мог выдержать двух человек. Для перехода нужно было только присутствие духа.

— Слава Богу, мост готов. Теперь в путь.

Лисицын опять завязал мальчику глаза и через несколько минут опустил его на мягкий мох лесистого берега. Посоветовав Володе быть осторожным, Сергей Петрович возвратился к товарищам, защищавшим подступы к переправе. Первым он решил переправить Гедеона, а Константин должен был защищать засеку. Когда они с Геоденом дошли до первого широкого пролива, Лисицын заметил, что китайцы спускают с горы на веревках вооруженного воина в нескольких саженях позади Константина.

Метким выстрелом Лисицын ранил смельчака — тот скатился с высоты. Оказав помощь товарищу, Сергей Петрович научил Гедеона прыгать с жердью — Гедеон счастливо одолел переправу, поддерживаемый и ободряемый товарищем. Через воздушный мост над клокочущей пучиной Сергей Петрович перевел его с завязанными глазами. Обрадованный Володя повис на шее у дяди.

Оставалось переправить Константина. Исполнение этого оказалось очень трудным. Китайцы смогут стрелять по отступающим, как только некому будет оборонять засеку. Чтобы хотя бы на время

избегнуть неприятельских пуль, Лисицын воспользовался ветром. Вместе с Константином они нарубили смолистого хвороста, навалили на засеку и подожгли. Когда пламя разгорелось, они начали переправу под прикрытием дыма, далеко застилавшего берег и тропинку, по которой китайцы могли их преследовать.

Сначала всё шло благополучно. Когда же они достигли первого широкого пролива, самонадеянный обычно Константин не захотел учиться приемам, какие употреблял Лисицын, прыгнул неудачно, упал в воду, к счастью, со стороны течения. Лисицын успел подать ему конец своей жерди с петлей, за которую несчастный судорожно ухватился и тем спасся от неминуемой гибели.

Отдохнув от утомительной борьбы с бешеными волнами, Константин всё же не решался повторить прыжок, хотя Лисицын делал его несколько раз для ободрения товарища. И тут Сергей Петрович заметил двух китайцев, начавших переход по порогам. Один из них поскользнулся и стремглав полетел по течению, разбитый, истертый волнами о камни. Другой вернулся, но послал в них пулю, пролетевшую близко от Константина. Казак потерял Гедеоново ружье во время своего купания и не мог ответить на выстрел. Стрелять пришлось Лисицыну. Меткими выстрелами он отогнал двух воинов, спустившихся с горы. Наконец Константину удалось перепрыгнуть через пролив. Когда они были уже на середине реки, китайцы выстроились на тропинке и дали залп. Пули запрыгали по камням вокруг наших удальцов, но оба остались невредимы.

Когда они дошли до утлого моста над ревущим водоворотом, у Константина захватило дух, однако, перекрестясь, он перебежал его. Лисицын, перейдя вслед за ним, сбросил мост в пучину. Почти у самого берега Константин поскользнулся и снова выкупался. Сергею Петровичу пришлось своей жердью вытаскивать его из потока. Но вот все на берегу, все счастливы, все обнимают друг друга.

— Теперь хорошо бы развести огонь да обсушиться, — сказал казак. — Басурманов уж нечего бояться — пусть полюбуются с того берега.

— Нет, братец, об огне нужно забыть, — остановил его Лисицын. — Китайцы наверняка имеют лодки и переплывут реку ниже порогов. Надобно уходить отсюда, да поскорее.

Лисицын повел товарищей сначала в глубь леса, потом повернул на север, не отдаляясь, однако, от реки. Путешественники двигались поспешно, чтобы уйти от преследования. Вечером Лисицын остановился у скалистого берега реки, поблизости большого болотистого острова. Взглянув на уступ скалы, он весело закричал товарищам.

— Слава Богу! Здесь у нас будут отличный ночлег и ужин.

— Плохой будет ужин. В моей котомке ничего, кроме горсти орехов, — возразил Володя.

Гедеон и Константин ничего не сказали. От сильной усталости им есть не хотелось. Когда наши путешественники взошли на уступ скалы, Лисицын развел руками частые кусты молодого ельника. Обнаружилась низкая дубовая дверь в скале, довольно грубая, но прочная.

— Что это? — удивился Гедеон.

— Ночлег, о котором я вам говорил. Стоит отворить дверь...

— Она не отворяется, должно быть, заперта изнутри, — сказал Константин, налегая на дверь плечом.

— Дверь задвинута задвижкой с помощью особого деревянного ключа снаружи, как это делается у крестьянских амбаров.

— Вряд ли, я нигде не вижу отверстия, — возразил Константин.

— Дверь эту сделал я. Отверстие для ключа — секретное. Погодите-ка...

Лисицын срубил крючковатый сук, вывинтил из двери круглую деревянную ручку, служившую вместо скобы, вложил в отверстие сук и дверь отпер. В скале оказался небольшой грот. В одном углу находилась кухонная печь, в другом —

ларь, сбитый из толстых досок. На полу валялись лоханка, деревянное ведро, небольшая дубовая кадка, два глиняных кувшина, один из них был разбит. На полке все увидели несколько деревянных чашек и ложек, глиняные горшки. В открытой печи лежал на боку

небольшой чугунок. К стене был приставлен деревянный стол с ящиком.

— С какой целью вы устроили это жилище? — спросил Гедеон.

— Я всё объясню, но чтобы время даром не пропадало, прошу всех помочь мне почистить и помыть посуду... Назад тому несколько лет я поместил здесь беглого каторжника, с которым опасался жить вместе.

Пока он лежал здесь больной, я сложил эту печь, устроил прочную дверь, привез в грот столовую и кухонную посуду. Когда он выздоровел, я научил его стряпать, печь хлебы, удить рыбу; наконец, дал ему охотничье ружье для добывания дичи, которая на болотистом острове водится в несметном количестве.

Из ружья он чуть было меня не убил, кухонным ножом едва не зарезал, печь хлебы не захотел. Я вынужден был отнять у него ружье и ножи и привозить готовую провизию. Собравшись с силами, он решил переплыть в этом месте широкую и быструю реку, но не справился с волнами и утонул. Когда я пришел, чтобы взять его на Приют, то лишь нашел на берегу его окоченелый труп. Похоронил каторжника, водрузив над могилой крест. Через год я посетил могилу, но крест был сломан бурей, и я не посмел водрузить другого, значит, Богу так было угодно...

В это время Володя выдвинул столовый ящик и с восторгом закричал;

— Сколько здесь готовых удочек с лесами! Нарезать палки !— и сейчас можно рыбу удить.

— Что ж, к ужину у нас будет уха. Взгляни, не найдется ли чего в ларе.

— Здесь несколько глиняных кувшинов с деревянными затычками. В них мука, крупа, соль.

— Я же обещал вам отличный ужин: сварим уху, напечем лепешек, зажарим дичь, которую я сейчас настреляю.

Вечером путешественники собрались в гроте перед растворенной дверью и с аппетитом поглощали вкусные кушанья. На замечание Константина, что здесь можно было бы отдохнуть несколько дней, Лисицын отвечал:

— Гораздо лучше отдыхать в крепости на Приюте. Там мы будем в совершенной безопасности. Здесь же я могу вам поручиться за спокойствие только на эту ночь. Утром построили плот и благополучно переплыли реку. Плот разломали, пустив его части по течению, и пошли берегом озера, скрываясь от любопытных глаз в чаще леса. Во время привала огня не разводили. Вечером перед ними предстал Приют со Сторожевой скалой, увенчанной живописным кремлем. Все с благоговением перекрестились и просили у Бога помощи беспрепятственно войти в это надежное убежище.

— На озере не видно ни одной лодки, на острове — ни одного человека. Значит, Приют не занят? — спросил Володя.

— А вот посмотрим, что скажет подзорная труба, — отвечал Лисицын. — Действительно, на озере нет ничего, подтверждающего присутствие китайцев, и наш Приют кажется необитаемым.

— Теперь нужно придумать средство, как переправиться через озеро и взойти на остров, — сказал Гедеон.

— Средство одно: обойдем Глубокое озеро до самых тростников. Там найдем затопленные лодки и плоты, на которых перевозили скот и имущество в Долину роз в прошлую войну. Что можно — починим. Подплывем к узловатой веревке, по которой я спускался из башни. Я взберусь по ней и впущу вас в бухту. Понаблюдав с полчаса, путники хотели уже сойти с холма, как вдруг на входной башне в проливе бухты взвился клуб черного дыма и раздался выстрел, громкими перекатами пробудивший лесное безмолвие.

— Дело дрянь, — сказал Константин. — Крепость занята.

— Досадно, — расстроился Лисицын. — Поспешим сойти с холма, пока нас не заметили. Потом обсудим, что делать.

Отойдя на некоторое расстояние, Лисицын ещё раз взглянул на Приют. Наведя из-за дерева подзорную трубу, он увидел знакомый флаг, развевавшийся на Сторожевой башне. Из этого он заключил, что гарнизон острова подает сигнал китайским отрядам, находящимся где-то поблизости. Сообщив о своих соображениях товарищам, Лисицын поторопил их идти в Кедровую долину. К ночи они дошли до того места, где обыкновенно причаливали лодки с Приюта. Здесь беглецы, скрытые темнотой, вышли на берег озера.

Перед ними чернел утесистый Приют, а слева сливался с горизонтом Ореховый остров. Усевшись под деревом, они решили поужинать и обсудить свое положение.

— Как китайцы попали на остров? — начал Константин. — Скорее всего их привел сюда Янси.

— Янси никогда этого не сделает! — с жаром вступился Володя. — Он добрый и честный.

— Ты забываешь, он китаец, — возразил Гедеон. — По его понятиям, такой поступок — не измена.

— Я согласен с Володей, — сказал Лисицын. — Янси не мог впустить китайцев в Приют. Я верю в его искреннюю привязанность к нам.

Спор этот был прерван неожиданно: на Ореховом острове загорались огни. В подзорную трубу видны были палатки начальников и силуэты воинов, толпившихся у костров.

— Должно, смена пришла гарнизону, — заявил Константин.

— А может, подкрепление, — высказал свое соображение Гедеон.

— Что ж они не приплыли прямо на Приют? — спросил Володя.

— Оттого и не приплыли, что смена, — продолжал рассуждать Константин. — Командиры оденут людей в парадную форму, и завтра с барабанным боем и музыкой новые войдут на Приют, а старые сядут в их лодки и поплывут восвояси. В крепостях всегда так смена делается.

— Так делалось у вас на линии, в русских укреплениях, а у китайцев, вероятно, другой обычай. Завтра увидим, — заключил Гедеон.

Лисицын не вступал в разговор — он наблюдал. Потом объявил, что всю ночь спать не будет. Товарищи его, довольные таким самопожертвованием, улеглись и заснули.

Оставив спящих спутников, Лисицын влез на дерево и стал делать наблюдения в подзорную трубу. На Приюте всё было тихо, только на Сторожевой башне стоял человек и смотрел в ту сторону, где находились наши беглецы. Человек этот вскоре скрылся. На Ореховом острове началось движение, но в тумане ничего нельзя было рассмотреть.

Как только взошло солнце, на Приюте слышался звук барабана, похожий на русскую зорю. Впрочем, наблюдателю могло так показаться, потому что ветер часто менял свое направление и не позволял хорошо слышать звуки.

— Сергей Петрович, — сказал подошедший Володя, — на Приюте бьют в барабан. — К сожалению, я не могу разобрать, что именно бьют.

— У китайцев же нет барабанов. Мне Янси говорил.

— Теперь они принимают на службу иностранных офицеров, могли научиться и их порядку гарнизонной службы.

Не успел Лисицын спуститься с дерева, как из жерл нижнего этажа Передовой башни показались два клуба дыма, прозвучали два выстрела, и два ядра запрыгали по Ореховому острову, производя смятение в китайском лагере. Через минуту задымились обе бойницы верхнего этажа, а вслед за тем взвились две бомбы с платформы Входной башни — все эти снаряды наносили вред китайцам. — Что за чертовщина?! — вскричал прибежавший Гедеон. — Китайцы стреляют в своих?

— Должно, обознались спросонка, — усмехнулся Константин.

— Вот опять начали с нижней батареи, — весело сказал Володя.

— Сбили палатку начальника, — со смехом проговорил Лисицын, наблюдая в подзорную трубу.

— Да, никак, это сражение, — недоумевал Константин.

— Верхняя батарея стреляет! — закричал восхищенный Володя.

— На Приюте ни души, — сообщил Лисицын. — Канониры мастерски прячутся от неприятельских выстрелов.

— Вот опять мортиры грохнули! — Володя был чрезвычайно доволен.

— Китайцы садятся в лодки, отступают, — объявил Лисицын.

— А на башне — барабанный бой, — сказал Гедеон. — Голову отдаю в заклад, что в крепости русские. Жаль, они не могут нас видеть и выслать за нами лодку.

— Сейчас узнаем, кто защищает Приют. — Лисицын опустил подзорную трубу. — Из ворот выплыла лодка с одним гребцом; она направляется прямо сюда.

Все с нетерпением стали ждать пловца. Когда оставалось не больше версты расстояния, Лисицын радостно закричал:

— Янси! К нам плывет Янси! Быть может, мы увидим на Приюте наших возвратившихся товарищей.

— Янси, Янси! — кричал Володя, сгорая от нетерпения. Наконец Янси выскочил на берег и бросился целовать руки

Лисицыну:

— Скорей на лодка, господин, на озере китайцы, на берегу китайцы! Скорей на лодка!

— Как ты опять попал сюда? Кто с тобой на Приюте?

— Господин, скорей бежать! Всякий минута дорого. Скорей на лодка! Китайцы воротятся, отрежут от крепости — мы все пропали.

Лисицын налег на весло — и легкая лодка понеслась стрелой по волнам Глубокого озера.

— Поглядь на труба, Гедеона Михалич, что по левой сторона и что сзади.

— Слева ничего не видно, а сзади вижу лодку с китайцами, плывет возле самого берега; теперь подплывает к нашему причалу.

— Мой вовремя приехал забирать вас. Мой очень боялся эта лодка. Я видела вечером, вы стоял на берегу. По Володе разузнал. Подал сигнал из пушка — ваш ухом не повел. Флаг распустил — ваш ничего не видал. Утром лодка с китайцы поплыл на вас. Мой испугался — заберут вас. Товарищ с ума сходил и мой бесил. Мы взял по барабан и зоря бил. Ваш вышел на берегу — не догадался, что враг крадется. Дело плохо, говорю товарищ: прогоняем неприятель с Ореховой остров. Вот мы — бух! бух! Побежали, дали Янси к господин плыть. Взгляни, Гедеона Михалич, что задний лодка? Не пошел ли на нас?

— Она повернула к нам. Люди гребут изо всех сил.

— Пусть гребут, моя не догнать, башня близко.

Действительно, прежде чем китайцы успели подплыть на ружейный выстрел, беглецы вступили под свод Передовой башни, и тяжелая решетка опустилась за ними. Высадившись у бухтовой башенки, все бросились обнимать Янси и его товарища, отставного бомбардира Герасима.

— Расскажите, как вы очутились здесь? — спросил Лисицын обоих защитников Приюта.

— Я, господин, осталась одна на Приют после твой ухода. Сначала был страшно, потом стал скучно. Мой крепко захотела бежать за господин на Нерчинск. Домой нельзя — убьют Янси. Мой сошла по веревка на лодка и побежал к Амур. На дорога попал в плен к гилякам, там работала зима и весна. Слух прошла, много русска переловили на река Зея. Но моя крепка верила, господин не пойдет в плен, он отбился и пошла опять на Приют к Янси, а там нет Янси, служить будет некому. Я стала нарочно больна. Меня гиляки оставил с бабы и дети. Моя в ту же ночь выздоровела и бежала. Бежала долго и пришел сюда. Всплакнулась, господина нет. Авось придет, коли жива.

Всякий день моя караулил на башня, смотрел господин. Раз вижу — человек сидит на берег озеро, хворост жжет. Взяла лодка, заряженная ружье и поплыл посмотреть. Гляжу, на голова солдатска шапка. Моя обрадовался и кричал по-русска; солдат отвечал по-русска. Вот мы стал здесь жить. Жил как брат. Вдруг глядим — дым на восток. Моя струсил: свои пришли, убьют Янси. Герасима сказала: не бойсь, твоя волосок не трогать, прогоню из пушка. Она стал моя учить заряжать и наводить пушка, а прежде учил бить на барабан. Вчера с высокой башня моя видел три большой человек и один мальчик. По Володя узнал господин. Бог помогал привезти на Приюта.

— Я, ваше благородие, был в охотниках, — начал Герасим, — с офицером, посланным осматривать Амур. Лодка наша плыла по реке, как вдруг поднялась буря и посадила нас на мель. Когда вместе с другими я сошел в воду, чтобы стащить лодку, меня сбило с ног, залило водой — я память потерял. Очнувшись, увидел себя на песчаном берегу. Ворочаться в Россию берегом опасался, а помня карту, какую часто держал перед офицером, пошел на северо-запад в надежде пробраться к якутам.

Всё мое оружие составляли топор да большой ножик. Питался птичьими яйцами, орехами да грибами и уже крепко отощал, когда Бог привел в эту сторону. Гляжу — на горе крепость. Думаю — китайская. Хотел скорее уйти от греха подальше, как вдруг

рассмотрел дом, выстроенный по-нашему. Диво, думаю, да и только: как мог попасть русский дом в китайскую крепость? Разве какой ссыльный передался китайцам и дом сложил по нашему обычаю.

Было утро солнечное, как теперь, и день случился воскресный. Перекрестясь, пошел я берегом, не зная, что делать. Влез на высокое дерево, чтобы лучше остров рассмотреть и тут увидел храм Господень. Нет, думаю, тут живут наши, православные. Сел на берегу озера, развел огонь, чтобы меня заметили. Добрый Янси скоро приплыл за мной и рассказал об вас и обо всех товарищах. Я служил бомбардиром, а стоял на одной квартире с барабанщиками, научился у них бить зорю и разные марши. От скуки сделал два барабана и стал учить Янси. Думал, пригодится: вздумают китайцы брать остров — мы будем зорю бить и марши, пусть знают, что нас здесь много...

Янси повел товарищей в крепость завтракать, а Герасим остался охранять бухту. Представьте себе, мои читатели, как радостно бились у всех сердца при взгляде на знакомые места, бывшие свидетелями их полевых трудов, воинских подвигов и часов отдохновения. Каждый куст, каждое дерево, каждая поляна напоминали о прошлом. Сознание, что все опасности тяжелого похода окончились, что здесь ожидает их изобилие и спокойствие, рождало в душах восторг.

Взойдя на Сторожевую скалу, путешественники направились в церковь, где со слезами благодарности пали на колени перед образом Спасителя — Он один вывел их невредимыми из бесчисленных опасностей.

Потом пошли к величавому кремлю, пленявшему взор своей красивой зубчатой стеной, гордыми башнями и приятной зеленью перед укреплениями. Из амбразур грозно выставили свои жерла артиллерийские орудия, но мирная, приветливая окрестность заставляла думать, что кремль выстроен не для обороны, а для её украшения.

В доме все комнаты находились в совершенном порядке и опрятности, что делало честь трудолюбивому Янси. Когда же перед голодными странниками он поставил ветчину, жареное мясо,

превосходно испеченный хлеб и душистый чай, у них от удовольствия заискрились глаза.

После завтрака Гедеон и Константин улеглись отдыхать, а Лисицын с Володией пошли осматривать ферму, скот и лошадей. Весело разговаривая, они миновали лес и луг и очутились перед красивым строением фермы, содержащимся в чрезвычайном порядке. Стадо и лошади, ещё более размножившиеся, паслись по полянам под надзором овчарок, которых Володя насчитал более десяти. Сначала собаки залились лаем, но, узнав Лисицына, тотчас начали ласкаться; немалая доля их приязни досталась и Володе. Когда Лисицын, осмотрев со своим молодым другом всё хозяйство, возвратился на Сторожевую башню, в бухте раздался выстрел.

— Неприятель, ваше благородие! — отрапортовал Герасим.

— Прошу тебя, называй меня Сергеем Петровичем и считай товарищем. Я командир только во время сражения. Где же ты видишь неприятеля?

— А вон, от скалистого пролива пять лодок плывут сюда.

— У тебя отличное зрение, Герасим. Надеюсь, после вашей канонады китайцы не осмелятся пристать к Ореховому. Не видал ли ты, куда девалась лодка, преследовавшая нас?

— Она поплыла сначала к Ореховому острову, но, увидав, что остров пуст, повернула нос в пролив. Я уж полагал, что неприятель совсем бежал.

— Китайцы очень настойчивы, Герасим. Любопытно, что они будут делать?

— За островами лодок больше не видно.

— Китайцы высаживаются на Пихтовый остров, — сказал Лисицын, посмотрев в подзорную трубу. — Их больше ста человек, но пушек у них нет.

— Не собираются ли они брать крепость голыми руками? — засмеялся Герасим.

— Но ведь недаром же они здесь. Верно, замышляют что-нибудь недоброе.

— Смотрите, Сергей Петрович, сюда плывет лодка с переговорным флагом. Подошли Гедеон, Константин и Янси. Лисицын, желая

уверить неприятеля в многочисленности гарнизона, приказал Янси идти с барабанным боем от кремля к бухте, а Герасиму бить марш на южной стороне острова. Константин занял нижние бойницы башни, Геден — средние, а Володя — верхние. Все приготовились к стрельбе.

В лодке было двое воинов с белым флагом. Лисицын закричал им, чтобы причалили к решетке ворот, и, сев в лодку, подплыл к китайцам с другой стороны решетки. Один из посланных сказал по-русски, хоть и неправильно, но понятно: — Губернатор провинции прислал меня объявить вам: ему известно, что в укреплениях ваших не больше трех человек и ещё мальчик. Снисходя к вашей слабости, он не хочет проливать вашей крови, не хочет иметь вас военнопленными. Если вы немедленно сдадите остров, он позволит вам удалиться, куда захотите. Если же станете упорствовать, то мы разнесем все ваши укрепления, подобно праху, а вас ждет мучительная смерть. Я всё сказал! Лисицын отвечал:

— Господин ваш — знаменитый губернатор цветущей провинции — действительно знает всё. Месяц назад на острове находилось всего два защитника, но теперь сюда прибыло больше тысячи русских воинов, так что вы напрасно будете проливать кровь в неравной с нами борьбе. Мало того, зная превосходство наших сил над вашими, мы сами атакуем вас всей нашей флотилией, если вы решите остаться на озерах, и тогда никто не получит пощады. С каждым пленным мы поступим по нашим военным законам за нарушение мира, заключенного с нами вашими полномочными начальниками. Я сказал всё. Передайте ответ мой вашему главнокомандующему.

— Это одна военная хитрость! — закричал китаец.

— Чтобы убедить вас, что под моей командой довольно людей, я прикажу им открыть огонь из всех орудий башни.

— Да, прикажите. Ваша ложь станет очевидной. Лисицын командовал:

— Слушай! Пальба всеми орудиями. Изготовиться — пли! Страшный гром потряс башню. Шесть снарядов запрыгали по зеркальным водам озера.

— Итак, передайте вашему главнокомандующему: если солнце застанет вас завтра на озере, ничто не спасет вас от истребления. Мы знаем, что у вас пушек нет, а наши лодки будут ими вооружены.

Посланные молча удалились. Лисицын распорядился, чтобы на острове и в кремле всю ночь горели бивачные огни. Этим он хотел уверить подозрительных китайцев в многочисленности гарнизона. Утром на Пихтовом острове не осталось ни одного врага. Таким образом, обитатели Приюта стали полными владельцами озерного края.

Жизнь их потекла мирно: полевые труды, охота на дичь и неприхотливые удовольствия. Константин с Герасимом предпочитали упражняться в рыбной ловле. Лисицын с Гедеоном по-прежнему любили охоту. Володя, которому запрещено было отлучаться с острова, усердно занимался науками. Сергей Петрович охотно передавал мальчику свои познания, соответственно его возрасту, и с удовольствием находил в нем понятливого и старательного ученика. Он учил Володю стрелять в цель и фехтовать, плотницкому и столярному делу, другим полезным ремеслам. Эти занятия очень нравились мальчику.

Наступила весна 1855 года. Судьба Володи, росшего в дикой стороне, очень заботила обоих его попечителей. Сергей Петрович и Гедeon Михайлович нередко рассуждали о том, как возвратиться в Россию, но оба находили невозможным пробиться по Амуру через китайские преграды.

Однажды они отправились охотиться вверх по Алмазной реке, нагрузив свою лодку провизией. Володю решено было взять с собой. Он уже хорошо владел огнестрельным оружием. Мальчик не помнил себя от радости, отправляясь в такую дальнюю экспедицию.

Переночевав в гроте, у которого дверь оказалась выломанной, что доказывало: китайцы преследовали их по пятам в прошлом году, охотники поплыли против течения, любуясь красивыми берегами многоводной реки. Лисицыну эта поездка была дорога воспоминаниями о тех днях, когда он плыл здесь на барке с любимым своим Василием и несчастным Петрушей.

После двухдневного плавания они вошли в боковую реку, впадавшую с восточной стороны. Множество перелетной дичи встречалось им на пути, а рев медведей и вой волков ночью доказывали обилие в этом крае пушных зверей. Проплыв несколько дней, путешественники достигли озера у подошвы невысоких гор, из которого и вытекала пройденная ими река. В озеро падало с гор множество ручейков.

Володя упросил Лисицына поохотиться здесь несколько дней. Причалили в удобном месте, лодку прикрепили цепью к прибрежному дереву и, запасшись провизией и зарядами, отправились в горы, которые не были трудны для восхождения. Обилие лисиц и соболей всё больше заманивало охотников в глубь гор. Опытный Лисицын, не довольствуясь компасом, делал заметки на деревьях, по которым легко можно было найти обратный путь.

Идя всё время на восток, путники достигли перевала на другую сторону гор. Вдали расстилалась обширная равнина. Быть может, она доходила до самого Восточного океана. Чтобы укрыться от пронзительного северо-западного ветра, охотники спустились с восточного склона и расположились ночевать на берегу узкой, но глубокой речки.

Гедеон, проснувшись утром, увидел, что Лисицын делает плот из нетолстых еловых бревен, вырубленных из деревьев, росших поблизости.

— Для чего нам плот? — спросил он Лисицына. — Вы намерены плыть по этой горной речке?

— Да, мне хочется исследовать её течение. Из этого могут выйти очень важные последствия.

— Важные для нашей жизни, хотите вы сказать? На горных речках часто встречаются водопады.

— Водопады? Не думаю. Течение слишком спокойное. А вот если бы нам удалось открыть, что эта речка имеет сообщение с какой-нибудь рекой на равнине, мы нашли бы безопасный путь в океан и могли бы, построив здесь лодку, доплыть берегом до Охотска. Что вы на это скажете?

— Мысль хороша. Стоит попытать счастья. Не могу ли я чем-нибудь помочь вам? — Помощь товарища никогда не бывает лишней. Давайте закончим плот до пробуждения Володи. Он будет восхищен речной прогулкой между горными ущельями. А чтобы не подвергаться опасности, я запасусь щепками. Они укажут нам скорость течения. Управлять плотом будем длинными шестами.

Володя действительно пришел в восторг от нового путешествия. Товарищам пришлось плыть то под нависавшими скалами, то по узкому ущелью, то вдоль восхитительной долины, обрамленной покрытыми лесом уступами самых прихотливых очертаний. После благополучного четырехдневного плавания путешественники оставили за собой горы и очутились на беспредельной лесной равнине. Вышли в широкую реку. Не было никакого сомнения, что эта многоводная река, текущая на восток, впадает в море.

После долгого совещания друзья решили возвратиться на Приют и предложить товарищам попытать счастья на новом пути в отечество. Здесь китайцы не могли им препятствовать. Обратно шли пешком до озера, где у них оставалась лодка, потом сплывились без всяких приключений.

Когда все собрались к обеду, Лисицын заговорил о самом важном:

— Друзья мои, я поделюсь с вами своими соображениями о нашем будущем и прошу вас высказаться откровенно. В продолжение нескольких лет с деятельными и храбрыми товарищами мне удалось завладеть этой страной, развить здесь земледелие и скотоводство, создать укрепления, владея которыми русские могут господствовать в этом крае. Конечно, такое ничтожное владение — не более чем капля в Приамурье. Тем не менее наш Приют может послужить основанием для дальнейших приобретений и выхода к многоводному Амуру, что, без сомнения, принесет огромные выгоды всей Сибири.

Положим, мы при нашей неутомимой бдительности в состоянии отстоять Приют от покушений китайцев, но решительно не можем сберечь всей занятой нами территории. Остается одно — известить наше правительство о здешних завоеваниях и привести сюда значительные военные силы. Для этого необходимо двоим из нас

отважиться идти в отечество, а прочим остаться оберегать Приют. Путешествие по Амуру в Нерчинск опасно. Путь горами и лесами утомителен и потребует много времени. Нужно избрать дорогу легкую и менее опасную. Такую дорогу открыл нам счастливый случай в последнее путешествие. Вся трудность — построить надежную лодку.

Все товарищи одобрили Лисицына. Володя в восторге — его пылкое воображение рисовало неизвестные страны и опасности, которые он будет преодолевать благодаря своей ловкости и меткости стрельбы из ружья.

— Что ж, остается бросить жребий, кому охранять остров, а кому отправляться в опасный путь, — подвел итог Лисицын.

— Не надо жребий, господин. Моя должна сидеть на Приут, чтоб земляк не увидал. — Янси поклонился Сергею Петровичу.

— Я получил чистую отставку и не имею семьи и родных, — сказал Герасим. — Я останусь. Край мне нравится. Когда русские завладеют Амуром, я охотно здесь поселюсь.

— А меня возьмите с собой, — попросил Константин. — Я много лет не видал семьи, да и в дороге пригожусь вам и с ружьем, и с топором, и управляя парусом. — А я, разумеется, иду с вами. — Между Гедеоном и Лисицыным всё уже было решено.

Из трех лодок, бывших в бухте, Лисицын выбрал самую большую и, нагрузив её всем необходимым для продолжительного плавания и инструментами для постройки другой лодки на горной речке, назначил день отправления.

Солнце ярким своим блеском разбудило обитателей Приута и напомнило товарищам о долгой разлуке. Помолясь в церкви, отъезжающие простились с остающимися. Не обошлось без слез. Наконец путешественники, напутствуемые благословениями и добрыми желаниями, сели в лодку и поплыли по спокойным водам озера. Когда Приут совершенно скрылся из глаз, пловцы перекрестились и налегли на весла. Володя ещё не раз украдкой смахивал слезы, грустя по своему приятелю Янси.

Лисицын скоро его утешил, подарив ему ружье Крысинского, замечательное кроме отделки и верности и необыкновенно легкое.

Забросив его за спину, мальчик не помнил себя от радости и в эту минуту готов был вызвать на бой всех китайцев.

Прибыв к озеру у подошвы гор, лодку разгрузили, вытащили далеко на берег, чтобы её не могло снести весенней водой, и опрокинули, чтобы меньше портилась от дождя и солнца. Эта предосторожность была принята на случай возвращения. Несколько дней ушли на переноску вещей к горной речке, потом приступили к постройке лодки. Константин был очень полезен как своей физической силой, так и умением владеть топором. Гедеон хорошо управлялся ручной иглой и скобелем. Сергей Петрович с Володией снабжали товарищей свежей провизией и готовили пищу.

Наконец лодка была построена. Она имела небольшую мачту и парус, приспособленный к легкому управлению. По горной речке благополучно спустились и вошли в большую реку, не уступающую своим многоводьем Алмазной. В ней также водилось много рыбы, а по берегам встречалась дичь. Берега, до бесконечности разнообразные, были чрезвычайно красивы.

Через несколько дней пути путешественники увидели по правой стороне обширное водное пространство, которое приняли за морской залив. Оставив реку, повернули направо, в рукав её, но вскоре убедились в своей ошибке — вода в предполагаемом заливе была совершенно пресная, а над ней летало множество озерных птиц.

Здесь путешественники в первый раз употребили в дело парус. Через сутки они открыли другой пролив, который вывел их опять в широкую и глубокую реку, по которой они начали свой путь. Ночью они увидали в отдалении огни, мелькавшие в нескольких местах, это доказывало присутствие людей. Лисицын принял все меры, чтобы не быть замеченными.

На следующий день увидали целое селение, судя по постройкам, очень бедное. Несколько человек в оборванных халатах махали им руками, приглашая пристать, но Лисицын счел за лучшее удалиться к противоположному берегу. Этот маневр был повторяем всякий раз, когда случалось плыть мимо поселений, которые стали попадаться всё чаще. Впрочем, жители ни по наружности, ни по одежде не были

похожи на китайцев. Вспомнив рассказы Василия, Лисицын предположил, что на этой реке живут гиляки. Хотя Василий и уверял, что это народ мирный и даже трусливый, Сергей Петрович благоразумно решил не вступать с ними ни в какие отношения.

Много дней они плыли, а моря всё не было видно. Товарищи Лисицына начали терять терпение; и только доводы Лисицына поддерживали общую бодрость. Жилища исчезли; река продолжала течение по необитаемым местам. И вот сентябрьским утром Константин, сидевший у руля, вдруг закричал:

— Море! Море!

Все проснулись от этого волшебного крика и с волнением всматривались вдаль. Действительно, лодка вскоре вошла в обширный водный бассейн, из которого два широких пролива вели на север, а третий шел на восток, теряясь в дремучих лесах. Решили повернуть на север. Плыли сутки, но опять не по морю, а лишь по большому озеру. Обследование второго пролива привело к тому же заключению. Потеряв напрасно время, поплыли теперь по восточному проливу, служившему продолжением реки. На другой же день очутились в широком разливе вод, приведшем их в реку необъятной ширины, местами покрытую роскошными луговыми и лесными островами.

— Держу пари сто против одного, — сказал Лисицын, — что это Амур.

— А я утверждаю, что это пролив, ведущий в море, — возразил Гедеон. — Амур должен быть южнее.

— По всему должен быть Амур, — поддержал Лисицына Константин. — Другой такой реки нет во всём крае. А заливом быть не может — вода пресная.

— Это ещё не доказательство, — опять возразил Гедеон. — Проплывем десятка два верст, тогда цвет и вкус воды наверняка переменится.

— Амур приведет нас к Сахалину. А там мы можем наткнуться на японцев. Они поступают с иностранцами не лучше китайцев. Надо держаться левого берега и постараться незамеченными проскользнуть в Охотское море.

— Поверьте, мы скоро выплывем прямо в Охотское море, — настаивал Гедеон. — Будь это Амур — мы встретили бы хоть одну лодку, гиляцкую или китайскую.

— Вместо лодки вон вам целый пароход, — весело отозвался Лисицын.

— Где пароход? Какой пароход?

— Может, это русский пароход? — вскричал Володя.

— Русские пароходы здесь не ходят. Вероятнее всего, мы встретили английский пароход. Эти пройдохи англичане всюду запускают свои лапы, как почуют торговые выгоды.

— Англичане возьмут нас в плен? — явно трусил Володя.

— Если Россия не в войне с Англией, то нас взять в плен не могут, должны доставить в первое русское поселение. Но вот что важно, друзья мои, нам нужно скрыть цель нашего путешествия и наше завоевание. Будем уверять, что были захвачены китайцами во время крушения торгового судна и что нам удалось бежать.

Лодка обогнула мыс, и все ясно увидели небольшой колесный пароход, шедший им навстречу. Когда на пароходе заметили лодку, убавили пары и дали сигнал приблизиться. Лисицын поспешил повиноваться, потому что считал: на английском пароходе удобнее достичь русских поселений, чем плыть по бурному морю в утлой лодке.

— Кто плывет? — спросили с борта парохода на чистом русском языке.

— Русские, — отвечал изумленный Лисицын.

— Что за люди?

— Заблудившиеся в этом крае, мы просим доставить нас в первое русское поселение.

— Ступай наверх, — скомандовали с парохода.

Представьте себе, мои читатели, радость и удивление Лисицына и его спутников, когда они поняли, что попали на русский пароход, и узнали, что Приамурский край уступлен китайцами России по договору.

В 1858 году, кажется, в половине августа, ехал я по большой дороге уезда и был поражен красотой господского дома, расположенного на

берегу обширного озера, живописно окаймленного хвойными деревьями.

— Чей это дом? — спросил я извозчика.

— Сергея Петровича Лисицына, — отвечал парень, погоняя лошадей. — Знатнейший барин, другого такого вряд ли сыщешь.

— Разве ты его знаешь?

— Как не знать, его все знают.

— Стало быть, он давно здесь живет?

— Недавно. Барин и богатый, и больно добрый. Нынешней весной женился.

— Что ж, откупщиком был или хорошее приданое за женой взял?

— Плюет он на откупщиков, а жену взял за красоту из беднейшего дома. Ну да уж и барыня — Божья благодать. Вишь, он прежде сам беден был, да попал Бог весть идти на Амур, в басурманскую землю, там и разбогател. Теперь всему нашему краю отец.

Слова ямщика очень меня заинтересовали. Приехав в город, стал я расспрашивать дворянского предводителя, который в тот же день и познакомил меня с Лисицыным. Мы скоро подружились, и он передал мне свои записки, послужившие основанием для этого рассказа.

От него я узнал, что правительство подарило ему Приют со всеми землями на десятиверстном расстоянии, обязав поддерживать чугуноплавильные и медноплавильные заводы, что Володя учится теперь в Московском университете, а Гедеон Михайлович, вышедший в отставку, управляет его амурскими владениями, имея помощниками Василия, вырученного из плена, Янси и Герасима, пожелавших остаться на острове. Огромный запас мехов, проданный за хорошую цену, и наследство тетки доставили Сергею Петровичу средства разработать золотые прииски близ Приюта, пустить в ход чугунные и медные заводы, а также устроить несколько превосходных ферм.

— Случалось ли вам встретиться с капитаном корабля, высадившим вас на необитаемый берег? — спросил я однажды Сергея Петровича.

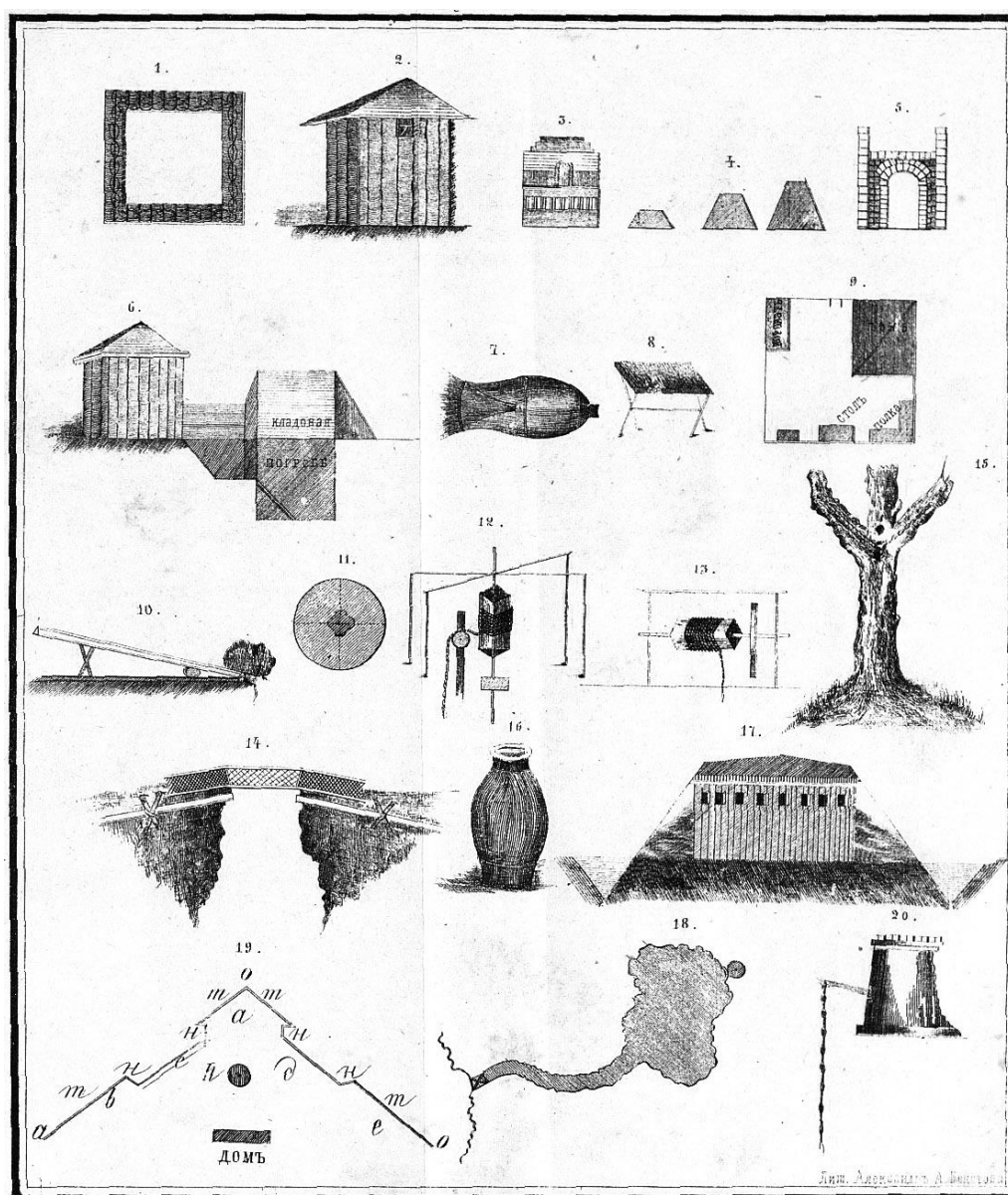
— Наше первое свидание было очень радушным. Добрый старик плакал от счастья, убедившись в моем нравственном перерождении. Второе и последнее свидание стало очень трогательным — плакал уже я: старец скончался на моих руках, благословляя двух своих сыновей.

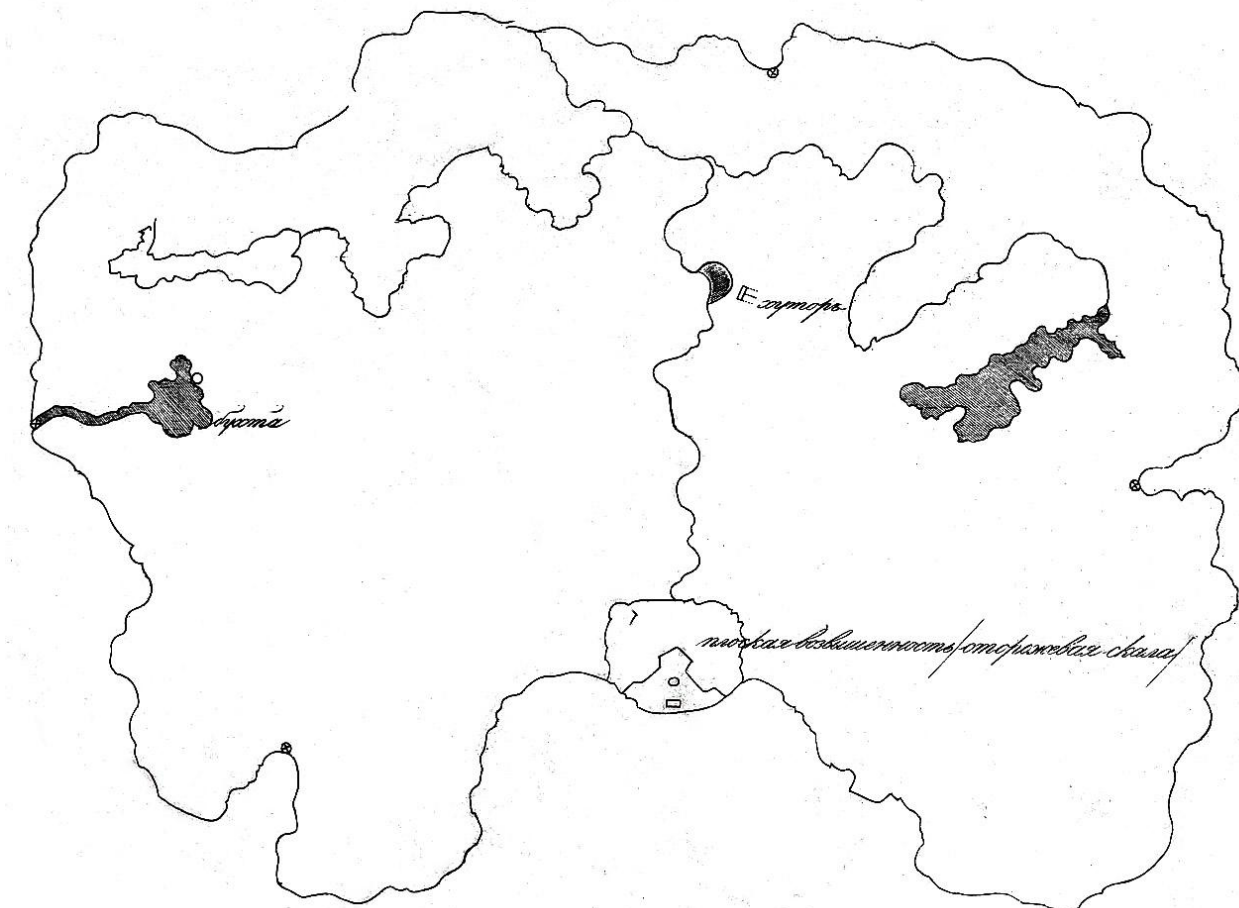
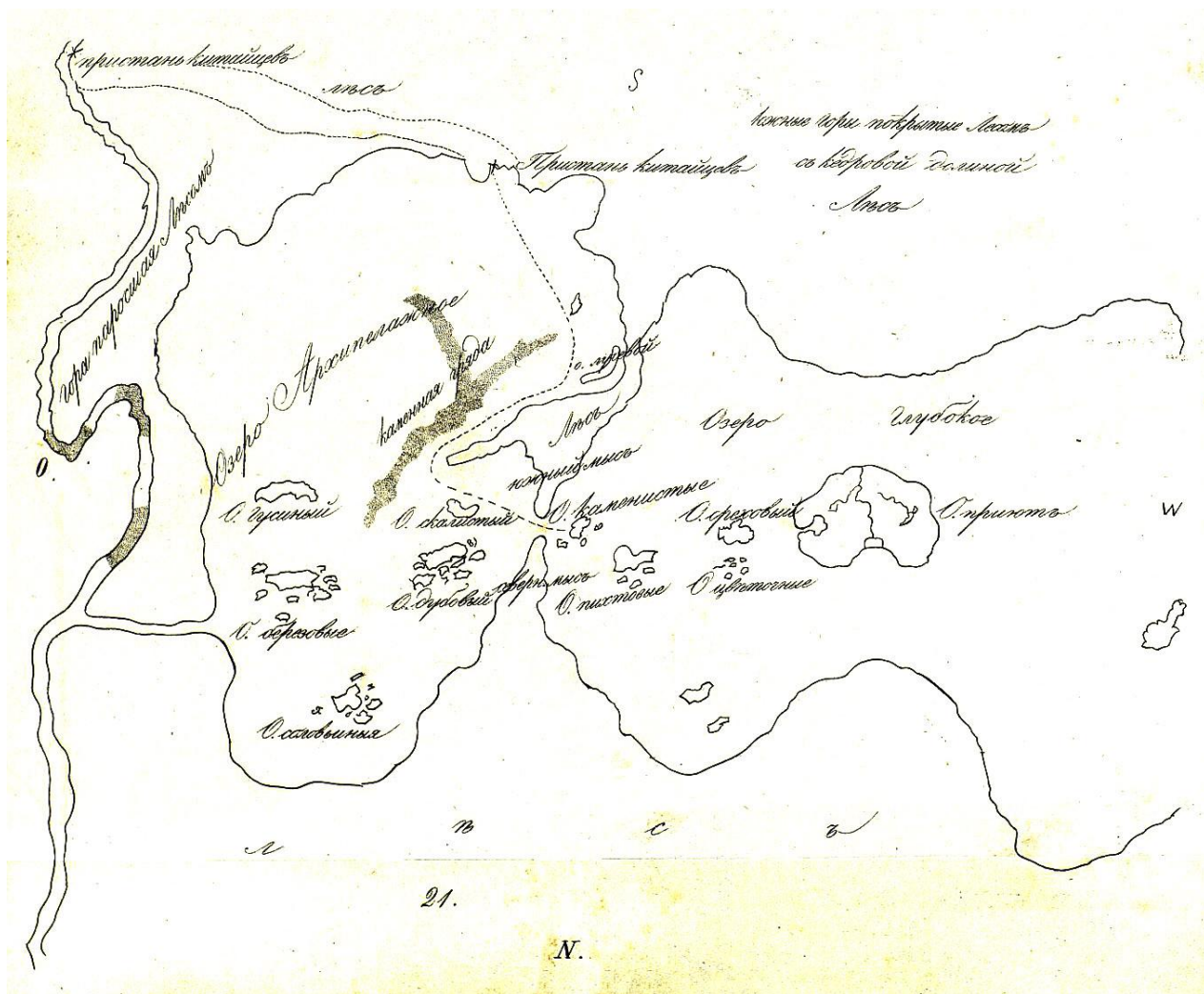
— Оставил он детям состояние?

— Никакого. Капитан всю жизнь заботился только об интересах казны.

— Где же они теперь? Вероятно, в Морском корпусе?

— Нет, отец поручил их мне. Я поместил их вместе с Володией в Московский университет. — Через минуту Сергей Петрович добавил: — Я вполне сознаю свою священную обязанность — долг мой отцу выплатить детям.

Разделение на главы сделано по второму московскому изданию 1876 года. А.Дуглас